

САМЮЭЛЬ
БЬОРК

МАЛЬЧИК
В СВЕТЕ
ФАР

НИЧУТЬ НЕ ХУЖЕ Ю НЕСБЁ.
SUNDAY EXPRESS

18+

Annotation

В озере высоко в горах находят труп девушки в балетном костюме. Рядом полицейские обнаруживают страницу из книги «Братя Львиное Сердце» и фотокамеру, в объективе которой процарапана цифра «4». Вскоре выясняется, что балерину убили уколом антифриза в сердце. За дело берется команда Холгера Мунка. Даже Миа Крюгер откладывает столь необходимый ей отпуск, чтобы помочь Холгеру раскрыть это страшное преступление. Вскоре обнаруживается еще один труп: молодой джазист лежит на кровати дешевого хостела, играет музыка, а на стене надпись – цитата из мультфильма «Бемби»: «Смотри, что я умею». В объективе стоящей рядом камеры можно разглядеть цифру «7». Полицейские ломают голову: между жертвами нет никакой связи, попытки установить личность убийцы также никуда не ведут. Меж тем в Осло появляются все новые и новые трупы. И никто из растерянных следователей не догадывается, как близко притаился убийца...

- [Самюэль Бьорк](#)

-
-
- [I](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- 2
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
- 3
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
- 4
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)

- [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
- [5](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
- [6](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [75](#)
 - [77](#)
- [7](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)

Самюэль Бьорк

Мальчик в свете фар

Samuel Bjørk
GUTTEN SOM ELSKET RÅDYR

© Samuel Bjørk, 2013
© Назарова М. В., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

В первый день Рождества 1999 года пожилой мужчина ехал по горной дороге из Осло в Хемседал. Семидесятилетний пенсионер и вдовец, он встречал Рождество у своей дочери. Обычно ему доставляло удовольствие ехать этой дорогой по двум причинам. Во-первых, он не любил город – всегда было так приятно уехать подальше от людей с их постоянной суетой. А во-вторых, в пути его окружала необычайно красивая природа. Леса, равнины, вершины гор, озера, одинаково прекрасные в любое время года. Норвегия в своей лучшей ипостаси. Истинная красота повсюду, без конца и края. В тот год зима пришла рано, землю устилал сказочный снег, и казалось, что едешь сквозь безмолвную тишину красочной почтовой открытки. Обычно было так. У пенсионера были проблемы со зрением, и он всегда старался выехать пораньше, чтобы насладиться дорогой домой в свете дня. Однако на этот раз он задержался.

Темнота... Он не любил ее. Одно дело – сидеть дома у камина, тогда почему бы и нет, он не имел ничего против того, что земля так повернулась, что вокруг наступила ночь, нет-нет, это даже очень уютно. Налить себе стаканчик чего-нибудь. Завернуться в плед на диване, пока за окном просыпаются ночные животные, а холод начинает по-настоящему брать свое, так что трещит в бревенчатых стенах. Но в машине?! Так далеко от дома?! Нет, такое ему не нравилось. Пенсионер сбавил скорость и придвинулся еще ближе к лобовому стеклу. Он купил новые мощные фары на машину – яркие огни, для таких случаев, как этот. Он включил их, как только на небо набежали облака, закрыв последний

крошечный источник слабого света, который давала луна. Внезапно в воздухе повисла ледяная беззвучная мгла. Пожилой мужчина сделал глубокий вдох, и у него на секунду промелькнула мысль остановиться и подождать. Конечно, это идиотизм, господа. На улице почти минус двадцать, а он вдали от людей. Надо просто дотерпеть. Приложить все усилия. Он уже как раз собирался включить радио, чтобы найти что-нибудь бодрящее, когда фары внезапно осветили нечто, при виде чего он непроизвольно подскочил.

Черт подери.

Перед ним на дороге кто-то стоит.

Какого?..

Пятьдесят метров.

Двадцать метров.

Десять метров.

Он в отчаянии втопил педаль тормоза, почувствовал, как сердце выпрыгивает из груди, костяшки пальцев на руле побелели, мир почти рухнул перед его глазами, когда машина наконец остановилась.

Пенсионер сидел в машине и хватал ртом воздух.

Какого хрена?

На дороге перед ним стоял маленький мальчик.

Не двигаясь.

С посиневшими губами.

С рогами оленя на голове.

I

Апрель, 2013

Кудрявый десятилетний мальчик сидел на банке маленькой лодки и изо всех сил старался не издавать ни звука. Он бросил беглый взгляд на отца, сидевшего на веслах, и почувствовал, как внутри все потеплело. Снова в гостях у папы. Наконец-то. С последнего визита прошло уже достаточно много времени, после того как мама услышала о произошедшем здесь в прошлый раз. В папином доме в лесу, почти на горе, который мама называла хибарой. Мальчик пытался объяснить, что для него неважно, что папа не готовит такие же обеды, как мама, или что он курит в доме, или что в гостиной висит ружье. Оно же для куропаток, а не в людей стрелять, но мама и слышать ничего не хотела. Больше никаких посещений, она даже в полицию позвонила, или не в полицию, но как бы то ни было, кто-то пришел поговорить с ним, и за кухонным столом записывал в блокнот, и с тех пор папу он не видел. До этого момента.

Мальчику очень хотелось рассказать, что с последнего приезда он прочел много книг про рыбалку. В библиотеке. Что теперь он знает много названий: сиг, голец, мольва, форель, семга; что в таких озерах, как это, не водится щука, потому что щуке нравится прятаться в камышах. А здесь камыша нет, только нечто похожее на болото у кромки воды. Но он ничего не сказал, потому что усвоил: на рыбалке не разговаривают, разве что очень тихим голосом, и только если папа заговорит первым.

– Первая поездка на Сварттъенн в этом году, – прошептал отец и улыбнулся сыну сквозь бороду.

– Здесь всегда так здорово, – прошептал мальчик в ответ и почувствовал, как тепло снова разлилось по телу, когда отец подмигнул ему.

Мальчик много раз пытался объяснить это маме. Насчет папы. Что ему так нравится находиться здесь – птицы за окном, аромат деревьев... Что деньги не играют никакой роли, что папа не виноват, что никто не хочет покупать его рисунки, что можно обедать, не помыв руки, без скатерти на столе. Но она не желала слушать, и ему порой так трудно было подобрать слова, что он перестал пытаться.

В гостях у папы.

Он поднял взгляд к облакам в надежде, что они скоро исчезнут. Звездное небо. Вот когда приходит рыба. Он снова перевел взгляд на отца, на его сильные руки, тихо рассекающие веслами черную, как уголь, воду, и ему захотелось сказать, что он тоже тренировался и скоро сам сможет

грести. Но он промолчал. Тренировался он не в спортзале, куда ходила мама, туда с детьми нельзя, но он делал то же самое дома в своей комнате, отжимался и приседал практически каждый день в течение почти полугода, и да, он много раз смотрел на себя в зеркало, но мышцы не особенно увеличивались. Тем не менее, у него был план. Возможно, к следующему лету. Может быть, тогда сработает. Он уже представлял, как это произойдет: он пойдет в ворота с рюкзаком за спиной, может быть, в футболке, похожей на те, что носили мужчины в мамином спортзале, с большими бицепсами на руках, которыми можно грести, чтобы папа мог сидеть на банке, пока сын сам будет управляться с веслами.

– Рыбалка без пива – не рыбалка, – прошептал папа и еще раз подмигнул, наклоняясь и открывая одну из банок, что лежали на дне лодки.

Мальчик кивнул в ответ, хотя и знал, что это – один из тех вопросов, о которых мама говорила с теми людьми: папа слишком много пьет, и это безответственно.

Сварттъенн. Живописное озеро, сокрытое высоко в горах, о котором мало кто знает. Теперь они здесь вдвоем, вместе, поэтому мальчик старался не думать о том, что мама сказала, что больше поездок к папе не будет. Что это, наверное, последний раз.

– Первый заброс? – прошептал отец и сложил весла.

– На мормышку или на блесну? – прошептал мальчик, откинув кудри назад. Он знал, что это важно, хотя сам не вполне понимал, почему.

Отец сделал еще один глоток пива и бросил взгляд на облака, а затем на темную воду.

– А ты как думаешь?

– На блесну? – сказал мальчик немного неуверенно вначале, но почувствовал, как щеки загорелись, когда отец кивнул и улыбнулся ему, открыв коробку с крючками, лежавшую на лавке рядом.

– Слишком темно для мормышки, согласен?

– Согласен, – кивнул мальчик и поднял взгляд к небу, на секунду притворившись, что не заметил, что оно не такое безоблачное и звездное, как должно быть.

– Вот так, – сказал папа, закрепив разноцветную блесну на леску.

В торжественный момент, когда руки сына приняли удочку из рук отца, мальчик знал, что скажет папа, но притворился, будто это что-то новое для него:

– Короткими рывками, чтобы не достать до дна, хорошо?

– Хорошо, – сказал мальчик и перекинул удочку через стойку на лодке.

Держать катушку. Поднять удочку. Назад. Отпустить точно в нужный

момент. Мальчишка снова почувствовал, как тепло разливается по телу, поймав взгляд отца, говоривший, что он все сделал правильно, когда блесна пролетела по воздуху и угодила в черную воду с почти неслышным всплеском.

– Не слишком сильно, – прошептал отец, открывая новую банку пива. – Тяни осторожно.

Мальчик сделал, как сказал отец, и ему так захотелось сказать маме, что она ошибается. Лодка. Озеро. Он очень хотел быть с папой. Что бы ни говорили люди с блокнотами. Может быть, он мог бы даже переехать сюда? Кормить птиц? Помогать с крышей дома? Чинить расшатанные ступени лестницы? Его так заняли мысли о том, как хорошо могло бы быть, что он почти забыл, что держит в руках удочку.

– Клюет!

– Что?

– У тебя клюет!

Мальчик очнулся, удилице изогнулось. Он крутил катушку, но она не сдвигалась с места.

– Большая! – прокричал мальчик, забыв, что вообще-то надо вести себя тихо.

– Черт, – сказал отец и пересел вниз на банку. – С первого заброса, ты точно не зацепил дно?

– Нет... вряд ли... – сказал мальчик, крутя изо всех сил. Было так тяжело, что лодка качнулась и стала приближаться к берегу.

– Она вот-вот будет у тебя в руках, – воскликнул отец и приподнялся, схватившись за планшир. – Ох, твою же мать.

– Что такое?

– Не смотри, Томас, – вдруг прокричал отец, как только то, что висело на крючке, показалось на поверхности.

– Папа?

– Ляг на дно лодки. Не смотри!

Он бы рад был послушаться, но он словно оглох.

– Папа?

– Томас, на дно, не смотри!

Но он все же посмотрел.

Вниз, на девушку, лежащую в воде.

Бело-синее лицо.

Открытые глаза.

Кольшущаяся в воде мокрая одежда, слишком легкая для похода в лес.

– Папа?

– Ляг на дно, Томас! Черт побери!

Маленький мальчик не успел ничего больше увидеть, потому что отец резко поднялся с банки.

И силой опустил его на дно лодки.

Неправда, что Каролине Берг боялась летать. Она просто использовала это как отговорку. Правда в том, что она вообще боялась ехать куда-либо. Ей больше всего нравилось дома. Ей нравилась упорядоченность жизни – нет, она была ей просто *необходима*.

– Разве ты не можешь приехать в гости, мама?

– Я бы с удовольствием, Вивиан, но ты же знаешь, моя аэрофобия...

– Но ты же можешь поехать на поезде, мама?

– Шестнадцать часов взаперти в герметичной банке с людьми, которых я не знаю?

– Да, я все понимаю, но я бы так хотела, чтобы ты увидела, как я танцую.

– Я ведь видела, как ты танцуешь, Вивиан. Много раз.

– Нет же, это не Дом Культуры в Буде. Это же Опера в Осло, мама. Опера! Я говорила, что получила место в ансамбле Александра Экмана? Я буду танцевать «Лебединое озеро». «Лебединое озеро»! Как круто!

– Вивиан, это потрясающе. Поздравляю, дорогая.

– Ты там одна совсем замшела, мама. Ну, может быть, ты все же приедешь в Осло? Сходим в ресторан? Ты знаешь «Моэмо»? Мишленовский ресторан, все такое, мы же можем...

Конечно, она хотела посмотреть, как дочь танцует.

Господи, она ничего другого так не хотела.

– Давай так: мы увидимся, когда ты приедешь домой?

– Конечно, мама. Но мне пора бежать, у нас репетиция. У тебя все хорошо?

– Все хорошо, Вивиан, не беспокойся обо мне.

– Хорошо, мам, созвонимся позже.

– Конечно.

Господи, с каких пор все стало так?

Дни просто приходят и исчезают.

Куда подевалась ее жизнь? Та жизнь, о которой она мечтала?

Сорок два года, а ощущала она себя на все девяносто. Каждую субботу сэндвич с креветками в «Сюдвесте», нет, они не говорили ничего вслух, но в глубине души она знала, что они над ней смеются. Подруги. Те же самые, что и давным-давно. Старшая школа Буде. Выпускной, и она куда-то мечтала поехать. В Индию. В Африку. Собрать яблоки в Гватемале.

Играть на гитаре на улице в Амстердаме. Другие – нет, они никогда никуда не собирались, хотели выйти замуж, завести детей, получить работу в коммуне, в магазине «Рема», во всяком случае, не уезжать из Буде. А теперь оказалось, что все они объездили весь мир, все, кроме нее.

Весной, два года назад, Вивиан ездила на пробы в Осло. Ее милая, целеустремленная дочь... Она появилась нежданно-негаданно. Аэропорт в Буде. Оттуда самолеты летают по всему миру, а солдаты НАТО прибывают сюда на учения. Каролине было двадцать, она была юна и беззаботна. Он был из Англии и оставил ее с большим животом и без адреса.

Его ли вина?

Люка Мура из Лидса, симпатичного пилота с темными кудрями?

Он виноват в том, что ты нигде никогда не была, Каролине?

Нет, в этом ты можешь винить только себя.

Она жила в маленькой квартирке всего в двухстах метрах от аэропорта, но в нем она никогда не была.

Нигде не была.

«Вы обязательно должны поехать в Аликанте, там та-а-а-ак хорошо».

Метте.

Когда-то была ее лучшей подругой, но теперь уже нет. У той муж, дети, красивый дом в Хюнтстаде, отпуск каждое лето, в разных местах, далеко отсюда.

«Господи, Кей Вэст, я же слышала, там хорошо, ты что, с ума сошла?»

Сюнневе.

В школе она едва могла сложить два и два, но после отхватила себе предпринимателя из Харстада, который любил яхты и инвестировал в недвижимость за границей. Они смеялись над ней, да, смеялись. Каждый раз, когда заходили в супермаркет «Куп». Не вслух, но она видела это по их лицам.

– Вам нужен чек? Пакет?

Товары на ленте, и всегда один и тот же писк.

Боже мой, как она ненавидела этот звук.

Черный хлеб.

Пи-и-п.

Молоко.

Пи-и-п.

Четыре бутылки колы по акции.

Пи-и-п.

Ты уродина.

Пи-и-п.

Ты никогда ничего не добьешься.

Пи-и-п.

А потом, в тайне ото всех, да, если бы они только знали, она позвонила по номеру, который нашла в Интернете. Она выпила четыре бокала вина, прежде чем осмелилась. И да, в первые разы она клала трубку, ничего не сказав, ладони покрывались потом, но наконец, с третьей попытки, она решилась.

Психолог.

Господи боже мой, говорить будут еще больше, появится еще один повод смеяться над ней, но она все равно сделала это.

К счастью.

Аэропорт Буде.

Она жила поблизости почти тридцать пять лет, но никогда не входила в это здание.

Каролине Берг с большим красным чемоданом преодолела последние метры до входа, остановилась и сделала глубокий вдох.

Как там говорил психолог?

Шаг за шагом.

Ладно, ты справишься, Каролине.

Она увидела свое отражение в блестящих раздвижных дверях. Она могла почти коснуться их, но тем не менее ей казалось, что они с другой планеты. Она купила новую одежду. Сходила в парикмахерскую. На самом деле, после того как она все-таки решилась на тот звонок, она делала все, что он говорил. Не сразу, нет, сначала ей все это казалось омерзительным. Словно каждый раз, когда она открывала рот, из него лилось дерьмо. Он задавал ей очень личные вопросы. Спрашивал о вещах, о которых она никогда не думала. «Какие у вас были отношения с отцом? А с матерью?» Бог мой, у нее кружилась голова, ее тошнило, мысли и чувства, о которых раньше и не знала, теперь кипели в ней, она не спала ночами. Но потом, спустя несколько недель, все словно отпустило. Как лавина сошла. Она открылась, и теперь ее было уже не остановить.

Она улыбнулась себе в отражении.

Какая ты красивая, Каролине.

Какая ты молодец, Каролине.

Новое пальто, Каролине? Хорошее.

Он давал ей такие задания.

Вы должны научиться любить себя.

Осло?

Столица.

Она так давно хотела туда поехать.

Увидеть Королевский дворец. Стортинг. Улицу Карла Юхана. Национальный театр. Фрогнерпарк со всеми своими знаменитыми статуями. И конечно, Оперу.

Она сделала последний вдох и заставила себя пройти последние шаги.левой. Правой. Она внутри. В зале вылетов. Голова немного закружилась, но Каролине не остановилась. Все хорошо, Каролине. Еще чуть-чуть. Вон там. Синий экран: SK4111, SAS, Осло, вылет 12:35.

Я еду, Вивиан.

Мама едет смотреть, как ты танцуешь!

Стоя у окна своей маленькой квартирке и закуривая четвертую сигарету за день, Холгер Мунк чувствовал себя полным идиотом. В город пришла весна, деревья вокруг стадиона Бишлетт зазеленели, только от этого ему и становилось лучше. Зима была тяжелой. *Нет, зима была прекрасной, вот потому он и чувствовал себя глупо.*

Он был в отпуске по уходу за больной дочерью. С Мириам произошел несчастный случай, и Холгер взял отпуск, чтобы помочь ей вновь встать на ноги. Несчастье заново сплотило семью. Уже больше десяти лет назад он покинул свой бывший дом в Реа, но этой зимой все было так, словно вся драма тех лет испарилась, словно не было никакого развода с Марианне. Поначалу Мириам находилась в больнице, но постепенно она шла на поправку, и ее перевезли в родительский дом. И Холгер последовал за ней. Новый муж бывшей жены Рольф уехал, чтобы освободить место и не мешать полному выздоровлению Мириам, и Мунк не упустил случая занять его место. И они как будто снова стали семьей. *Черт, он же должен был понимать, что ничего не выйдет. Господи, какой же он идиот.*

Семейные обеды за роскошным столом в гостиной – тем самым, что они купили вместе с Марианне много лет назад, когда он только начал работать следователем и у них впервые появилось немного лишних денег. Вечера пятницы у телевизора всей семьей. Он с Марианне на диване, а между ними внучка Марион. Они чуть не потеряли Мириам, и ему следовало бы понять, почему Марианне вела себя так. Все как в старые добрые времена. Словно они снова вместе. И она не винила его, хотя именно по вине Мунка дочь чуть не погибла. Ну, или как будто по его вине. Отдел по расследованию убийств гонялся за убийцей-психопатом, и последней его жертвой оказалась Мириам.

Мунк сделал еще затяжку и покачал головой. Ощутил, что страх еще не покинул его тело. *Что если?.. А не?..* Но все закончилось хорошо. Слава богу. И он снова стал тешить себя иллюзиями. Он и Марианне. Мириам. И малышка Марион. Даже снова надел обручальное кольцо. Идиот, Марианне наверняка увидела. Несколько дней назад она вышла на лестницу, пока он курил.

«Слушай, Холгер, нам надо поговорить...»

Он увидел все по ее глазам.

«Завтра возвращается Рольф...»

Он только кивнул. Собрал свои пожитки и покинул дом, поджав хвост. Опять.

Ну и идиот.

Как глупый подросток.

На что он вообще рассчитывал?

Холгер Мунк затушил недокуренную сигарету в пепельнице у окна и уже собирался закурить новую, когда зазвонил телефон.

Давно он не видел этого имени на дисплее.

Анетте Голи. Светловолосая девушка, управлявшая отделом по расследованию убийств в его отсутствие. Опытный полицейский адвокат.

– Мунк слушает.

– Привет, Холгер, – раздался дружелюбный голос.

Холгер Мунк руководил особым отделом расследований на Марибуэсгате более десяти лет и за это время собрал вокруг себя лучших. Анетте Голи, несомненно, была одной из таких. Никто не скрывал, что между отделом и руководством в Гренланде были конфликты. Мунк любил делать все по-своему, и многим это не нравилось. Миккельсон, его начальник, тоже был не всем доволен. Мунк был уверен, что если бы процент раскрытия преступлений у них не был столь безупречным, Миккельсон давно переместил бы их обратно в Гренланд, чтобы следить за тем, что происходит. Политика. Контроль. В роли дипломата чаще всего выступала Анетте Голи. В роли клея, скрепляющего систему.

– Все хорошо? Как у тебя дела?

– У Мириам все хорошо, – ответил Мунк и потянулся за новой сигаретой. – Все лучше и лучше, она уже начала разговаривать, еще не совсем внятно, но это придет со временем.

– Рада слышать, – сказала Голи, и ее голос стал серьезнее. – Извини, если отвлекаю, но мне нужно задать тебе вопрос. Миккельсон хочет, чтобы отдел продолжил работу. Никакого давления, конечно, только если ты готов вернуться.

– Та девушка в озере?

– Да. Ты слышал о ней?

В замкнутом пространстве дома в Реа Мунк тешил себя грезами, пытаясь держать реальность на расстоянии вытянутой руки, но такое, конечно же, невозможно было пропустить. СМИ пестрели заголовками. Молодая девушка в балетном костюме найдена мертвой в горном озере вдалеке от населенных пунктов.

– Немного, – ответил Мунк. – Мы знаем, кто это?

– Вивиан Берг, двадцать два года, работала в Национальном балете.

- Вот как. Значит, она местная?
- Вообще она из Буде, но жила здесь, поэтому Миккельсон хочет, чтобы мы взялись за дело.
- О ее исчезновении заявили? – спросил Мунк, чувствуя, что он уже возвращается.
- Начальник отдела полиции.
- Девушка в балетном костюме?
- В озере высоко в горах?
- Как уже было сказано, он всячески отталкивал от себя правду, но теперь в этом больше не было смысла. Недавно он в одиночестве вернулся в свою квартирку и положил обручальное кольцо в шкафчик в ванной.
- Нет, по какой-то причине не заявили.
- Тогда откуда мы знаем, что это она?
- Мать приехала из Буде навестить ее, это должен был быть сюрприз, но дома дочери не оказалось.
- Вот дьявол, – сказал Мунк.
- Да уж. Ну, что думаешь? Ты готов? Запускаем аппарат? Поставим отдел на ноги?
- Кто сейчас занимается этим делом?
- Крипос^[1]. Но только предварительно. Оно наше, если ты готов.
- Ты в офисе?
- Да.
- Буду там через двадцать минут, – сказал Мунк и положил трубку.

Тридцатичетырехлетняя Миа Крюгер как раз собиралась замотать скотчем последнюю коробку, когда на открытом ноутбуке, стоявшем на столе, запищал «Скайп». Она улыбнулась, увидев, кто звонит.

Endless summer.^[2]

Шесть месяцев на яхте в Карибском море.

Миа подняла кофейную чашку с пола и села на диван, поджав под себя ноги.

– Привет, Миа, как дела? Получилось заказать билет?

Это был Виктор Вик – бывший коллега, покинувший ледяную Норвегию и их отдел много лет назад, последовав за мечтой.

– Заказала вчера, – кивнула Миа. – Лечу через Нью-Йорк.

– Отлично, – улыбнулось загорелое лицо с экрана. – Когда приземлишься?

– В следующий вторник. Вы где, на Сент-Томасе?

За спиной Виктора появился темнокожий официант и поставил на стол напиток с зонтиком.

– Нет, мы в гавани Роад Туан на Тортоле. Там так утомительно.

– На Сент-Томасе?

– Да, там круизная гавань. Плюс там приземляются все американские туристы.

– Хочешь, я приеду к вам? Или как лучше?

– Нет-нет, – сказал Виктор Вик и достал пару долларовых купюр из кармана цветастой рубашки.

Официант кивнул и исчез. За спиной Виктора виднелась пальма. Вентилятор на потолке. Смеющаяся парочка, крепко обнявшись, прошла мимо, держа в руках напитки, – она в белом бикини, он с голым торсом.

Карибия.

Миа все еще не могла поверить, что это правда.

– Мы тебя заберем. Никаких проблем. Черт, тут сегодня жара, а там у вас как? Еще зима?

Он подмигнул и вытер лоб тыльной стороной ладони.

– Нет, теперь все больше начинает быть похоже на весну, – сказала Миа, бросив взгляд в окно.

Слабое солнце роняло мягкие лучи на почти пустой пол в гостиной. Апрель. Весна в Осло. Тринадцать градусов. Глубокая тьма, лежавшая над

столицей всю зиму, наконец-то ушла, но это, конечно, ничто по сравнению с тем, что ее ждет.

Виргинские острова.

– Здесь круглый год лето, – улыбнулся Виктор Вик и отпил глоток своего коктейля. – Я очень рад, что у нас все получилось, Миа. Будет здорово снова увидеть тебя. Ты мне позвонишь, когда сядешь в самолет? Чтобы я знал, что ты в пути.

– Само собой, – кивнула Миа. – Думаю, я буду на Сент-Томасе около часа дня во вторник.

– Да, должно быть, так и есть, утренний рейс из Нью-Йорка. Я тебе напишу, если нам придется пристать где-то в другом месте, хорошо?

– Договорились.

– Вечное лето ждет, – улыбнулся Виктор и поднял бокал, перед тем как нажать кнопку и исчезнуть.

Миа Крюгер закрыла скайп и почувствовала, как по телу разливается тепло.

Шесть месяцев на яхте.

Почему она не додумалась до этого раньше?

...Папа на кухне, дома, в Осгордстранде, склоняется над лодочными журналами, которые он выписывал.

«О, Миа, посмотри, Endeavour J-класса. Ты когда-нибудь видела такую красивую?»

Восемь лет. В тот момент она могла быть с ним наедине. Ее близняшка Сигрид куда-то уехала. Балет, хор, верховая езда... Они были очень разными. Сигрид всегда была активной, Миа – более спокойной. Она любила выделяться. Две рожденные одновременно девочки, навсегда связанные друг с другом, и тем не менее настолько разные.

«Давай ты будешь Белоснежкой, а я Спящей красавицей?»

«Почему я всегда должна быть Белоснежкой, Сигрид?»

«Потому что у тебя темные волосы, а у меня светлые, разве ты это не поняла?»

«Нет. Я глупая».

«Глупая? Никогда не говори так. Ты самая умная из всех, кого я знаю, Миа».

Миа Крюгер закрыла ноутбук и снова поставила чашку на пол.

Не думать об этом больше.

Теперь все прошло.

Она обернула скотчем крышку коробки и взяла фломастер. На некоторое время задумалась, что написать, но в конце концов выбрала

простое: «Фотографии».

Миа подняла коробку с пола, отнесла ее в маленькую спальню и поставила к остальным. Воспоминания. Она наконец нашла в себе силы снова пережить их, покончить со всем, что причиняло такую боль. Последняя коробка оказалась труднее всех. Особенно тяжело было листать один из фотоальбомов. «Альбом Миа». Его сделала для нее мама. Маленькая Миа в коляске на обложке, единственный раз в жизни одна на фото, а в самом альбоме выстроились их с сестрой фотографии: «День рождения Миа и Сигрид, 2 года. Сигрид и Миа на танцах. Папа купил новую машину!» Все их детство в Осгордстранде задокументировано так, как это мог сделать только альбом из восьмидесятых. Поблекшие цветные фотографии вызывали моментальное желание побежать в ванну, открутить крышку от баночки с таблетками и закинуться, но, конечно, она этого не сделала.

Теперь там пусто.

Больше никаких таблеток.

Во всех шкафах пусто.

Больше никаких бутылок.

Четыре месяца назад зима была не только за окнами, но и внутри. Алкоголь и таблетки. Постоянное отключение от мира, к которому она не могла приспособиться.

Десять лет назад в грязном подвале в Тейене обнаружили тело ее сестры, умершей от передозировки героина. Сокрушенные горем родители вскоре ушли той же дорогой, они умерли, их не стало.

Год назад Миа продала свою квартиру в Осло, купила дом на берегу Тренделага и решила последовать за ними.

Покончить с собой.

Пойдем, Миа, пойдем.

Сигрид бежала в белом платье по золотистому полю и звала Миа, словно в гипнотическом сне.

Господи, какой она была дурой.

Ей все еще стыдно.

Миа бросила последний взгляд на коробки, закрыла за собой дверь и вернулась в гостиную.

Новая жизнь.

Шесть месяцев на яхте.

Она снова себе улыбнулась, поставила пустую чашку на кухонную столешницу и уже собиралась пойти в ванну принять душ, когда в дверь позвонили. В глазок она увидела знакомое лицо: за дверью стоял сосед

Александр, молодой парень чуть за двадцать, со светловолосой девушкой, вероятно, сестрой.

«Вы не хотели бы сдать квартиру? Пока вас не будет? Сестре сейчас немного сложно...»

Миа Крюгер планировала продать квартиру, покончить с этим городом, но она всегда проявляла слабость, когда нужно было кому-то помочь. В этом они тоже были довольно разными, Сигрид и Миа. Сигрид во всем была намного тверже, а Миа всегда пасовала перед окружением, иногда она чувствовала себя почти прозрачной.

Полиция. Конечно, она должна была выбрать что-то другое. Иногда зло практически сламывало ее. Вообще-то, она собиралась изучать литературу. С самого детства она погружалась в выдуманный мир, уходя таким образом от реальности. Она сделала маленькую попытку, зачислилась в Блиндерн^[3], ходила на несколько лекций, но бросила, не дожидаясь экзамена. Это казалось таким ненужным. Читать книги, пока Сигрид живет на улице, делая себе уколы в подворотнях? Нет, Миа необходимо было делать что-то более настоящее. Так она подала заявление в Высшую школу полиции, практически случайно, и каким-то непостижимым образом у нее все сложилось отлично. Словно она была создана для этого. Мунк взял ее к себе в отдел еще до того, как она закончила учиться. Она полюбила эту работу с первого же дня. Взаимодействие в команде с настоящими профи. Чувствуешь, что приносишь пользу. Становишься щитом на пути ужасов жизни. Но для Мии это было палкой о двух концах. Она должна была быть сильной, в то время как внутри оставалась хрупкой.

«Вот что делает тебя особенной, Миа. Вот почему ты – лучшее, что у меня есть».

Последние десять лет Холгер Мунк был ей как отец, и она была бесконечно ему благодарна, но теперь время пришло.

С чистого листа.

Шесть месяцев свободы.

Ощувив прилив радости от предстоящего отпуска, Миа открыла дверь и впустила молодых людей.

Миа заказала кофе и бутылку минералки и нашла тихий столик в углу кафе «Юстисен». Несколько месяцев назад она бы сразу начала с пива и «Егермейстера». Теперь казалось, словно это было в другой жизни. Ее затошнило от самой мысли об этом. Мунк опаздывал, и Миа в ожидании его теребила браслет на запястье. В какое-то мгновение она даже хотела упаковать его вместе с остальными вещами, но потом решила оставить. Они с сестрой получили по браслету на конфирмацию. Посеребрянный браслет с сердечком, якорем и буквой. У нее – М, у Сигрид – С. После того как праздник закончился, они вместе рассматривали их в своей комнате, поднеся к свету из окна, и тут Сигрид предложила: «Давай ты возьмешь мой, а я твой?»

С тех пор Миа его не снимала. Телефон показывал, что сегодня десятое апреля. Через восемь дней будет одиннадцать лет, как Сигрид не стало. Передоз. Поэтому Миа и выбрала именно эту дату для отъезда. Она не в состоянии была навестить могилу. Боялась, что не выдержит. Четыре месяца без наркотиков. Тренировки каждый божий день. Миа еще никогда не чувствовала себя лучше. Она опасалась, что, увидев надгробный камень, снова погрузится во тьму, и просто решила не рисковать.

Сигрид Крюгер.

Сестра, подруга и дочь.

Родилась 11 ноября 1979. Умерла 18 апреля 2002.

Помним, любим, скорбим.

Нет, она не смогла спрятать браслет. Достаточно того, что она убрала фотографии и все остальное.

С – Сигрид.

М – Миа.

Она отпила глоток воды и бросила взгляд на барную стойку, где пожилой мужчина только что заказал себе запотевшую кружку пива. Нет. Никакого желания не возникло. Мии просто-напросто не хотелось его.

Мунк опоздал на полчаса. Он снял свое бежевое пальто и обнял ее, затем сел и положил на стол папку.

– Ты заказала поесть? – спросил он и бросил взгляд на стойку.

– Нет, я не хочу, – ответила Миа.

Мунк подозвал официанта и заказал сэндвич с креветками и яблочный сок.

– Послушай меня, Миа, – сказал он, наклонившись к ней. – Я поговорил с Миккельсоном, и мы пришли к общему знаменателю. Он идиот. Твое отстранение отменено. Это была ошибка с его стороны. Ты нам нужна на работе. Хорошо?

Миа слегка улыбнулась.

– Холгер, через неделю я уезжаю.

– Точно решила?

– Да.

– Точно-точно?

Миа кивнула.

Мунк вздохнул и почесал бороду.

– Понимаю. Ладно, я бы, конечно, хотел, чтобы ты была с нами, но я желаю тебе всего наилучшего. Не буду тебя больше мучить. Просто должен был спросить.

– Отдел снова в работе?

– Да.

– Это та девушка, которую нашли в озере?

Мунк кивнул. В этот момент подошел официант с его заказом.

– Вивиан Берг. Балерина. Ее труп в полном балетном облачении нашли на рыбалке маленький мальчик и его отец.

– Где это было?

– Озеро называется Сварттъенн. Лежит высоко в горах в Вассфаре. Странный сценарий.

– В каком смысле странный?

Мунк набросился на сэндвич и продолжил с набитым ртом:

– Она пропала из своей квартиры в четверг, а нашли ее в субботу в полном облачении высоко на горе. Что тут *не* странно?

Он положил палец на папку на столе.

– Все здесь.

– Я знаю, что ты пытаешься сделать, Холгер, но я все решила.

– Понимаю.

– Что значит «в полном облачении»?

– Гладко уложенные волосы. Балетное платье с пачкой. Белые колготки. И пуанты.

– Пуанты? Она была в пуантах?

Мунк кивнул.

– Странно.

– Вот именно.

– Как далеко от дороги находится озеро?

– Ну, наверно, минут сорок пять пешком, и все время довольно крутой подъем.

– Он ее нес?

– Откуда ж я знаю, – ответил Мунк и пожал плечами.

Он посмотрел на Мию поверх сэндвича, и она все поняла по его глазам.

– Что? – спросила она, склонив голову набок.

– В смысле?

– Что ты мне не договариваешь?

Мунк серьезно посмотрел на нее и вытер рот салфеткой.

– Я думаю, она шла сама, – сказал он наконец.

– Что ты имеешь в виду?

– Пуанты все в царапинах и дырах. Подошвы. Очевидно, что она сама шла наверх.

– То есть самоубийство?

– Нет, отнюдь. Ее убили, воткнув иглу прямо в сердце.

– Шприц?

– Да.

– Что было в нем?

– Этиленгликоль.

– То есть?

– Антифриз.

– Твою мать...

– Именно. Опасен для жизни, при этом кто угодно может купить его на любой заправке.

– Так почему ты считаешь, что она не сама прошла наверх и не сама воткнула себе шприц с отравой?

– А ты как думаешь? – произнес Мунк, откинувшись на спинку стула. – Это же страшная боль. Ты бы так смогла сделать?

Мунк тут же осознал свою оплошность.

Ровно год назад.

Стол, усыпанный таблетками всех цветов.

Одна на острове вдали от побережья Тренделага.

Пойдем, Миа, пойдем.

– Извини меня, – сказал Мунк и наклонился к ней. – Я не имел в виду...

– Все нормально, Холгер, – ответила Миа, подняв руку.

– Кстати, как у тебя дела? – продолжил Мунк с виноватым видом. – Совсем забыл спросить. Прости. Ты знаешь, как это бывает.

– Конечно, Холгер. Я все понимаю. И у меня все хорошо. На самом деле даже очень хорошо.

Она подняла бутылку минералки, демонстративно помахала ею и сделала символический глоток.

– Отлично, – кивнул Мунк. – Ты хорошо выглядишь, чертовски хорошо, если можно так сказать. Давно я не видел тебя такой, как бы лучше выразиться...

– Трезвой? – улыбнулась Миа.

Мунк посмеялся.

– Ну, не совсем, ну да ладно, почему нет? Сколько уже?

– Четыре месяца.

– Ничего себе, поздравляю.

– А как иначе, – вздохнула Миа. – В последний раз я была хреновым полицейским, мне правда очень жаль.

– Ерунда, – фыркнул Мунк и покачал головой. – Кто знает, что могло бы случиться без тебя. Господи, я даже боюсь об этом подумать. Ты раскрыла дело. Мне насрать, чем именно тебе нужно было закинуться, чтобы ты смогла сделать это. Но, как бы там ни было, здорово видеть тебя такой... бодрой.

Миа улыбнулась, почувствовав, что он говорит искренне.

– Как она?

– Мириам? Все лучше и лучше. Она сильная. Справится. Кстати, она передавала тебе привет. Тебе нужно навестить ее.

– Постараюсь успеть до отъезда.

– Отлично. Она очень обрадуется.

Мунк дружелюбно улыбнулся и засунул руку в карман пальто.

– Пойду покурю, составишь компанию?

Миа кивнула и последовала за ним на улицу, под фонари на заднем дворе. В Осло пришла весна, но тепла не чувствовалось. Миа обхватила себя руками, пока Мунк прикуривал сигарету, и тут его взгляд снова посерьезнел.

– Что если ты выделишь мне семь дней? – сказал он осторожно.

– Я не знаю, Холгер.

– Неделью? Не более. Я всего лишь хочу, чтобы ты посмотрела и высказала свое мнение.

Миа сжала губы и ненадолго задумалась.

Молодая девушка в балетном костюме.

Посреди горного озера.

Шприц с антифризом?

– Мы нашли несколько любопытных предметов на месте происшествия, – Мунк кашлянул и посмотрел на Мию взглядом, который она видела множество раз.

«Тут что-то странное, Миа».

– Что вы нашли?

– Ты уделишь мне неделю?

Его глаза уже почти умоляли.

– Ладно, – вздохнула Миа.

– Чудесно, – улыбнулся Мунк и слегка хлопнул ее по плечу.

– Так что вы нашли?

– Я даже не знаю, с чего начать, – немного замялся Мунк. – Он установил камеру.

– Что?

– Фотоаппарат на штативе.

– Направленный на труп?

Мунк серьезно кивнул и глубоко затянулся.

– В нем сохранились отснятые кадры?

– Нет, пусто. Там есть разъем для флешки, но он забрал ее с собой.

– Почему *он*? Ты знаешь, что это был мужчина?

– Следы на глине. Сорок третий размер.

– Она лежала недалеко от берега?

– Да.

– И фотоаппарат направлен прямо на нее?

– Да.

– Странно, – пробормотала Миа.

– Знаю.

– Что еще?

– Не уверен, что это относится к делу, но мы нашли страницу из детской книжки неподалеку.

– Какой книжки?

– Астрид Линдгрен, «Братья Львиное сердце». Ну, так ты окажешь мне услугу, или как? Взглянешь? Твое мнение очень ценно для меня.

Мунк затушил окурок.

– Кажется, такое уже со мной было, Холгер. Ты появляешься с фотографиями, на которые я должна посмотреть.

– Ну, только одним глазком?

– Ладно, Холгер, раз ты так просишь, – вздохнула Миа и последовала за ним обратно к столику.

Чувствуя угрызения совести, Мунк взял сигарету в рот и бросил взгляд в окно. Отпуск. Отвлечься от всего, что было и что есть. Боже, никому он не желал передышки так сильно, как Миа, но ничего не поделаешь, она нужна ему сейчас.

Дело для Мии. Он сразу подумал об этом, как только увидел фотографии с места происшествия. Холгер Мунк работал следователем по делам об убийствах вот уже почти тридцать лет, и таких дел, как это, на его счету было немного. *Хладнокровное. Расчетливое. Спланированное. Словно преступник наслаждался каждой секундой.* Смерть, убийство – для обычного человека это кажется страшным и непостижимым, и так оно и есть, но для специалистов, как правило, раскрытие преступления не представляет загадки. Всегда ярко выражен мотив. Ревность, ненависть, месть, зачастую подогретые алкоголем или наркотиками. Такова человеческая природа. Несложное обоснование. Мунк мог по пальцам одной руки пересчитать дела, в которых он не сразу видел перед собой ход событий и не находил преступника в первом круге подозреваемых. Конечно, поиски занимали немало времени, но все же, как правило, его первая мысль оказывалась верной. *А тут все наоборот.* Мунк слегка покачал головой и затянулся сигаретой, и тут в кармане бежевого пальто завибрировал телефон.

– Это Анетте, у тебя есть время?

– Да, выкладывай.

– Мне наконец удалось связаться с больницей Уллевол, и, кажется, Каролине Берг готова к допросу.

– Хорошо. Вы договорились о времени?

– Просто скажи мне, когда поедешь, и я передам это в охрану больницы.

– Ок, отлично, что насчет директора балета?

– Кристиане Спидсё, – сказала Голи. – Сегодня она на работе в Опере. Кажется, совершенно не в себе, но готова принять нас в любое время.

– Есть что-то по машине?

Некоторое время назад Крипос нашел серый «Мерседес», брошенный на обочине недалеко от чего-то похожего на начало тропинки. На полу под сиденьем эксперты обнаружили ожерелье. Мать Вивиан Берг подтвердила, что украшение принадлежало ее дочери. Все это было очень странно. Он

привез ее туда? А потом она шла сама? Зачем кому-то оставлять машину с открытыми дверями? И зачем оставлять ее так высоко в горах?

– В среду поступило заявление о краже «Мерседеса», заявил Томас Лорентцен, адвокат.

– У нас на него что-то есть?

– Ничего не вижу, но я попросила Гренли сделать несколько звонков, я не совсем доверяю новым базам данных.

– Ок, хорошо, – кивнул Мунк, замечая, что за столиком кафе «Юстисен» дело пошло.

– Как у вас там? – спросила Анетте.

– Она сейчас просматривает фотографии.

– Она в деле?

– Думаю, да.

– Хорошо, – сказала Голи. – Я сказала судмедэкспертам, что ты придешь, начнешь с них, или как?

– Да, займусь этим в течение дня. Там Эрнст-Хьюго?

– Нет, Вик, видимо, ушел на пенсию. Там новый патологоанатом, женщина, Лиллиан Лунд.

– Ладно. Думаю, начнем с Каролине Берг, если она в состоянии говорить с нами.

– Возьмешь с собой Мию?

– Надеюсь.

– Удачи. Позвоню тебе, если всплывет что-то еще, – сказала Голи и положила трубку.

Мунк ногой затушил окурок на сухом асфальте и вернулся в бар. Он слегка кашлянул и аккуратно опустился в кресло напротив Мии.

– Ну, что думаешь?

Он видел этот взгляд много раз. Эти ясные голубые глаза, которые смотрят на него и вместе с тем отсутствуют.

– Я думаю, что мой отпуск окончен, – сказала Миа и провела рукой по своим черным как смоль волосам.

– Думаешь?

– Похоже на то.

– Какие мысли? – спросил Мунк, осторожно положив руку на папку.

– Тут чего-то не хватает.

– Чего же?

– Мы не знаем, что было видно в объектив фотоаппарата? Такую фотографию не сделали?

Она полистала фотографии и посмотрела на Мунка, постепенно

возвращаясь в реальность.

– Нет, если там таких нет.

– Я... – начала Миа и снова исчезла.

Мунк не ответил. Пусть исчезает. Команда с Мией Крюгер и без нее? Небо и земля. Он готов предоставить ей столько времени, сколько потребуется.

– Что ты видишь?

– Я не совсем понимаю, почему он выбрал это место, – наконец произнесла она и подняла взгляд на Мунка.

– Как это?

– Сначала он хотел быть с ней наедине. Так ведь?

– В каком смысле сначала?

Она склонила голову набок и посмотрела на него.

И это Мунк тоже видел много раз – этот взгляд, говоривший: «Ты что, не видишь то, что вижу я?»

– Он поставил фотоаппарат. Оставил ее лежать в воде, не попытавшись прикрыть тело.

– И?..

– Он хотел, чтобы мы нашли ее, – сказала Миа, потянувшись за чем-то на столе и удивилась, что этого там не оказалось.

Напитка.

Раньше, когда Миа вот так же изучала фотографии на глазах у Мунка, рядом с ней на столе всегда стояла бутылка. Сейчас казалось, что ее тело не понимает, что все изменилось.

– Думаешь?

– А ты нет? – спросила Миа и наконец отпила глоток минералки.

– Я не знаю. Объясни мне.

– Они ведь всегда немного сожалеют, разве нет? Прикрывают труп, чтобы спрятать содеянное от самого себя, этому ведь ты меня учил! Ох, черт...

Миа снова исчезла.

– Он хотел побыть с ней наедине.

Мунк промолчал.

– Ты ведь этого хотел, да? – почти неслышно продолжила Миа, снова с отсутствующим взглядом. Слова едва сходили с губ. – Ты и она. Наедине там, высоко в лесу. Ты берешь ее с собой наверх. Как ты отвел ее наверх? Ты ее знал? Вы шли вместе? Она тебе доверяла?

– Что думаешь о книге? – спросил Мунк.

– Какой книге? – ошалело переспросила Миа.

– Странице из книги. Она относится к делу?

– Без сомнений.

Миа открыла папку и повернула к нему фотографию.

– Видишь?

– А что я должен увидеть?

– Вивиан пропала в четверг?

– Да.

– На прошлой неделе шел дождь, а на этой нет. Страница пролежала там недолго. Влага, которую мы видим здесь, – испарения от земли. Он оставил для нас эту страницу.

Миа отклонилась на спинку кресла и снова провела рукой по волосам.

– «Братья Львиное Сердце» – как думаешь, что это значит?

– Слишком рано говорить, – сказала Миа и снова на секунду пропала.

– Так ты в деле?

– Самый короткий отпуск в жизни, – пробормотала Миа и грустно улыбнулась. – Ты что-то говорил про ее мать?

– Прилетела из Буда посмотреть, как дочь танцует. Не нашла ее и заявила о пропаже.

– Где она сейчас?

– Впала в шоковое состояние. Лежит в Уллеволе.

– Но мы же можем ее увидеть?

– Только что позвонили и сказали, что можем, – кивнул Мунк.

– Дай мне две минуты, – сказала Миа и скрылась в направлении туалета.

У полицейского Юна Ларсена, более известного как Карри, так сильно болела голова, что ему было очень тяжело смотреть в лобовое стекло. Он отпил глоток воды из бутылки, стоявшей между ног, и зажмурил глаза, не в силах решить, доволен ли он сегодняшним заданием или нет. Слежка. Не совсем операция. Он взглянул вверх, на квартиру на улице Кюрре Греппа. Лотте. Семнадцатилетняя наркоманка. Всего лишь пешка в наркобизнесе, но по какой-то причине они должны были следить за ней. Может быть, она приведет их к кому-то выше. Он прослушал только часть брифа. Ему и так непросто было удерживать глаза открытыми, а завтрак в желудке. Наверное, ему следовало бы выбрать другой бар, но, как всегда, в итоге он оказался в том же самом. Пиво, виски. Несколько партий за бильярдным столом. Еще пиво. Еще виски. И вот он опять в тяжелом похмелье проснулся в той же постели, рядом с той же юной девушкой.

Луна. Что это вообще за имя такое? Двадцать один год, дреды и пирсинг в носу. Татуировка какого-то персонажа на руке, о котором Карри даже не слышал. Луна. Какой идиот назовет так своего ребенка? Он заметил сейчас, что и сам так о ней думал. Ребенок. Дитя. Ну, нет, конечно, ребенком она не была, но, тем не менее, на четырнадцать лет моложе него. Барменша. *Нет, больше так не пойдет. Он должен что-нибудь с этим сделать.*

Он попытался заставить голову заработать, придумать какой-то план, но не успел. Дверь открылась, и его напарник проскользнул на сиденье рядом. Аллан Дал. Противоположность Карри во многих отношениях. Длинный и нескладный, с усами, которые он носил еще с тех пор, как Карри работал в отделе по борьбе с наркотиками. Теперь они вдруг опять вошли в моду, хотя Аллана это никогда особенно не беспокоило.

- Что-то случилось?
- Ничего, – пробормотал Карри.
- Здесь ведь нет других выходов, да?
- Нет, если их не построили с тех пор, как мы последний раз проверяли.

Дал взял кофе из подстаканника, не обратив внимание на очевидный сарказм.

- Мне мокка латте, тебе обычный черный, извини, что так долго, пришлось идти аж до «Каффегютта» на Вогтсгате, чтобы достать что-то

стоящее.

Карри попробовал кофе, но, откровенно говоря, не смог отличить его от того, что предлагали в других местах.

– Итак, – сказал Дал и с любопытством взглянул на Карри. – Я вчера встретил твою лучшую подругу. Она собирается в путешествие?

– Кто?

– Ну, эта, супердетектив. Она была на первом этаже, получала новый паспорт. Нашла себе работу за границей, или как?

Карри отпил кофе, и постепенно до него дошло, о ком говорил коллега.
Миа Крюгер.

Он слегка покачал головой. Супердетектив, тоже мне. Ей давали много странных прозвищ, но такого он еще не слышал. Среди коллег в управлении всегда таилась какая-то зависть. Команда Мунка стояла выше других, и у тех, кого туда не брали, всегда было за что зацепиться языками. Карри покинул отдел по борьбе с наркотиками, задрал нос, а когда вернулся обратно, его встретили злорадными ухмылками.

«Ага?»

«Опять закрыли отдел?»

«Все пошло не так уж и гладко?»

Карри не считал себя самым умным или самым начитанным в мире, но иногда ему казалось, что люди вокруг ведут себя просто как дети. Зависть, висевшая в коридорах, стукачество, постоянная борьба за место в таблице о рангах, словно они в средней школе или в курятнике.

Да-да, ну и наплевать.

Только не напивайся сегодня вечером.

Наконец он решился. Каждый вечер на этой неделе. Один и тот же бар, та же молодая девушка рядом с ним в постели, что она только в нем нашла?

– Или, может, ты с ней больше не общаешься?

Дал, очевидно, не хотел сдаваться.

– Нет же, мы перезваниваемся.

– В тот раз это была самозащита, или правда то, что она просто убила того парня?

Карри притворился, будто ему внезапно стало интересно, что происходит в квартире над ними, но Дал не ослаблял хватку.

– Говорят, она просто чокнулась. Что она не в себе. Это ведь она его убила, да? Не Мунк?

Карри вздохнул.

Несколько лет назад у них было крупное дело. Тогда Карри, как и сейчас, работал в Гренланде. В поисках пропавшей девушки Мунк и Миа

напали на след трейлера и отправились за ним в горы к озеру Трюванн. Приехав, они обнаружили не только ее, но и известного дилера и наркомана Маркуса Скуга. Бывшего парня сестры Мии, Сигрид. Миа выстрелила ему в грудь дважды. Ее тут же отстранили, и так как Мунк встал на ее защиту, досталось и ему. Его вытурили из города и закрыли отдел.

– Это была самооборона, – сказал Карри в надежде, что они сменят тему.

– Но стреляла она?

– Да, она. Кажется, Мунк зашел в трейлер позже.

– Тогда как он мог ее защищать?

Дал отхлебнул кофе и моргнул.

– Кстати, это в газетах ее так называли?

Карри вздохнул. Видимо, сегодня им все же придется говорить об этом деле. За него ухватились СМИ, и Миа в мгновение ока стала суперзвездой номер один. Лакомым кусочком для прессы. Новым любимым объектом папарацци. К счастью, интерес к ней довольно быстро прошел, но в управлении все еще витало любопытство.

– Как называли?

– Миа Лунный Свет.

– Нет, так ее называла бабушка.

Карри отставил стакан с кофе и раздраженно повернулся к коллеге.

– Думаю, причина в том, что она похожа на индианку. Ну, знаешь, длинные черные волосы? Легко загорает летом? Кстати, ее удочерили, ты не знал?

– Что? Нет...

– Ну да, обеих девочек, – кивнул Карри. – Сразу после рождения. Миа и Сигрид. Пара из Осгوردстранда. Исключительно хорошие люди, по слухам. Теперь их уже нет в живых, вся семья похоронена на одном кладбище, только одна Миа осталась. И да, у нее шрам над глазом. Один чокнутый на допросе как с цепи сорвался. Ей повезло, что не ослепла. Еще у нее нет фаланги на пальце. Кажется, ротвейлер вцепился зубами прямо ей в руку, ей пришлось застрелить зверя.

Дал провел рукой по жидким волосам, изобразил ухмылку и кивнул.

– Ах да, и еще у нее татуировка, кажется, бабочки где-то на бедре.

Карри приподнял край свитера.

– Думаю, здесь.

– Ладно-ладно, забей, – пробормотал Дал. – Я же просто спросил. Черт, нам же здесь целый день сидеть.

– Да, а зачем нам это делать? – сказал Карри. – Очевидно, что девчонка

никуда не уйдет. Вероятно, она лежит там, паря в облаках, а мы между тем тратим время, которое могли бы потратить на что-то другое.

– Приказ, – кисло ответил Дал и пожал плечами. – Что с тобой такое сегодня? Ты что, не позавтракал?

Карри покачал головой и сделал глоток воды. Эти парни в наркоотделе... Ничего не изменилось ни на йоту. В последние недели город наводнили героином, и, по слухам, товар был особенно хорош. Отделение по передозировкам работало изо всех сил, и в душе Карри не сомневался, что с системой что-то не так. Здесь, говорят, в лучшей стране мира. Может быть, правильнее легализовать это дерьмо? Систематизировать? Народу нужно накачивать себя, в этом сомнений нет, так почему бы не позволить государству управлять этим процессом? Необязательно героин, есть же вещества полегче – гашиш, марихуана, они позволят людям немного расслабиться. Так почему бы не убрать элемент наживы и просто легализовать все? Это всем упростило бы жизнь. Вместо этого они следят за семнадцатилетней наркошей, которая с трудом проживает свой день. Какой, черт побери, в этом смысл?!

Дал молча сидел рядом, видимо, уловив знак.

Говорить дерьмо про Мию Крюгер?

Да ни за что.

Не в его смену.

Завистливые говнюки.

– Так значит, – кашлянул Дал спустя некоторое время, явно в попытке исправиться, – что с той девушкой, которую нашли в озере? Странное дельце, правда ведь? С головы до ног в балетном костюме. Ты что-нибудь об этом слышал?

– Нет.

– Удивительно, что мы ничего не знаем, тебе так не кажется? Ведь уже два дня прошло. Должно было бы уже что-то просочиться.

– Крипос, – вздохнул Карри. – Они никогда не раскрывают карты.

– Ну-у, не знаю. Мне кажется, тут что-то еще.

– Что же?

– Я тебе этого не говорил, но есть у меня подруга в верхах, эксперт, она сказала, что нашли что-то необычное.

– Что?

– Она не сказала, видимо, там всем рты заклеили.

– Вот как? – спросил Карри и отпил глоток кофе.

– Да, они определенно чего-то не хотят нам рассказывать, – зевнул Дал. – Черт возьми, я есть хочу. Тебе хватит пяти минут? Я тут посижу

один. Может быть, сгоняешь за чем-нибудь съедобным?

– Твою мать, ты же только что ходил. Почему ничего не купил?

Дал пожал плечами и кивнул на квартиру, чтобы показать, что он не хочет ничего упустить.

Карри вздохнул. Он действительно не видел необходимости сидеть здесь и следить за этой наркоманкой Лотте целый день. Он уже собирался выйти из машины, когда в его телефоне пискнуло сообщение. Прочитав его, Карри не смог сдержать улыбки.

– Что там? – спросил Дал.

– Сам сходишь за своей едой.

– В смысле?

– Это от Анетте Голи. Отдел восстановили. Удачи с наркошей.

Карри улыбнулся и, дружески похлопав напарника по плечу, вышел из машины и окликнул такси в центр.

Из-за лекарств взгляд Каролины Берг был затуманен, но никакие таблетки в мире не могли скрыть, что что-то внутри нее умерло и никогда уже не оживет. Чуть за сорок, светлые волосы средней длины. Она настояла на том, чтобы встать с кровати и встретить их стоя, хотя было очевидно, что ноги едва ее держали.

– Как уже было сказано, мы очень признательны вам за то, что вы нашли время поговорить с нами, – сказал Мунк после того, как все формальности были улажены, и Каролине Берг вернулась в больничную койку.

У Мии Крюгер было нехорошее предчувствие. Эта блондинка с севера страны казалась совершенно выключенной из реальности, будто отсутствовала в комнате, во всяком случае, не была готова к обстоятельному допросу. Мии еще в дверях захотелось сразу развернуться.

– Я не могу осознать, что ее больше нет, – произнес тоненький писклявый голосок.

– Я понимаю, – сказал Мунк, садясь в кресло у постели. – И мы еще раз приносим извинения, что вынуждены беспокоить вас в таком состоянии, но мы очень хотим попытаться понять, что же случилось.

Встреча с близкими жертвы. Это всегда так сильно подавляло Мию. К счастью, Мунк был полной ее противоположностью. Она много раз наблюдала, как в нем вдруг просыпался плюшевый медведь, и атмосфера становилась как-то спокойнее, в нем появлялось что-то отеческое, что заставляло скорбящих чувствовать себя в надежных руках. Миа часто думала, что будь Мунк чуть более религиозным, из него бы вышел отличный священник.

– Сначала я подумала, что это не она, – пробормотала Каролине Берг, уставившись в окно. – Она была сама на себя непохожа. Она всегда была такой живой. Той, кем была Вивиан, больше не было, и тогда это не могла быть она.

– Понимаю, – сочувственно кивнул Мунк. – И опять-таки, Каролине, если для вас это чересчур, просто скажите. Мы будем говорить в вашем темпе.

– Эти жемчужные сережки, – продолжила Каролине, словно не слыша Мунка. – Она бы никогда их не надела. Она ненавидела дырки в ушах. Я пыталась уговорить ее, ведь всем девочкам прокалывают уши, но нет, она

никак не хотела.

Мунк бросил взгляд на Мию и слегка поднял брови.

– Значит, эти сережки вас удивили?

Каролине Берг кивнула сама себе, не отрывая взгляда от окна.

– Я прошу прощения, но мы вынуждены спросить. Вы знаете, кто мог бы сделать это с Вивиан? Она когда-нибудь рассказывала о каких-нибудь неприятностях? У нее были враги?

Блондинка повернулась к Мунку. Казалось, затуманенные глаза все еще не понимали, что он здесь.

– Я не думаю, что они с Себастианом встречались. Просто друзья, насколько я поняла. Вивиан же хотела только танцевать, мальчики ее никогда особенно не занимали.

Миа чуть покашляла, пытаясь сообщить Мунку, что, очевидно, Каролине не готова к разговору. Она даже не отвечала на заданные ей вопросы.

– Себастиан? – осторожно спросил Мунк. – А фамилию вы помните?

– Жемчужные сережки? Нет, это на тебя непохоже, Вивиан. Ты что, хотела походить на бабушку? Ты же всегда говорила, что это некрасиво. Что это слишком манерно.

Каролине тихо засмеялась самой себе, и ее глаза закатились. Миа видела только белки. Бедная женщина лежала так мгновение, потом будто бы снова пришла в себя и заметила присутствие полицейских.

– О, извините меня, – пробормотала она и села в постели.

Мунк осторожно положил свою руку на ее.

– Все нормально, Каролине. Послушайте, я думаю, нам лучше вернуться позже, когда вы немного отдохнете.

Мунк бросил краткий взгляд на Мию, та утвердительно кивнула, и он встал.

– Вы уже уходите? Нет-нет! Я очень хочу помочь, позвольте мне помочь. Она не может лежать там одна, кто-то должен ей помочь. Вивиан, мама сейчас придет.

Каролине Берг попыталась встать, но ее руки не могли нащупать край одеяла.

– Все нормально, – сказал Мунк успокаивающе и нажал на красную кнопку у койки.

– Мы не имеем к нему никакого отношения! – вдруг выкрикнула Каролине.

– К кому? – спросил Мунк.

– Вивиан, ты должна мне пообещать это. Он нам больше не родня!

Слабое тело Каролине затряслось.

Открылась дверь, вошли две медсестры. Первая положила руку ей на лоб и кивнула Мунку.

– Думаю, вам придется уйти.

– Конечно, – сказал Мунк и поднялся.

– Каролине? Вы с нами?

Дверь снова открылась, на этот раз вошел врач.

Когда они опять оказались на парковке, Миа заметила, что Мунк в бешенстве. Давно она не видела его таким разъяренным.

– Какой кретин это одобрил? Мы не должны были к ней приходить.

– Я-то откуда знаю, – сказала Миа и села в «Ауди». – Какие мысли?

– Об этом Себастиане?

– Я больше думаю о том, что она сказала в конце.

– Позвони в офис, – кивнул Мунк и завел машину. – Габриэлю. Он работал в отделе по борьбе с экономическими преступлениями, но, думаю, он уже вернулся к нам.

Миа кивнула и достала свой телефон из кожаной куртки.

– Куда мы сейчас?

– К балетмейстеру в Оперу, – сказал Мунк и свернул на Уллеволсвейен.

– Ок, – сказала Миа и набрала номер Габриэля Мерка.

Когда Габриэль Мерк нажал на кнопку лифта, до него дошло, что давно он не ощущал покалывания в теле. Перевод в отдел экономических преступлений. Неплохо, но, конечно, даже близко не стояло с этим.

Марибуэсгате, 13.

Отдел восстановлен.

Он улыбнулся своему отражению в двери лифта и подумал о том, как сильно изменилась его жизнь. За такое короткое время. Перевернулась с ног на голову. Он стал совсем другим. Меньше года назад Холгер Мунк вытащил его из одинокого хакерского существования за компьютерами в подвале и забрал на работу в полицию. Теперь он живет в новой квартире в Торшове, привык вставать по утрам и ходить на работу. И, что не менее важно, у него родилась дочка.

Эмилие.

Он до сих пор еще в шоке. Он папа? Габриэль Мерк не совсем представлял себе свою будущую жизнь, но он точно не думал об этом. Душевный покой. Чувство, что у тебя есть предназначение. Что-то важнее тебя самого. Иногда он просыпался по ночам, только чтобы пойти и посмотреть на нее. На то, как маленькие пальчики медленно сжимаются в мягкие кулачки. Чтобы приложить руку к ее животику и просто ощутить, как она дышит.

«Что ты делаешь?»

«Я просто хотел проверить».

«Господи, Габриэль, она спит, с ней все в порядке».

«Да, но...»

Он улыбнулся самому себе.

Двери лифта открылись.

Прошлой осенью они работали над делом, в котором в роли потерпевшей оказалась дочь Мунка Мириам. Ей едва удалось спастись, вслепую прыгнув с обрыва и чуть не разбившись насмерть, но она все-таки выжила. Мунк ушел в отпуск по уходу за больной дочерью, а сотрудников отдела разбросало кого куда. Карри перешел в наркоотдел, Ильва – в отдел половых преступлений, он сам – в экономический, а Анетте Голи и Людвиг Гренли тайно вели дела расформированного отдела. Миа – нет, он не знал, куда делась Миа, но он чувствовал, что все время ждет встречи с ней.

Вернулся.

Наконец.

Он вышел из лифта и увидел знакомое лицо.

– Кто это у нас тут, папаша Мерк?

Карри, похожий на бульдога, вышел из комнаты отдыха и хлопнул его по плечу.

– Ее назвали Миа?

– Что? – сказал Габриэль.

– Оставь парня в покое, Карри, – сказал Людвиг Гренли. – Привет, Габриэль, рад тебя видеть.

– Я только спросил, – хохотнул Карри. – Мы же поспорили! Разве нет?

– Что ты имеешь в виду?

– Он просто дразнит тебя, – сказал Гренли и исчез в коридоре.

– А?

– Нам просто интересно, назвали ли ее Миа, – ухмыльнулся бульдог.

– Нет, – сказал Габриэль, наконец поняв, о чем речь. – Мы назвали дочь Эмилие.

– Эх, плакали мои денежки, – подмигнул Карри и толкнул его в плечо.

– Ха-ха, – сказал Габриэль и вошел в свой кабинет.

Уже давно ни для кого не было секретом, что Габриэль Мерк очень любил Мию Крюгер. И да, он действительно думал над этим именем, но его девушка, Туве, уперлась. Она при любой возможности намекала на то, что, конечно, отлично, что он теперь работает с такими профессионалами, но разве обязательно говорить *так* много об этой коллеге? Поэтому нет, Мией дочь не назвали.

Эмилие.

Он улыбнулся и с теплом подумал о дочке. Едва он успел сесть за стол и подключить свой компьютер к сети, как у него зазвонил телефон.

– Да?

– Привет, это Миа. Мне нужно, чтобы ты кое-что для нас проверил, хорошо?

– Конечно, что?

– Ее телефон и компьютер уже прислали?

– Не знаю, но я проверю, а что?

– Кажется, у нее был молодой человек, но у нас есть только имя.

– Какое?

– Себастиан. Попробуешь узнать, кто это?

– Конечно.

Габриэль зажал телефон между плечом и ухом и переместил пальцы на

клавиатуру. Открыл страницу Вивиан Берг на «Фейсбуке».

– Тут есть Себастиан Фалк. Во всяком случае, они друзья на «Фейсбуке», посмотрим...

– Что там есть про него? Он тоже танцор?

Габриэль услышал ворчание Мунка на заднем фоне.

– Нет, непохоже, – сказал Габриэль и быстро взглянул на открывшуюся страницу. – Больше похож на такого суперспортивного парня. Тут указано, что он инструктор по экстрим-походам, что бы это ни значило.

Молодой человек на вершине горы. На скалодроме. Трое мужчин в пабе пьют пиво. Вертолет, под которым кто-то висит. Байдарка в стремительной реке. Габриэля Мерка всегда удивляло, как много своей личной жизни люди выставляют напоказ.

– На фотографиях, эмм, как бы сказать, активности на свежем воздухе, ссылка на фестиваль экстремального спорта в Воссе, фотографии прыжка с парашютом, скалолазание, все в таком духе, про отношения ничего не указано, но это может и ничего не значить.

– Есть адрес?

Габриэль открыл новую вкладку и набрал «1881».

– Нашел только одного Себастиана Фалка, если это он, то он живет в Тейене, тут есть номер.

– Дай его Людвигу, попроси связаться с ним немедленно, хорошо?

– Конечно.

На секунду в трубке повисла тишина. Габриэль услышал, как Мунк что-то лает на заднем фоне, но не уловил сказанного.

– И мне нужно от тебя кое-что еще. Пока нет никакой определенности, но мы думаем, что, возможно, тут замешан кто-то из семьи.

– Кто, например?

– Этого мы не знаем. Посмотришь, есть ли что-то на кого-то из членов семьи?

– Будет сделано.

– Хорошо. Маякнешь мне, если что-то обнаружишь?

– Конечно. Вы не сюда едете?

– Нет, мы едем в Оперу.

– Ладно, я позвоню, если... – начал Габриэль, но Миа уже положила трубку.

Габриэль снял куртку, достал из рюкзака колу и вошел в систему.

Во время обучения Габриэль был шокирован, узнав, сколько информации об обычных гражданах хранит государство. Чуть больше года назад он использовал Даркнет, чтобы найти окольные пути в такие места,

как это, а теперь перед ним полный доступ всего в одно нажатие клавиши. Сначала это казалось даже слишком просто.

Десять разных баз данных, включая реестр ДНК, реестр фотографий и отпечатков пальцев, реестр персональной идентификации и «Индицию» – реестр уголовной разведки, где у полиции был широкий доступ не только к информации о людях, совершивших что-то криминальное, но и о тех, кого только подозревали в этом, включая всех членов семьи, круг общения и коллег.

Big data.

Big Brother is watching.^[4]

Его бывшие сетевые коллеги-анархисты разбили бы свои микрочипы, узнай они, чем он занимается, но, честно говоря, его это уже особо не волновало. Вначале – да, в некоторых из чатов IRC, где он сидел, ему приходили саркастические сообщения.

«Changed sides, have we?»^[5]

Это все еще болезненный укол?

Нет, к черту это.

Шестилетние девочки, повешенные на деревьях с табличкой на шее. Десятилетняя девочка на ложе из перьев в кругу свечей. Вивиан Берг, двадцати двух лет, найденная в горном озере, убитая уколом антифриза прямо в сердце.

Пусть они думают, что хотят.

Теперь он полицейский.

Габриэль почувствовал некоторую гордость, сделал глоток колы и вошел в первую базу данных.

Кристиане Спидсё оказалась грациозной темноволосой женщиной лет тридцати пяти, и сомнений в том, что она в свое время была танцовщицей, не оставалось. Она двигалась по своему кабинету, как балерина, наливая кофе в чашки, словно это часть представления, с улыбкой на губах и гордо поднятой вверх головой. Но, сколько бы эта красивая женщина ни пыталась вести себя так, словно это совершенно обычная встреча, Миа ясно видела, как сильно ударило по ней убийство Вивиан.

– Директор балета, – сказала Спидсё и села в кресло напротив.

– Извините, – сказал Мунк. – Я в этом особо не разбираюсь.

– Все в порядке, – улыбнулась Спидсё. – У нас есть генеральный директор, директор оперы, технический директор, финансовый директор, нелегко во всем этом не запутаться. Вам с молоком или с сахаром?

Грациозная дама отклонилась назад и показала на серебряный поднос.

– Мне ничего, спасибо, – ответил Мунк.

– Какая трагедия, – произнесла Спидсё и бросила взгляд на Миа.

– Соболезнуем, должно быть, для вас это шок, – сказал Мунк, расстегивая пальто.

– Ужасный, – покачала головой Спидсё. – Мы просто не можем в это поверить. Все еще. Вивиан. Она была... нашим лучиком света.

Она слабо улыбнулась и поднесла чашку к губам.

– Это может прозвучать глупо, но она и правда была такой. Вивиан не была похожа на других, не такая самовлюбленная, если вы понимаете, о чем я.

– Не совсем, – кашлянул Мунк, улыбнувшись.

– О, ну, вы знаете, эти танцовщики...

– Все еще не совсем, – дружелюбно ответил Мунк.

– Моя сестра танцевала, – сказала Миа.

– О! Профессионально?

– Нет, просто занималась, когда мы были маленькими. Выступала на школьных представлениях и все такое.

– Как здорово, – кивнула Спидсё. – Танец – это искусство, которое, к сожалению, недооценивают толпы литературных почитателей, но мы стараемся изо всех сил. Простой народ, что с него взять.

– Вы хорошо ее знали? – спросил Мунк, кашлянув.

– Вивиан? И да и нет, – сказала Спидсё и отставила чашку. – Как

директор я несу ответственность примерно за шестьдесят артистов, плюс за балетмейстеров, педагогов, администрацию, но я стараюсь следить за всеми лично, насколько могу.

– Когда вы видели ее в последний раз? – спросила Миа.

– В среду после обеда. У нас сейчас межсезонье, поэтому у всех выходные в четверг и пятницу. Вивиан заходила ко мне в кабинет, чтобы спросить, можно ли ей и понедельник взять выходным.

– Вот как?

– Видимо, она собиралась уехать.

– Она сказала куда? – с любопытством спросил Мунк.

Спидсё потянулась к серебряному подносу и положила себе в чашку кусочек сахара.

– Думаю, что-то семейное, извините, я была занята другим. У нас в бюджете появилась дыра, так что в последнее время было очень много работы.

– Но вы отпустили ее?

Спидсё кивнула.

– Во время представлений все здесь работают круглые сутки, поэтому я совсем не против, чтобы мои артисты отдыхали побольше, пока могут.

– Но у вас нет никаких идей, куда она собиралась?

– Увы.

Миа перевела взгляд на окно. Вдалеке она увидела яхту.

– Какая трагедия. У вас есть какие-то предположения о...?

– К сожалению, пока никаких, – сказал Мунк.

– У Вивиан были проколоты уши? – спросила Миа.

– В смысле?

Спидсё с удивлением посмотрела на нее.

– Ну, вы знаете? – Миа взяла себя за мочку уха.

– Э-э, нет, честно говоря, не знаю. А что?

Миа увидела еще яснее, что это был просто фасад. Кристиане Спидсё надела серьезную маску, чтобы пережить этот день, но на самом деле она была на волосок от того, чтобы сломаться. Поднос зазвенел под кофейной чашкой, которую она опустила трясущимися руками.

– Извините меня, я...

Она слегка улыбнулась, и по ее щеке побежала слеза. Она смахнула ее рукой и снова выпрямила спину.

– Это вы нас извините, – сказал Мунк. – Мы знаем, как трудно вам должно быть сейчас. И очень ценим, что вы нашли время помочь нам.

– Само собой, – кивнула Спидсё, и по ее щеке покатились новая слеза.

Миа почувствовала, что ей самой становится нехорошо.

Вся эта скорбь вокруг.

Ее спас завибрировавший в кармане кожаной куртки телефон.

На дисплее имя Людвиг Гренли.

– Я должна ответить, – кивнула она, извиняясь, и вышла в коридор.

– Да?

– Я нашел его, – сказал Гренли. – Себастиан Фалк. Он в Швейцарии, лазает по горам в отпуске. Бедный парень, он даже не сразу понял, что ее не стало.

– Как он отреагировал?

– В полнейшем шоке, – пробормотал Людвиг. – Не смог сказать ни слова. Ему пришлось положить трубку и перезвонить мне.

– Ты спросил, были ли они в отношениях?

– Мне показалось, что они были очень близкими друзьями. Он прилетит первым же самолетом.

– Ты попросил его сообщить, когда прилетит?

– Он очень хочет помочь, так что я попросил его позвонить мне.

– Хорошо, спасибо, Людвиг, – сказала Миа и положила трубку.

Она уже собиралась вернуться в кабинет балетмейстера, когда ее телефон опять зазвонил.

– Привет, – сказал Габриэль Мерк, – у тебя что-то с телефоном?

– Да, он странно себя ведет. Куплю себе новый, когда будет время. Нашел что-нибудь?

– Нашел, – сказал юный хакер, и она услышала в его голосе воодушевление. – Это заняло некоторое время, но в конце концов я все выяснил.

– Что там?

– Я нашел информацию по Каролине Берг в «Индиции». В связи с мужчиной по имени Реймонд Греггер.

– Ее разыскивала полиция? – удивленно спросила Миа.

– Нет, не ее, а его. Но самое странное – что в файле ничего нет, только имя полицейского адвоката в Буде.

– Файл «Индиции» пуст?

– Да, пусто, только эти имена, но я позвонил полицейскому адвокату. И узнал много интересного. У тебя есть время?

– Да-да, выкладывай.

– Оказалось, что несколько лет назад этого Реймонда Греггера подозревали в очень серьезном преступлении.

– А как он связан с Вивиан?

- Ой, да, сорри, он ее дядя.
- Брат Каролине Берг?
- Сводный.
- И в чем его подозревали?
- Вот тут-то и начинается самое интересное. Несколько лет назад в Буде исчезли две маленькие девочки, в двух не связанных между собой случаях. Они позже объявились и обе рассказали одну и ту же странную историю.
- Какую?
- Их подобрал мужчина и отвез в дом за городом.
- Изнасилование?
- Э-э, нет, не совсем, он играл с ними.
- В каком смысле играл?
- Просто играл. Они играли в куклы, устроили чаепитие, наряжались...
- Эээ?
- Знаю, я сто лет ничего страннее не слышал.
- Тогда почему этого не было в базе данных?
- Сейчас расскажу, – вдохновенно продолжил Габриэль. – Обе девочки указали на Реймонда Грегера, но дело отозвали.
- Потому что?..
- Я не совсем понял, какая-то формальность, может. Анетте лучше объяснит. Как бы то ни было, его оправдали, и он заставил адвоката позаботиться о том, чтобы в реестре ничего не осталось.
- Странно. Она что-то сказала о причинах?
- Видимо, чтобы он мог продолжать.
- Продолжать что?
- Работать. Он учитель.
- Ты шутишь?
- Нет.
- В Буде?
- Нет-нет, он переехал.
- Мы знаем, где он сейчас?
- Да, – с триумфом сказал Габриэль. – Я его отследил. Сейчас он работает в старшей школе Хедрум. Недалеко от Ларвика.
- Дьявол.
- Знаю. Думаешь, тут что-то есть?
- Уверена, – сказала Миа. – Отлично, Габриэль.
- Та адвокат очень хотела, чтобы мы оставались на связи.

– Хорошо, передай это Анетте.

– Отлично.

– Чертовски хорошая работа, Габриэль. Увидимся позже.

Миа убрала телефон в карман и вернулась в кабинет Спидсё.

Адвокат Томас Лорентцен сидел в своем кабинете на Габриэльсгате и нервно смотрел на телефон перед собой. Он ждал предстоящего разговора. Но одного он не мог понять. Они-то позвонят ему, это однозначно. *Черт побери, как это вообще случилось?* Его машина, Мерседес, украдена прямо из-под окон офиса меньше недели назад. И теперь она всплыла в деле об убийстве?

Черт, у него не получалось связать все вместе.

Телефон все еще молчал. Ему казалось, что безжизненный блестящий черный предмет смеется над ним. Мучает его своим молчанием. Больше всего ему хотелось разбить его о стену. *Ну, звони же, черт возьми. Ты знаешь, что скоро зазвонишь, так на кой черт меня мучить?* Лорентцен одарил телефон свирепым взглядом, ослабил узел галстука и поднялся с кресла. По пути к бару он увидел свое отражение в окне. Он выглядит уставшим? Уставшим он себя не чувствовал, или нет, конечно, его это затронуло, но, черт побери, он же не имеет никакого отношения к этому убийству?

Или имеет?

Связано ли это с другим?

Лорентцен открыл бар и налил в один из хрустальных бокалов большую порцию виски. Он и не заметил, как снова оказался за столом красного дерева, практически добежав до него. Чертов телефон. Еще и уродливый. Не то что его телефон, позолоченный «Айфон», специально заказанный из Англии. Он, конечно, знал, что не нужно им светить повсюду, не нужно показывать, как много у него денег, но просто не мог этого не делать. Может же он себе хоть что-то позволить, так ведь? После всего, что он сделал? Твою мать, да они понятия не имеют, на какой риск он пошел. Он почувствовал нарастающее раздражение.

Мать его, труп? И даже не одного из каких-нибудь наркош, до которых никому дела нет. В новостях трубили об этом. Молодая девушка. Балерина. В горном озере. Он лихорадочно напряг мозг, чтобы понять, есть ли тут связь, но в голове было пусто. Должно быть, это совпадение, иначе он вообще уже ничего не понимает. Сегодня днем ему звонила полиция. Какой-то Гренли.

– Это Томас Лорентцен?

– Да?

– Вы владелец серого «Мерседеса Бенц Е220», регистрационный номер DN87178?

– Да.

– Вы говорите, вашу машину угнали?

– Да, в прошлую среду.

– И вы в этом уверены?

Уверен?

Конечно, он был уверен.

Машина была на стоянке. На его персональном парковочном месте. Вообще-то, он предполагал, что защищен, здесь, во дворе, за воротами, и тем не менее машина исчезла.

– Позвоните нам, если что-нибудь вспомните, ладно?

Лорентцен снял галстук и почувствовал, как потеет в подмышках.

Что-нибудь вспомню?

Что это было?

Они что-то заметили?

Вдруг это все инсценировка, чтобы взять его?

Вдруг это все...

Он оборвал себя, опустил в кресло и даже рассмеялся.

Он, безусловно, важная птица, это правда. Но выдумывать, что мертвую балерину нашли в горном озере, запускать эту громкую дискуссию в СМИ, только чтобы раскрыть его, – нет, хе-хе, конечно, нет.

Соберись, Томас.

Успокойся.

Не забывай, что говорил врач.

Лорентцен достал из ящика коробочку и запил глотком виски две круглые белые таблетки.

Полиция?

Зачем звонила полиция?

У них ведь есть свой человек в полиции.

Разве он не должен ограждать их от таких вещей?

Лорентцен встал, не отрывая взгляда от лежавшего на столе телефона.

Ну, звони же уже, черт возьми.

Он осушил бокал и снова его наполнил, на этот раз попытавшись избежать своего отражения в окне, пока мысли понеслись в том направлении, в котором так часто устремлялись в последнее время. Не только потому что это случилось, но также, наверное, потому что время пришло.

Забирай деньги и уматывай.

Исчезни.

Он вытер пот со лба.

Почему нет?

У него ведь их достаточно.

Уже давно достаточно.

Но есть одно...

Он упал в кресло и ощутил, что утомился.

Они найдут его.

Куда бы он ни уехал, разве не так?

Они везде.

Он продал душу дьяволу.

Добровольно.

Выхода нет, так они сказали?

Лорентцен покачал головой и расстегнул одну пуговицу на рубашке.

Черт, как здесь жарко.

Возьми себя в руки, кретин.

Ладно, нужен план.

Он отставил бокал в сторону и открыл ноутбук. Ввел запрашиваемый код и вошел в систему. Сумма, появившаяся на экране, была невероятной. Обычному соотечественнику понадобилось бы около ста лет, чтобы заполучить лишь крупицу из того, что было там.

Женева.

В его голове начал обретать очертания план, он почувствовал, как рот растянулся в улыбке.

Следующая отправка.

Пальцы побежали по клавиатуре, он взглянул на график и карту, появившиеся перед ним.

У него есть контакты, конечно же, есть. Контакты, о которых они не знают.

Провести это последнее, а потом...

Лорентцен широко улыбнулся, осушил бокал и пошел за добавкой.

Какое-то мгновение постоял с бокалом в руке.

Я сбегу.

Исчезну.

Он тихо кивнул в окно.

Все кончено.

Он улыбнулся и поднял бокал в тосте самому себе, когда предмет на столе вдруг зашевелился.

Телефон зазвонил.

Рука разжалась, и Лорентцен даже не услышал, как бокал упал на пол.
Дьявол.

Томас Лорентцен неподвижно стоял несколько секунд, затем наконец поднял телефон со стола.

– Алло?

Дождь барабанил по капоту черной «Ауди». Промокший до нитки Мунк добежал до машины и сел за руль.

– Я передумал. Не поедем.

– Почему нет? – кратко спросила Миа.

– Реймонд Греггер на больничном. И я не могу ему дозвониться. Он может быть где угодно.

Миа достала из кармана куртки пастилки. Дождь усилился. Лило как из ведра, люди за окном разбегались в поисках укрытия, как испуганные кошки.

– Я отправил патрульную машину. Если они его найдут, то еще можем подумать, но я не готов три часа ехать зря.

– Полиция Ларвика?

Мунк кивнул и достал пачку сигарет из кармана мокрого пальто.

– Что думаешь о Спидсё?

– Она выглядит довольно искренней, нет? – ответила Миа.

Мунк пожал плечами.

– У меня такое ощущение, что она нам что-то недоговаривает, но я не вполне уверен.

Он закурил и приоткрыл окно. Капли воды залетели в машину и смешались с серым дымом, но Миа ничего не сказала.

– Каким образом мужик, похищающий маленьких девочек, опять работает учителем? – раздраженно спросил Мунк и выглянул из окна.

– Если у нас ничего на него нет в реестре, то его ничто не останавливает.

Мунк покачал головой.

– Тогда с системой что-то всерьез не так, – пробормотал Мунк и сделал новую затяжку, когда у Мии зазвонил телефон.

– Это Миа Крюгер? – спросил мужской голос.

– Да.

– Добрый день, это Торфинн Наккен, я звоню из охранной службы Бишлетт. Вы живете на Софиеспласс, 3, верно?

– Да. Что случилось?

– На третьем этаже? – продолжил мрачный голос.

– Еще раз, откуда вы звоните?

– Охранная служба Бишлетт, мы ответственны за дом. Извините, что

отвлекаю вас, но наш офис взломали, понимаете ли, и пропало несколько мастер-ключей. Вы не замечали чего-нибудь странного в своей квартире?

Миа отмахнулась от дыма и опустила окно со своей стороны.

– Например?

– Ну, незваные гости. Исчезнувшие вещи, в таком духе?

– Нет, я ничего не замечала.

– Ок, хорошо, – облегченно сказал Наккен. – Эти мастер-системы страшно дорогие, черт возьми, придется поменять замки во всем доме. Сотни тысяч крон, страховка, конечно, все покроет, но нет смысла тратить время, если нет никакой проблемы, если никто не понял, от чего ключи, правда?

Он издал смешок.

– Слушайте, я сейчас немного занята, – сказала Миа и взглянула на Мунка, который, судя по всему, получил сообщение.

– Да, конечно, извините, мне нужно было только проверить. Тогда записываю, что по Крюгер Миа все в порядке.

– Отлично.

– Хорошего дня.

– И вам, – сказала Миа и отключилась.

– Анетте, – сказал Мунк.

– Да?

– Нашли имя психиатра.

– Какого психиатра?

– Я разве не говорил? Извини. В ее квартире нашли лекарства. Антидепрессанты, выписанные терапевтом, видимо, по совету этого психиатра.

Мунк показал ей свой телефон.

– Вольфганг Риттер?

– Тебе это имя ни о чем не говорит? – спросил Мунк, явно довольный.

– Нет.

– Серьезно? Вольфганг Риттер? Ты что, не смотришь новости?

Миа покачала головой и достала из кармана куртки новую пастилку. Она давным-давно выбросила телевизор и по возможности старалась избегать газет. Когда она была маленькой, вся ее семья каждый день в обязательном порядке собиралась в гостиной и смотрела новости. Но теперь Миа больше не могла этого делать. Раньше СМИ несли ответственность перед обществом. Информировали. Сейчас же всем правит капитал. Страх и знаменитости бок о бок, в безумной гонке за эфирным временем и кликами в Интернете. Она была даже не в силах смотреть на

заголовки газет в магазине, избегала их, насколько было возможно.

«В чем причина конфликта между Израилем и Палестиной?»

«Как зовут писателя, получившего фетву аятоллы Хомейни?»

«Зачем китайские студенты вышли на демонстрацию на площади Небесного спокойствия?»

...Мама, Эва Крюгер. Она работала учительницей в школе Огсгордена, и для нее было особенно важно, чтобы девочки хорошо занимались и знали, что происходит в мире. Конечно, Сигрид была лучшей. Лучшей во всем. Миа часто думала о том, что это могло стать одной из причин всего случившегося впоследствии. Все было слишком идеально, и наркотики стали для нее своеобразным бунтом, но Миа до конца не могла осознать, что это может быть правдой. Мама и папа. Эва и Кюрре. Он торговец красками. Бездетная пара, и удочерение близнецов было подарком свыше. Мама иногда бывала резкой, но все же не чересчур строгой. Слишком часто она бывала учительницей и дома, может быть, но не более того.

Маркус Скуг.

Это его вина.

– Доктор ЛСД, – сказал Мунк.

– Кто?

– Вольфганг Риттер. Главный врач в Блакстаде. Психиатр, решившийся дать психоделики пациентам с тяжелыми заболеваниями.

– Никогда о нем не слышала.

– Всего неделю назад про него показывали длинную документалку. Он же в центре внимания.

– Не видела. Разве таким не занимались еще в семидесятых?

– Да-да, но сейчас уже нет, черт, ты где вообще?

Мунк повернулся на сиденье и бросил на нее взгляд.

– Сорри, – сказала Миа и потрясла головой, отбросив собственные мысли. – Я тут.

– Внешне здоровая и жизнерадостная девушка, «наш маленький лучик света», на сильных антидепрессантах? Тебе это не кажется немного странным?

Мунк почесал бороду и потянулся за новой сигаретой, но передумал.

– Очень, – кивнула Миа. – Мы с ним уже связались?

– Сначала нужно решение судьи.

– Неразглашение информации?

– Анетте занимается этим, просто формальность, это не займет много времени, – кивнул Мунк, и тут его телефон опять зазвонил.

– Да?

Она выстрелила в него.

Дважды в грудь.

Маркус Скуг.

– И вы были у него дома?

Нет, теперь с этим покончено.

– У него есть родственники? Свяжись со школой, может, коллеги что-то знают.

Воспоминания, сложенные в коробки.

– Установите слежку у его дома. И объявите его во всеобщий розыск. Да. Он очень важен для нас. Задействуйте все ресурсы, если это возможно. Держите меня в курсе. Хорошо, спасибо.

Мунк положил трубку и поднял брови.

– Ларвик?

– Да. Они не могут его найти. Дома никого. Соседи не видели его неделю.

– Вот как.

– Удивительная случайность, тебе не кажется? – спросил Мунк.

– Очень. Мы должны вернуться к ней, да?

– Каролине Берг?

– Да.

– Прихожу в ужас от этой мысли, но да, думаю, должны.

Мунк вздохнул и постучал пальцами по рулю.

– Поедешь со мной к судмедэксперту?

– Нет, я хочу поговорить с Халворсеном из криминалистов. Странно, что у них ничего для нас нет.

– Ок, я тебя заброшу по пути, – сказал Мунк и выехал с парковки.

– Спроси ее про раны вокруг рта, – сказала Миа, когда они доехали до здания Крипоса на Брюнсаллеен.

– Какие раны вокруг рта?

– У Вивиан Берг было несколько ран вокруг рта. Не помню, чтобы видела такие раньше.

– Ок.

– Общий бриф после обеда?

– Часов в семь-восемь, – кивнул Мунк.

– Увидимся, – сказала Миа и вышла из машины.

Мунк нажал на кнопку звонка и подождал, пока ему ответят. Нового судмедэксперта звали Лиллиан Лунд. Он почувствовал некоторое любопытство перед встречей с ней.

– Да?

– Это Холгер Мунк.

– О, да, здравствуйте. Входите. Я в кабинете номер один. В самом конце по коридору. Просто идите на звук музыки.

Музыки?

Войдя, Мунк понял, что она имела в виду. Из комнаты дальше по коридору до него доносилась мелодия – жизнерадостное вкрапление в столь мрачную обстановку. Услышав, что играет, он слегка улыбнулся. Бах. Одна из его любимых вещей. И не в каком-то там исполнении. Гленн Гульд. Вариации Гольдберга. У него дома есть такой диск. Он столько раз его слушал, что помнит почти наизусть. Пианист Гленн Гульд. Бесспорно, гений, но еще и маэстро на грани безумия. Мунк не мог не подумать о Мии, идя к кабинету, откуда доносилась музыка.

– Добрый день!

Мунк постучал в дверь, из-за которой шел звук, и собрался зайти, но его остановил молодой человек в пластиковом фартуке, маске и перчатках.

– Кто вы?

– Мунк, – сказал Мунк и показал удостоверение. – Отдел по расследованию убийств, Марибуэсгате. Лиллиан Лунд?

Музыка зазвучала громче. Мягкие, теплые тона резко контрастировали с серой холодной комнатой и трупом, лежавшим на столе.

– Добрый день, Мунк, – послышался вдруг голос откуда-то сзади.

Приветствовавшая его женщина сняла перчатку, чтобы поздороваться. На ней была маска, но она приспустила ее.

– Лиллиан Лунд, – с улыбкой представилась она.

Темные волосы. Ясные голубые глаза. Похоже, его ровесница.

– Это не ваша, – сказала она, кивнув на труп на столе. – Она у меня во второй комнате, сейчас закончу здесь и приду.

– Подожду в коридоре.

– Хорошо, – улыбнулась Лиллиан Лунд и повернулась к молодому человеку, остановившему Мунка. – Передашь мне еще раз те анализы, которые я просила?

– Снова?

– Думаю, они загрязнены, слишком высокие значения.

– Да-да, конечно, – сказал молодой блондин, украдкой бросив взгляд на Мунка, и исчез в том направлении, откуда пришел.

Мунк снова вышел в коридор, нашел стул и подумал, не закурить ли. В прежние времена это бы не было проблемой. Эрнст Хьюго Вик, предыдущий судмедэксперт, ответственный за большинство дел Мунка, был эксцентричным человеком и, что не менее важно, заядлым курильщиком, не обращавшим внимания на принятые нормы. Что-то подсказывало Мунку, что при режиме Лиллиан Лунд действуют другие правила, поэтому курить он не стал.

Прошло несколько минут, и она вновь появилась перед ним.

– Ох, простите, – улыбнулась Лиллиан и опустилась на стул напротив. – Четыре тела за четыре дня. Ваша девушка и трое передозников. Кажется, нынче город просто наводнен наркотиками.

– Вы привозите сюда передозников? – удивился Мунк.

– Конечно, а что?

– Да ничего, просто это что-то новенькое.

– Новый начальник, новые правила, – дружелюбно сказала Лиллиан. – Я хочу осмотреть всех, вам не кажется, что это правильно?

– Да-да, конечно, – кивнул Мунк, почувствовав, что ему уже нравится новый судмедэксперт.

Живая и решительная. И в дополнение Гленн Гульд в динамиках.

– Хотите увидеть ее? Или, я слышала, вы смотрите только фотографии?

– Вы о чем?

– Это неправда? – с любопытством спросила Лунд. – Что вы следователь, которому не нужно видеть трупы?

– Думаю, вы имеете в виду Мию Крюгер.

– А, ладно, извините.

– Не за что извиняться. Что обнаружили на данный момент?

Мунк встал со стула.

– В каком смысле – на данный момент? – спросила Лунд. – Кстати, одежда вон в том шкафу.

Надевать защитный костюм, чтобы увидеть труп? При Вике такого не было. В Институте судмедэкспертизы определенно настали новые времена.

– Я хочу сказать, у вас ведь было не так много времени, – продолжил Мунк.

– О, это все миф – что это занимает много времени. Иногда – да, но в

данном случае сомнений не возникло.

Лунд надвинула маску и дала Мунку знак следовать за ней в смотровую. Она сняла белую простыню с тела и приложила палец к точке на грудной клетке. Разрезы после вскрытия были так грубо зашиты, что у Мунка на мгновение возникло ощущение, что тело не настоящее. Ему всегда не нравилось это. Труп на столе патологоанатома – невыносимое зрелище, к которому невозможно привыкнуть. Когда он изредка смотрел сериалы, где хардкорные следователи стояли, склонившись над мертвыми телами, не изменившись в лице, ему больше всего хотелось позвонить им и высказать свои претензии. Несерьезно. И совершенно не реалистично.

– Вот тут след от укола. Вы получили отчет, который я послала в Крипос? Этиленгликоль?

Мунк кивнул.

– Я не припомню, чтобы когда-то видела что-то подобное. А вы?

Мунк не ответил. Из уважения к белому безжизненному изрезанному телу, лежавшему перед ним. Тридцать лет службы следователем, но он так и не смог к этому привыкнуть. К смерти. К закончившейся жизни. Жизни, сокращенной до технического объекта на столе в сером подвале в Уллеволе.

– Я накрою ее? – спросила Лунд, с участием глядя на Мунка.

– Все нормально, – кашлянул Мунк.

– Я вас прекрасно понимаю, – кивнула Лунд. – Я занимаюсь этим все время, и даже для меня это трудно.

– Так что вы сказали? – сказал Мунк, снова надев маску профессионала.

– Вы такое раньше видели? Антифриз?

– Нет, такого – никогда. У нас было несколько дел с отравлениями, но только пероральными. Обычно все заканчивается хорошо. У пострадавших травмы, но они выживают. Здесь совсем другой случай.

– Знаю, – кивнула Лунд и прикусила губу. – Довольно хладнокровное убийство, вам так не кажется?

– В смысле?

– Ну, это вы у нас следователь. Но да, не кто угодно может находиться так близко, чтобы всадить иглу точно в сердце человека перед собой...

– Мы только на начальном этапе расследования.

– Понимаю, – сказала Лунд и переместилась к нижней части белого тела. – Влагилице. Никаких признаков насильственного проникновения. Никаких следов спермы. Непохоже, чтобы мотив был сексуальным, по крайней мере, насколько я могу судить сейчас.

Мунк кивнул.

– Ногти, руки, – указала Лунд. – Удивительно мало материала. Никаких остатков чего бы то ни было. Словно кто-то ее обмыл.

– Даже так?

– Да, – сказала Лунд, подняв брови. – Внутри тоже. Тело почти девственно чисто.

– Она же лежала в воде, когда ее нашли?

– Да, это я знаю, но тем не менее что-то должно было остаться. Ни царапины. Ни синяка. Ни ссадины. Она же должна была... как-то сопротивляться? Такая сильная девочка, как она.

– Мы работаем над теорией, что она дошла до места происшествия сама, – тихо сказал Мунк.

– Seriously?

Лунд удивленно посмотрела на него.

– Я знаю, – кивнул Мунк. – Дальше мы пока не продвинулись.

– Пока нет подозреваемых?

– Мы проверяем нескольких, но пока прямых подозрений нет, увы.

– Вот единственное, что я не совсем поняла, – сказала Лунд, переходя к изголовью.

– Что же?

– Видите ее рот?

– Да.

– Заклеен скотчем, да? Я сначала не посмотрела как следует, но все же здесь что-то... видите?

Она показала на кожу вокруг уголков рта.

– Это не нормально.

– Что именно?

– Эти волдыри. Похожи на ожоги, видите?

– Точно. Миа просила меня спросить о них.

– Хорошее наблюдение. Они не от скотча. На самом деле я не знаю, что это, но я отправила несколько проб на анализы.

– Как думаете, когда будет ответ?

– Это не должно занять много времени, думаю, в течение завтрашнего дня.

– Хорошо.

Их внезапно прервал ассистент-блондин, вошедший в комнату не постучавшись. На этот раз он по какой-то причине избегал взгляда Мунка.

– Извините, что прерываю, но к нам едет новый.

– Передоз? – спросила Лунд.

– Да.

– Твою мать. Извините за выражение, но что творится в этом городе?

Она раздосадованно покачала головой и пошла к двери. Мунк последовал за ней в коридор.

Лиллиан Лунд сняла перчатки и маску и подала ему руку.

– Спасибо вам за помощь, – кивнул Мунк.

– Не за что, я позвоню вам, как только буду знать больше, – сказала темноволосая судмедэксперт и убежала обратно в направлении источника музыки.

Тео Халворсен сидел в лаборатории, склонившись над микроскопом, но быстро встал со стула, когда увидел, что она вошла.

– Лунный Свет, – просиял криминалист средних лет. – Сколько лет, сколько зим. Где ты была?

– Нигде, к сожалению, – улыбнулась Миа.

– Тебя опять отстранили? Да? – спросил Халворсен и снял очки.

– Так говорят?

– Смотря кого спрашивать, – улыбнулся миловидный криминалист и пожал плечами. – Кто-то говорит, что тебя выгнали. Другие – что ты собиралась в плаванье.

– Последнее верно, но я так и не уехала. Ты сидишь над балериной, да?

– О, да, – вздохнул он. – Плюс целая куча другой работы, времени вечно не хватает. Как думаешь, я когда-нибудь буду свободен?

Он всплеснул руками и оглянулся вокруг. Длинное помещение лаборатории было завалено бумагами и коробками с пола до потолка. В комнате не было окон, казалось, что это подвал, хотя на самом деле она находилась на четвертом этаже. Миа знала, что Халворсен попросил завесить окна, чтобы его ничто не отвлекало.

Тео Халворсен. Вот уже почти десять лет, как Миа знает этого криминалиста. Сейчас ему уже за пятьдесят, и, несмотря на то, что он был известен постоянными жалобами на объем работы, она не пошла бы ни к кому другому, когда нужно было найти ответ на очередную загадку. Халворсен был своего рода мини-Эйнштейн. Не любил работать в коллективе, хотел делать все сам и всегда выдавал результат лучше и точнее, чем те, кто работал на третьем этаже.

– Не был на даче? – спросила Миа и последовала за ним в глубь комнаты.

– Где мне взять на это время? – сказал Халворсен, снова надевая очки.

Он нашел табуретку и достал с полки маленькую коробку.

– А как дела у Бритт?

– Пока не ушла от меня, к сожалению для нее, – подмигнул Халворсен и отнес коробку к микроскопу.

– Это мне? – сказала Миа, кивнув на коробку.

– Ты о чем?

– Вон та? Зачем ты так далеко запрятал свежие дела?

– Лунный Свет, – вздохнул Халворсен, слегка покачав головой. – Я знаю, что все бегает за тобой, ослепленные твоим викторианским шармом, но не я, у меня все по протоколу.

– Так что это такое?

– Зубы, – сказал он и надел синие пластиковые перчатки. – Не все убийства эстетичны, знаешь ли, дорогая. Совершены с умом и радостью жизни, чтобы Эркюль Пуаро или юная Крюгер могли чуть пошевелить серым веществом и войти в историю.

Халворсен вздохнул и открыл коробку.

– Молодой наркодилер, был убит ударом лома, за центром Манглерюд. Теперь они хотят знать, есть ли здесь связь с убийством другого гангстера, которого нашли с вытекающей изо рта кровью в парке Софиеберг. Роскошно, не правда ли?

Халворсен был известен своим нытьем, но Мии все равно он нравился. Не раз случалось, что поразительно острый взгляд криминалиста выявлял нужные им улики в намертво завязшем деле. Миа понимала, что своими жалобами он просто отгораживался от мира.

– Значит, не едешь на дачу?

– Езжу, иногда, – сказал он и снова прильнул глазом к микроскопу.

Она терпеливо ждала, пока выбитые зубы, которые он рассматривал, вернулись в коробку, и он записал то, что хотел, в своем ноутбуке, стоявшем на лавке за его спиной.

– Итак, что там у нас, – сказал Халворсен, сняв очки.

– Вивиан Берг, – ответила Миа, достав пастилку из кармана куртки.

Халворсен прокатился на своем стуле и вернулся с папкой.

– У нас такая уже есть, – сказала Миа, пролистав ее.

– Да. Но больше у меня ничего нет.

– Эту папку ты отправил в Крипос, да?

Халворсен кивнул.

– Да. И я сказал им то же самое.

– Что – то же самое?

– Что все это ерунда. Как я должен что-то из этого выяснить?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты что, не читала ее?

– Читала... или нет. Что там?

Он вздохнул.

– Там цирк, вот что там.

– Цирк?

– Ты правда ее не читала? Зачем я вообще делаю эту работу, этот вопрос я задаю себе каждое утро.

Халворсен тяжело вздохнул, откатился на стуле и, проехавшись по комнате, вернулся с бумажкой и передал ее Мии.

– Объясни мне это, – сказала Миа, посмотрев бумагу.

– Перебор.

– В каком смысле?

– Кто-то издевается над вами.

– В чем?

Он снова вздохнул и указал на листок, который дал ей.

– ДНК.

– И?

– В одном месте со всей Норвегии? Как я могу делать свою работу, когда в машине и на месте преступления волос и частиц кожи больше, чем в сливных отверстиях бассейна Фрогнера?

– Это было в «Мерседесе»?

– И в озере, – кивнул криминалист и придвинулся обратно к ноутбуку.

– Только ради тебя, Лунный Свет.

Он поднял компьютер и открыл документ.

– Вот.

Миа взглянула на монитор, но по-прежнему не понимала.

– На что мне смотреть?

– Все грязное, – вздохнул Халворсен, указывая пальцем.

– В смысле?

– Шестьдесят один образец волос. Сорок девять образцов кожи. Восемь образцов экскрементов. И ни одного совпадения ДНК между ними. Получается, что на месте преступления было больше ста человек. И в машине тоже. Как, по-вашему, мне над этим работать?

– Он загрязнил место преступления?

– Это, Шерлок, не вызывает ни малейших сомнений, – воскликнул Халворсен, и его очки на шнурке упали на грудь. – Вопрос, скорее, в том, где, черт возьми, он взял все это? Где собрал волосы и кожу? А экскременты? Кто так делает, Миа? О, кстати, – он резко встал, исчез в глубине лаборатории и вернулся с фотоаппаратом.

– Тут ты можешь наблюдать, что случается, когда у человека слишком много работы.

– Это тот, что нашли на месте преступления?

– Ага. «Никон Е300». Никаких отпечатков, конечно, ни на камере, ни на штативе.

Халворсен хитро улыбнулся и передал ей фотоаппарат.

– Посмотри.

Миа поднесла его к свету и посмотрела в объектив.

– Что-нибудь видишь?

Это заняло некоторое время, как вдруг Миа что-то увидела.

Царапина на объективе.

– Черт, – пробормотала она. – Глазам своим не верю.

Теперь она явно видела ее.

Число.

– Дьявол, – сказала она и еще раз проверила, чтобы убедиться.

– Мне кажется, похоже на цифру четыре, но детектив у нас ты, – сказал Халворсен и пожал плечами.

Миа почувствовала, как заколотилось сердце.

Число?

Она снова поднесла фотоаппарат к глазу.

Да, вот оно.

Без сомнений.

– Я сфотографировал, – сказал он и снова поднялся.

– Это?

– Да, смотри сюда.

Миа быстро изучила фотографию, сомнений не было.

«4».

Вручную нацарапано на объективе.

– Можно я возьму ее с собой?

– Конечно.

– Спасибо тебе, Тео, – сказала Миа и засунула фотографию в карман кожаной куртки. – Seriously.

– Рад помочь, Лунный Свет.

– Привет от меня Бритт.

– Она же скоро уйдет от меня, если у нее сохранились остатки разума.

– Держи меня в курсе, если найдешь что-то еще.

– Естественно. Звони, если что-то понадобится.

– Обязательно, Тео, увидимся.

– Всегда рад, Лунный Свет, – дружелюбно улыбнулся криминалист и отдал честь.

– Нам нужно за короткое время много обсудить, так что было бы хорошо, если бы мы смогли сделать это максимально эффективно, – сказал Мунк, возвышаясь у экрана.

Габриэль Мерк отодвинул от себя колу и как раз успел опуститься на стул, когда выключился свет.

– Ты на меня смотришь? – спросил Карри.

– Если бы вы могли подождать с вопросами до конца, было бы здорово, – пробурчал Мунк и быстро пролистал свои бумаги, лежащие на столе рядом.

Раздался негромкий смех, но он мгновенно стих, когда первое фото появилось на экране.

– Вивиан Берг, двадцать два года, – сказал Мунк, быстро прокликав первую серию фотографий. – Пропала из своей квартиры на Санкт Хансхауген в четверг после обеда и была найдена в озере Свартгьенн ранним утром субботы.

– И мы знаем это наверняка? – спросил Карри.

– Что именно, Юн? – вздохнул Мунк.

– Что она пропала из квартиры в четверг?

– Анетте? – сказал Мунк, кивая в ее сторону. Она встала.

– У нас есть два свидетеля, соседи по лестничной клетке, они рассказали, что Вивиан Берг вышла из квартиры в четверг после обеда между пятью и четвертью шестого. Видео, которое мы только что получили, показывает, что это может быть правдой, но...

– Видео? – сказал Карри, который явно был не в курсе.

Они только что получили видео с камеры наблюдения в киоске, которое, предположительно, должно показать, как Вивиан Берг вышла из своей квартиры.

– Что я говорил насчет вопросов в конце? – сказал Мунк.

– Да, но господи... – сказал Карри.

– Для тех, кто еще не в курсе, – сказала Анетте слегка удрученно, – мы получили три видео. «Мерседес» на пути по шоссе E18. «Мерседес» проезжает мимо торгового центра «Сандвика Стурсентер», и вот последнее, показывающее, как Вивиан Берг выходит из дома, вероятно, на пути к машине.

– По словам судмедэкспертов, Вивиан пролежала в воде менее

двадцати четырех часов, когда ее нашли, – продолжила Анетте. – Последнее видео из Сандвики показывает, что машина проехала мимо центра без чего-то семь в четверг, таким образом, у нас есть промежуток в 36 часов.

Она бросила взгляд на Мунка, и тот кивнул.

– Извините, – сказала Ильва. – 36 часов до чего?

Юная исландка попала в команду прошлой осенью, и, как всегда, никто не знал, где Мунк нашел ее, но она отлично вписалась. Габриэль был очень рад, что теперь он больше не самый молодой в команде. Для более опытных следователей многое было самоочевидным, и теперь вместо него вопросы задавала Ильва, а он не выглядел в их глазах новичком.

– С последнего раза, когда ее видели, и до обнаружения тела, – сказал Мунк.

– А сколько ехать от Сандвики до озера?

– Максимум два часа, – сказала Анетте.

– Ее держали в машине? – спросила Ильва. – Больше суток?

– Рассмотрим это чуть позже, – сказал Мунк и кивнул Анетте.

– Итак, – продолжила Голи. – Вивиан исчезла в четверг после обеда. Согласно Крипосу, она вышла из дома в спешке. Дома остался телефон, на столе в гостиной – включенный компьютер. На плите – еда. Похоже, она готовила себе ужин и вдруг оделась, вышла в коридор, заперла дверь и спокойным шагом вышла из дома.

– Что? – спросил Карри, все же не сдержавшись. – Она уходит из квартиры в спешке, не взяв с собой ничего, а потом спокойно идет по улице?

– Также стоит обратить внимание на лекарства, обнаруженные в квартире. Как все вы знаете, были найдены антидепрессанты и успокоительные. Многие указывают на то, что дела у Вивиан шли не очень хорошо. Мы общались и с лечащим врачом, и с психиатром и работаем над тем, чтобы получить доступ к ее медкарте.

– Спасибо, Анетте, – сказал Мунк, когда Голи села на стул.

– Реймонд Греггер, – сказал Людвиг Гренли, поднявшись. – Таинственный чудак, я на него нашел крайне мало. В Буде мне отвечали очень туманно, очевидно, боялись адвокатов. Как бы то ни было, то дело против него, которое было заведено несколько лет назад, когда пропали две маленькие девочки, – не то, за что мы можем взять его или как-то использовать. В любом случае, вот что мы имеем. Ему пятьдесят восемь. Не женат. Детей нет. Работает учителем в старшей школе Хедрум недалеко от Ларвика и в данный момент находится на больничном, из-за... – Гренли

надел очки и заглянул в свои бумаги. – Нет, это я тоже не выяснил, но, как бы то ни было, мы им занимаемся. Полиция Ларвика уже ищет, и я объяснил им, что на данный момент это главный приоритет.

– А его телефон? – в первый раз подал голос Габриэль.

– Согласно данным «Теленор», он выключен с четверга, – сказал Гренли и снова сел.

– А нашли что-то в ее телефоне? – с любопытством спросила Ильва.

– Согласно списку, что я получил, нет, – сказал Габриэль. – Вивиан не общалась с дядей. На «Фейсбуке» они тоже не были друзьями. Ничто не указывает на то, что они были как-то связаны.

– Реймонд Греггер, – сказал Мунк. – Наша цель номер один на данный момент. Как уже было сказано, в Ларвике идут поиски, и мы усилим охоту в течение ночи, если не найдем его. Миа?

– Есть кое-что, – сказала Миа и вышла к экрану.

Она кивнула Мунку. На экране появилась новая фотография. Габриэль раньше ее не видел.

– Это было нацарапано на объективе фотоаппарата.

– Что это? – спросила Ильва и надвинула очки повыше на нос.

– Цифра. Цифра четыре, – сказала Миа, кивнув Мунку, который увеличил снимок, и на этот раз они разглядели яснее.

– Сначала я подумала, что преступник использовал камеру, чтобы фотографировать процесс убийства. Что это его фишка. Что он заботится о последующей визуализации. Но теперь я уже не так уверена.

– А мы знаем, что это *он*? – прервал ее Карри.

– Следы вокруг штатива сорок третьего размера, – невозмутимо ответила Миа.

– Если только это не женщина в мужских ботинках.

– Тогда отпечатки были бы глубже по центру и мельче по краям, – сказала Миа и снова кивнула Мунку.

Новое фото.

На этот раз страницы из книги.

– Обратите внимание, что номер страницы оторван. Убийца говорит нам, что это число ничего не означает.

– Что?.. – начала Ильва, но Миа проигнорировала ее, и Мунк снова кликнул.

– «Теперь я расскажу о самом трудном», – Миа кивнула в сторону страницы на экране. – «О чем я не в силах думать. И о чем не могу не думать».^[6] «Братья Львиное сердце». Здесь младший брат, Карл Лейон, рассказывает о пожаре. Карл болеет, ему нужна помощь, и великодушный

герой, старший брат по имени Юнатан, жертвует жизнью, чтобы спасти своего младшего брата. Потом все будут жалеть, что погиб не младший брат.

Воцарилась тишина.

– Значит, у нас есть цифра четыре, – продолжила Миа. – Это во-первых. И у нас есть эта страница из книги, это во-вторых. Отсюда нужно и начинать.

– Но... – снова сказала Ильва, но ее опять перебили.

– И еще мы должны взглянуть на это, – сказала Миа. – Я считаю, это очень важно. На видео с камеры наблюдения, которое мы сейчас посмотрим, Вивиан выходит из квартиры, в этот четверг. Обратите особое внимание на ее походку, ладно? Я знаю многих танцовщиков. Они пластичные, двигаются, как кошки, у них под контролем каждая мышца тела.

– И что ты хочешь сказать? – спросил Карри.

– Это не танцовщица, – тихо сказала Миа и кивнула Мунку, который нажал кнопку пульта. – Это не настоящая Вивиан Берг.

Курт Ванг никогда не слышал такого голоса, как у нее. На пластинке – конечно, но вживую – никогда. Билли Холидэй. Радка Тонефф. Может, Эми Уайнхаус. Когда невысокая улыбающаяся девушка с длинными рыжими волосами подходила к микрофону и мягкий голос разлетался по большой гостиной, также служившей комнатой для репетиций, время будто останавливалось. Слово рассеивались облака. Слово холодная зима превращалась в лето. Слово мира снаружи не существовало. Курт даже не понимал, влюблен ли он в саму девушку или только в голос.

В нее. В нее. Конечно же, в нее. Он не мог спать. Не мог дышать. Он с трудом подносил саксофон к губам.

Квартет Нины Уилкинс.

Они встретились на джазовом отделении консерватории в Тронхейме. Лучшая школа в стране для молодых исполнителей его калибра. Взяли с первой попытки. Сколько саксофонистов было на пробах? Много, очень много. И кто поступил сразу же? Прошел все три пробы, легко и просто, да так, что ему аплодировали стоя? Он. Курт Ванг. Долговязый застенчивый парень из столичного района Манглерюд, где мальчики считались мальчиками, только если играли в хоккей. Его должно просто распирать от гордости. Ему дела не должно было быть до этой джазовой певицы, наполовину шведки. Таких было много в Тронхейме – очаровательных, очень талантливых девушек. Но нет. В первый раз, когда он услышал пение Нины Уилкинс, его колени превратились в желе, и с тех пор он чувствовал себя маленькой собачкой. Нет, господи, не собачкой, он был сам себе хозяин, просто несколько слабовольный.

И неспособный мыслить ясно.

Она предложила переехать в Осло, всей группой, и он кивал и говорил – да-да, конечно.

Хотя ему очень нравилось в Тронхейме. Квартира в Мелленберге, бары, клубы, кафе «Девять муз», букинистические магазины, неформалы... Потрясающий город. С чертовски вдохновляющей джазовой атмосферой.

Она предложила заменить Мюлле на другого ударника, португальца, о котором он даже не слышал. Да-да, конечно, Нина, если ты так хочешь.

Хотя они с Мюлле всегда играли вместе, они были как близнецы, импровизировали на пару, словно две головы на одном теле.

Она предложила, чтобы они играли больше на саксофоне сопрано,

немного отложить тенор, подняться на октаву выше, светлее, резче, более неистово, как делал Джон Колтрейн в конце эпохи Майлза Дэвиса. Непременно. Конечно, Нина. Конечно, он будет играть на сопрано, он же всегда так и хотел, разве нет?

Нет, это его мать так хотела. Ян Гарбарек на виниле в гостиной в Манглерюде, сам он всегда больше любил полноту тенора.

Да, черт побери, ему нужно взять себя в руки. Больше так дело не пойдет. Квартет Нины Уилкинс. Нина. Нина. Нина. Голос, заполнявший его голову, где бы он ни был.

Во всяком случае, после того как португалец прибыл в Осло. Новый ударник. Достаточно хорош, безусловно, дело не в этом. Техничен. Мягко. Музыка во всем теле, но лучше ли Мюлле? Нет, он так не считал. Черт, каким же он был дураком. Он должен был предвидеть это за много миль. Нина с португальцем. Крепкие объятия на диване. Горячие поцелуи во время репетиций. Рука об руку они шли по улице в «Бло».

Ему следовало покончить с этим. Сказать, что с него хватит. Конечно же, следовало. Если он считает себя мужчиной. Но, черт, как он мог?!

Тот голос.

Боже, какой голос.

Как мед и наждачная бумага.

Как ответ на загадку.

Каждый раз, когда она начинала петь.

Поэтому он просто остался.

Идиот.

Квартет Нины Уилкинс.

К счастью, все разрешилось. Джаз-фестиваль в Васса в прошлом году. Они играли на одной из самых маленьких сцен, но получили лучшие отзывы. Хиппи пришли в неистовство. Потом фестиваль в Конгсберге. Там то же самое. Аншлаг, люди дрались за билеты. По плану они должны были сыграть только два отделения, но публика не отпускала их со сцены. Полный экстаз. Он плевал кровью, не чувствовал губ много дней, но оно того стоило. Естественно. А потом они должны были играть в Молде. Вишенка на торте. И не в одном из каких-то маленьких местечек, нет-нет, в самом соборе Молде. Если бы его мать была жива, она бы страшно гордилась им.

– Сегодня ничего не получается, – пробормотала Нина и отошла от микрофона.

Жестом показав, что с нее хватит, она украдкой бросила взгляд на ударника и получила в ответ понимающий кивок.

Снова.

Это стало происходить все чаще и чаще, и ему это не нравилось.

Билли Холидей делала это.

Чарли Паркер.

Колтрейн.

Майлз.

Что это за чертов аргумент?

«Да мы же не колем его, Курт, чего ты бесишься?»

Да какая разница, слабая доза или нет, укол или трубка?

Да, он был влюблен.

Да, у нее был голос, как у ангела.

Но героин?

Ни за что, черт возьми.

Он даже не мог находиться в комнате с ними. Всегда выходил на улицу, когда они дули. А когда возвращался, они уже витали где-то взглядом и бессмысленно улыбались. И ведь они даже не играли лучше, хотя так считали. Они просто *чувствовали* себя лучше, только и всего, черт, да героин не имеет ничего общего с музыкой. Ему намного больше нравился ее голос, когда она была чиста. А португалец? Нет, он даже не в силах был вступить вовремя. Всегда опаздывал на полтакта. Или на четверть спешил.

Нет, он больше не мог.

После Молде.

Дальше он не пойдет.

У него другие проекты.

Много проектов.

Он же как-никак Курт Ванг.

Нина с португальцем пробрались на кухню, опять рука об руку, и она, хихикая, прижималась губами к его щеке. Курт посмотрел на себя в зеркало в коридоре, покачал головой и завязал на шее шарф. Чертова подготовка. На улице вечер, прохладно, но он не выдерживал этого запаха. Жженный героин на фольге. Нет, твою мать, его в первый раз чуть не вырвало, когда португалец поднес зажигалку к коричневому комочку в фольге.

Твою мать.

Курт прикурил сигарету и ощутил, что на этот раз он действительно решился. Он больше не хочет это терпеть. Ни за что. Ну его, этот голос. И влюбленность тоже. Это пройдет, разве нет? Ведь уже пять лет. Должно же скоро пройти? Закончить эту репетицию, и он позвонит Мюлле. И они возродят трио. Если он возьмет трубку, конечно. Четыре месяца ни слова. И

его можно понять, естественно.

Нина. Нина. Нина.

Мюлле выскочил из комнаты с пеной у рта.

Черт, как холодно. И темно. Разве весна не должна уже наступить? Курт Ванг натянул рукава свитера на пальцы и бросил сигарету на асфальт, как вдруг перед ним возник человек.

– Извините, вы... Курт Ванг?

Перед ним стоял молодой мужчина его возраста, с лицом, спрятанным под большим капюшоном парки.

– Да? – отозвался Курт и достал пачку сигарет из куртки, чтобы зажечь еще одну.

Откуда этот парень знает его имя?

Фанат?

Он улыбнулся, почувствовал, что это немного греет, хоть он давно уже решил, что ему дела нет до таких вещей.

Музыка прежде всего.

– Где ваш саксофон? – спросил мужчина и с любопытством выглянул из-под капюшона.

– Что вы имеете в виду? – улыбнулся Курт.

Очевидно, фанат. Курту, конечно же, не следовало обращать на такое внимание, но он заметил, как ему стало приятно. Его узнают на улице. Значит, все-таки кое-что он делал правильно. Нет, черт побери, он решился, он это чувствовал.

С него хватит.

– Он наверху, в репетиционной комнате, – сказал Курт, все еще улыбаясь. – Я не знаю, вы что, хотите автограф? Извините, но я сейчас немного занят, так что если...

– Все нормально. У меня есть то, что нам нужно, – сказали глаза из-под капюшона.

– В смысле?..

Дальше он не договорил.

Курт вдруг почувствовал что-то мокрое на лице.

– Не воспринимайте это на свой счет, – донесся издалека голос, который всего несколько секунд назад был рядом.

Но что за чертовщина?..

Курт ясно увидел свою сигарету, но она была уже не в его руке.

У нее появились крылья, и она летела на четвертый этаж. Все еще дымясь, она постучалась в окно и попала в кухню, где смешалась с фольгой и стала трубочкой из оригами, похожей на колибри, сидящую на дереве,

полном меда и наждачной бумаги, а затем она запела во весь голос.
Губами, говорящими по-португальски.

Мунк проснулся от телефонного звонка и не сразу понял, где находится. На мгновение ему показалось, что он снова в своем бывшем доме в Реа, но быстро понял, что это был сон. Он уснул в одежде дома на диване. Засиделся в офисе, и у него просто не осталось сил добраться до кровати. Часы на кухонной стене показывали пятнадцать минут восьмого. Значит, сколько часов он проспал? Три? Телефон замолчал и тут же зазвонил снова. На дисплее – Анетте Голи. Мунк сел, все еще в полусне, и нажал на зеленую кнопку.

– Проснулся?

– С трудом, – покашлял Мунк.

Он потянулся за пачкой сигарет на столе, но вспомнил, что пообещал самому себе.

Постараться не курить до завтрака.

Идею бросить курить он давно похоронил, но можно хотя бы немного ограничить себя.

– Я говорила с Вольфгангом Риттером. Он может принять вас сегодня, чем раньше, тем лучше.

Голос Анетте звучал так, словно она давно на ногах.

– Ок, – кивнул Мунк, протирая заспанные глаза.

– Я звонила Мии, она готова. Кстати, Миккельсон дал ответ.

– И что же?

– Нам дадут столько людей, сколько нужно. Удивительно, но он горячо откликнулся и готов нам дать все что угодно.

– Супер, – сказал Мунк, начав немного просыпаться. – Дай Карри людей, сколько ему нужно, чтобы прочесать ее дом. Пусть стучат во все двери. Я знаю, что от Крипоса ходили туда, но хочу, чтобы мы сами опросили всех еще раз, ладно?

– Будет сделано. И да, Лиллиан Лунд хочет поговорить с тобой, позвони ей.

– Хорошо. Ты в офисе?

– Да. Не была дома сегодня.

– Буду на месте позже, – сказал Мунк и положил трубку.

Полноватый следователь поднял руки вверх и потянулся. Диван оказался слишком жестким. У Мунка задеревенело все тело. Да он и не очень-то натренирован для такого. Надо было все же добраться до кровати,

а это типичная ошибка новичка. Новое дело, работаешь сутками, забываешь поспать, забываешь поесть, и ему стоило бы не забывать, что такие дела редко бывают спринтом, в основном, это марафон.

Он сходил в душ и едва успел надеть чистую одежду, как телефон снова зазвонил. Мунк удивился, увидев, кто звонит.

Мириам?

Он как отец автоматически заволновался. Тот жалкий темный страх где-то внутри, который будто бы не хотел исчезнуть насовсем.

Так рано?

Что-то случилось?

– Привет, Мириам, – улыбнулся Мунк. – Уже встала? Как дела?

Он терпеливо ждал ответа. Знал, что ей нужно время, чтобы подобрать нужные слова, чтобы правильно все произнести.

– В...все нормально, папа. А... а у тебя?

– У меня отлично, – сказал Мунк, все же потянувшись за сигаретой: ему нужно было за что-то ухватиться.

Он так ею гордился, и было больно слышать ее такой. Она так мужественно боролась с последствиями травм. Как же это на нее похоже, упрямая девочка, и, конечно, не подавала вида, как тяжело ей это дается. И, кроме того, было так приятно слышать, как она снова обращается к нему «папа». После стольких лет размолвки, в течение которых она почти не разговаривала с ним. Когда их взглядам изредка доводилось встретиться, ее глаза излучали ненависть. Все было настолько ужасно, что она уже практически решила запретить ему видеться с внучкой. Но теперь это время позади. Слава богу и хвала. Для него не могло быть большего счастья. Но слышать, как ей приходится бороться? Ему пришлось взять себя в руки.

– Получилось вчера позаниматься?

– П...приходил... физиотерапевт. Х...хороший прогресс, кажется. Н...немного тяжелые руки, но... н...ноги стали намного с...сильнее.

– Отлично. Прекрасно, Мириам. Очень рад это слышать. Марион у вас?

– С...спит, – заикаясь, ответила дочь.

Мунк слышал, какие она прилагает усилия, чтобы говорить. Вообще ему бы хотелось, чтобы дочь положила трубку и отдохнула, но было очевидно, что у нее что-то на сердце, поэтому он дал ей продолжить.

– Он...на сказала, что ты купишь ей л...лошадь.

– Да, я обещал, просто лошадка для ее куклы, – быстро сказал Мунк.

– Не...не нужно ее так б...баловать, ладно? Я п...пытаюсь воспитать

ее так, чтобы она не была такой... такой...

– Извини, – прервал ее Мунк, чтобы она не тратила сил впустую.

– Д...да, это важно...

– Конечно, Мириам. Я буду держать себя в руках, обещаю. Просто, ну, ты знаешь, я просто не могу сказать ей нет.

Мириам тихо рассмеялась. Это согрело Мунка. Он улыбнулся и закурил.

– Л...ладно, – продолжила дочь. – Н...но я не за этим звоню.

– А зачем?

На телефоне высветился новый вызов. Людвиг Гренли. К счастью, Мунк научился отклонять вызовы так, чтобы не отключиться от текущего разговора. Холгер Мунк был старой школы и завел себе смартфон только тогда, когда его заставили.

– Я... я решила выйти замуж, – произнесла Мириам спокойно. – Летом.

– Что-что?

– Я выхожу замуж, – сказала Мириам, на этот раз четче.

– Вот как? Это?..

Раньше Мириам была помолвлена с врачом из Сандефьорда, отцом Марион, внучки. Со стороны казалось, что у них хорошие отношения, но большего Мунк сказать не мог, они с тем парнем не особенно общались. Теперь эти двое разошлись, и Марион жила неделю здесь, неделю там. Поначалу Мунк заартачился, он не хотел, чтобы у малышки было два дома, но внучка ничего не имела против: «О, дедушка, у всех же два дома, ты разве не знал?»

Не по годам рассудительный шестилетний ребенок. Конечно, вся в мать.

«Нет, я этого не знал, Марион».

«Сейчас это совершенно обычное дело, дедушка, и поэтому у меня два дня рождения и в два раза больше подарков на Рождество, и так решил король».

«Вот как, да, значит это все добрый король?»

«Да, точно. Он живет в замке, и когда флаг поднят – это чтобы все видели, что он дома, а не на даче».

«Вот как? Как хитро».

«Да, король хитрый. У него нет работы, он только машет с балкона и здоровается с народом. Можно мне лошадку, дедушка?»

«Лошадку? Где ты будешь ее держать?»

«Не для меня, дедушка! Для Барби, у нее есть лошадиная одежда, но

нет лошадки, это же неправильно. Можно ей?»

«Конечно, само собой».

– Я не прошу твоего р...разрешения, папа. Я просто хочу поставить т...тебя в...в известность.

С травмами, угрожающими жизни, или без них, дочь по-прежнему была самой собой. Никто не может указывать ей, что делать.

– Конечно, – кашлянул Мунк. – Так, значит, кто?..

– В...вот поэтому я хотела сообщить. Я... я хочу, чтобы вы познакомились. Его зовут Зигги, и он делает меня очень счастливой.

Мунк услышал, что у дочери почти не осталось дыхания.

– Поздравляю, Мириам, жду не дождусь.

– Правда?

– Конечно. У тебя будет белое платье? Я смогу отвести тебя к алтарю?

Дочь слегка фыркнула.

– Посмотрим. М...мы думали отметить дома в саду.

– Я отведу тебя, где бы это ни было, Мириам, хорошо?

В трубке раздалась тишина.

– Спасибо, папа. Я... я очень это ценю, – тихо сказала дочь наконец.

– Отдохни немного, ладно?

– Ладно.

– Жду встречи с твоим Зигги. Зайду к вам как только смогу. Сейчас немного занят, но в течение пары дней, хорошо?

– Спасибо.

– Отдыхай, скоро увидимся.

– Ладно, папа. Пока.

– Пока, Мириам.

Мунк едва положил трубку, как телефон снова зазвонил.

– Ты дома?

– Да.

– Поедем вместе?

– Конечно, – ответил Мунк. – Ты приедешь ко мне?

– Десять минут, – сказала Миа и отключилась.

Тридцатишестилетней Саманте Берг снилось, что она выходит замуж. Все было так потрясающе, так невероятно радостно, что, проснувшись и обнаружив, что она дома и по-прежнему одинока, она решила принять еще одну таблетку снотворного. Закрывать глаза. Залезть обратно под теплое одеяло. *Вернуться назад. На белый пляж.*

Боже, как идеально все было. Именно так, как она себе представляла. Босиком на песке. Белое платье. Фата развевается на ветру. На фоне музыка. Арка из цветов, как в американских фильмах. А под ней стоит он. *Принц.* Саманта не была уверена, кем он был на этот раз, но он несколько напоминал Бреда Питта. Намного моложе, конечно, одетого с иголки, с голубыми глазами, сияющими в ожидании ее. С кольцом в руке. О, как они глядели на нее, все гости, восхищенными, завистливыми взглядами! Его семья и друзья по одну сторону. Ее семья и друзья – по другую сторону. Лайла Беккевог тоже была среди гостей, этот ужасный человек, ее старая школьная подруга, вечно выкладывавшая фотографии своей идеальной семейной жизни на «Фейсбуке» и при каждой встрече докучавшая Саманте рассказами о своем счастливом замужестве.

«Ты все еще одна, Саманта? Ох, бедняжка, должно быть, это ужасно, ведь ты всегда так хотела иметь мужа и детей. Да-да, ну, у тебя же есть кошка».

Остальные подруги в их компании были добрее, но Саманта все видела по их глазам.

Сострадание. Им было жаль ее.

О, почему же никак не наступит ее черед? Она ведь не так много просит от жизни?

Пожилой священник немного напоминал ее деда. У него был грубый голос, большая белая борода и улыбка, обращенная к вселенной.

«Саманта, согласна ли ты взять этого человека в мужа? Обещаешь ли ты любить его до конца дней своих, в горе и в радости, пока смерть не разлучит вас?»

Она хотела прокричать: «Да, да, да!» Но она, конечно же, сдержалась, только покраснела и кротко произнесла: «Да», – как это и подобает юной особе. Еле заметно соблазнительно подмигнула, когда он надел кольцо на ее тонкий пальчик. Закрывает глаза, когда он склонился к ней и поцеловал ее. О, как это было прекрасно! Тепло в теле, когда она ощутила объятья

сильных рук и его губы на своих губах.

Холод от плитки в ванной, когда она открыла шкафчик с лекарствами, чтобы достать белую коробочку со снотворным, ледяной холод под ногами пробудил ее. Сон прошел, она больше не найдет путь обратно, на тот пляж, как ни пытайся. Поэтому она убрала коробку назад и засемила на кухню, чтобы, как обычно, приготовить завтрак.

Она скучная?

Поэтому никто ее не хочет?

Она делала одно и то же каждый божий день, так и есть, но неужели это так плохо? Ей нравился режим. Так ей проще. Жить изо дня в день, имея план. Вставать по будильнику в полвосьмого. Идти в кухню и включать радио. Готовить завтрак, обычно хлебцы себе и тунец Ребекке, ее кошке. Затем в душ, и потом, хорошенько вытершись, она шла в спальню и одевалась. Не очень модно, но все же презентабельно. Она должна продавать платья, а не выходить замуж, поэтому важно сливаться с фоном. Не выделяться, чтобы не соперничать с клиентами, но тем не менее демонстрировать чувство вкуса и элегантность. Конечно, это нелегко, с маленьким бюджетом, которым она располагала, но ей это как-то удавалось. Никто уже давно не жаловался на ее внешний вид на работе, и она воспринимала это как хороший знак.

Магазин «Свадебные платья» на Принсенгате.

Там она работала.

Она слышала, как подружки шептались об этом на их последней встрече. Подходя к их столику с напитками из бара, Саманта увидела, что Лайла Беккевог подалась вперед и говорит с этой своей мерзкой улыбочкой:

– Работает в свадебном салоне, но так и не нашла себе мужа, разве это не ирония судьбы?

– Это правда, что он сидит?

– Кто?

– Тот, с которым она вроде бы была помолвлена?

– Господи, как же ей не везет.

Саманта Берг вышла на станции метро «Йернбанеторге» и задумалась, не открыть ли ей снова профиль на сайте знакомств. Она пробовала «Тиндер», но он был действительно не для нее. У нее было не так много мэтчей, а тем, что были, нужно было, скажем прямо, только одно.

Невезучая.

Может, она просто невезучая?

Саманта вставила ключ в дверь и отключила сигнализацию. Мир свадебных платьев. Она почувствовала, что любит свою работу, правда

любит. Что бы там ни думали подруги. Ей нравилось целыми днями ходить по прекрасному помещению в окружении всех этих красивых платьев. Значит, просто еще не пришел ее черед. Он настанет, обязательно настанет. Нужно только проявить терпение.

Может быть, на этот раз выложить какие-нибудь фотографии? Она сделала несколько селфи во Фрогнерпарке, однажды, когда выгуливала Ребекку, там не видно всего тела, и они получились неплохо. Главное – не сдаваться. *Тот, кто сдался, проиграл. Лучшее в дождливом дне – знать, что за облаками всегда светит солнце.* Разве не так?

Она улыбнулась самой себе, повесила пальто в задней комнатке и вышла в магазин, когда над дверью зазвенел колокольчик. Первый клиент сегодня. Молодая девушка со светлыми волосами под зеленой кепкой. Еще одна невеста. Саманта почувствовала, как обрадовалась одной только этой мысли.

– Добрый день, чем я могу вам помочь?

Девушка нервно взглянула на нее из-под козырька кепки.

– Я хотела купить, да, свадебное платье.

– Вы пришли по адресу. У вас есть какое-то конкретное пожелание?

Девушка стояла посреди магазина немного в растерянности.

Так всегда бывает.

Такой огромный выбор. Конечно, это трудно. Для нее самой было бы тоже непросто.

– Примерно на десять тысяч? – спросила девушка.

Саманта снова улыбнулась. Обычно начинали не с цены, но она, безусловно, поняла ее. Она видела достаточно склоненных голов и разочарованных лиц по пути обратно в примерочную, после того как девушки узнавали, сколько стоит платье их мечты.

– Этого хватит на многое. Вы хотели бы какой-то особый дизайн? Классика? Или более современный? У нас есть новые модели от Rosa Clara, лично я считаю, что они потрясающие. Традиционные и в то же время интересные, очень чистые линии. Я всегда говорила – и по-прежнему так считаю, – что самые красивые свадебные платья делают испанцы. Вы бы хотели что-то подобное?

Саманта проводила девушку к секции Rosa Clara и сняла одно платье с вешалки.

– Вот это мне очень нравится. Оно...

– Да, красивое. Я беру его.

Девушка в зеленой кепке кратко кивнула и стала смотреть в окно.

Что у нее с волосами?

Они странно выглядят.

– В смысле? Вы не хотите его примерить?

– Нет, в этом нет необходимости.

Это парик?

– Вы уверены? Я хочу сказать, ведь важно, чтобы...

– Я его беру, – повторила девушка. – Сколько?

– Оно стоит восемь тысяч четыреста, и еще мы берем тысячу шестьсот за услуги портного. Может показаться, что это дорого, но важно, чтобы платье сидело безупречно в такой важный день, вы не согласны?

– Я беру его.

– Ну что ж, – кашлянула Саманта. – Думаю, оно вам подойдет. Лучше всего, конечно, было бы примерить, примерочная вон там, я с удовольствием вам помогу.

– Сколько, вы сказали?

Девушка в парике уже стояла у кассы.

– Восемь тысяч четыреста. Но, как я уже сказала...

– Вы принимаете нал?

– Что?

– Наличные?

Девушка посмотрела прямо на нее. Саманта видела здесь много глаз. Глаза, светившиеся радостью и ожиданием, но такого взгляда, как этот, она никогда не видела.

Эта девушка казалась испуганной.

– Тогда мне просто положить его в пакет как есть?

– Да, хорошо, – сказала девушка и засунула руку в сумку.

Она достала конверт с наличными. Отсчитала деньги трясущимися руками и положила их на прилавок.

– Мне указать имя?

– Нет, – ответила девушка.

– Я имею в виду, для кого?..

– Все нормально, – сказала девушка и взяла большой белый пакет.

– Обязательно приходите, если что-то потребуется, ладно? Как я уже говорила, мы ушиваем и подшиваем.

Тут Саманта замолчала, потому что поняла, что говорила самой себе. Девушка в зеленой кепке уже вышла из магазина.

Саманта покачала головой, отправилась в заднюю комнатку и налила себе кофе.

Сделать это сейчас? Создать новый профиль на сайте?

Вообще, это было запрещено, тут строго с этим, в рабочее время ни

телефона, ни компьютера, но она же только что продала платье.

Уже в четверть одиннадцатого? От Rosa Clara? Меньше чем за час?

Ну и ну, что бы это могло значить?

Саманта достала из сумки телефон, вернулась к прилавку, слегка улыбнулась и начала думать о том, как назвать себя на этот раз.

Психиатрическая клиника Блэкстад. Желтое сооружение в полчасе езды от города. Вокруг деревья и парк, большой пруд. Как-то давно, еще в прошлой жизни, Миа сидела в баре «Лорри» и невольно подслушала разговор за столиком рядом:

– Почему чокнутые всегда получают лучший вид из окна? Я хочу сказать, куда ни приедешь, везде одно и то же. Берген. Тронхейм. Здесь, в Осло. Лучшие места. Разве им не насрать? Для них все кончено. Взаперти. Не играет роли, где они. Представь себе, что бы мы могли сделать с этими участками?

Миа вылезла из машины и, следуя за Мунком к большому основательному зданию, не могла не подумать о том, что они правы. Психиатрическая клиника Блэкстад находилась в месте, достойном резиденции короля.

– Главврач здесь, да еще вдобавок частная практика в Осло? – спросил Мунк, выбросив сигарету.

Миа полезла в карман за новой пастилкой.

– Разве это необычно?

– Может быть, и нет, – пробормотал Мунк.

– Вивиан здесь лечилась? – спросила Миа, когда они приблизились к монументальному зданию.

– Насколько я понял, нет. Его частный клиент. Как думаешь, сколько зарабатывают эти ребята?

– В смысле?

– Им платит государство. Начальникам таких мест, как это. Да еще и частная практика. Это вообще законно? Ну, то есть, очевидно, что да, но тем не менее?

Он покачал головой и сунул руку в пальто за новой сигаретой. На полпути передумал и убрал ее обратно в карман. Медсестра с тугим хвостом на голове и бейджиком на шее впустила их в здание.

Миа представляла себе классического немецкого рослого психиатра с бородой, в очках, твидовом пиджаке и с трубкой, но Вольфганг Риттер вовсе не соответствовал своему имени. Мужчина по другую сторону стола оказался тощим, женоподобным и говорил так тихо, что Мии пришлось придвинуться ближе, чтобы все слышать. Психиатр был одет в коричневый свитер поло, которому на вид было лет тридцать. Остальная одежда и

комната в целом говорили о том, что этого человека больше заботит духовное, нежели материальное. Лава-лампа на одном из подоконников светилась розовым, а настенные часы несли на себе явный отпечаток семидесятых, и на самом деле это было единственное, что вызывало ассоциации с прозвищем Доктор ЛСД.

– Трагедия, настоящая трагедия, – тихо произнес Риттер. – Вивиан была принцессой. Действительно уникальной.

– Соболезную, – сказал Мунк.

– Я полагаю, мама в горе? – спросил Риттер и надвинул стальную оправу очков выше на нос.

Станный вопрос, но Миа не стала отвечать.

– Извините, если я перейду сразу к делу, у нас много работы, – сказала Миа. – Какой именно диагноз был у Вивиан Берг?

– Диагнозы, болезнь, норма, что есть что? – промолвил Риттер и откинулся назад. – Мы прежде всего люди, разве не так? У некоторых чуть больше багажа за плечами, конечно, но нужно ли клеить ярлыки?

Мунк искоса взглянул на Мию, и она прекрасно его поняла. Риттер словно пребывал на другой планете.

– «Зелдокс» и «Золофт», – сказал Мунк, вытащив бумажку из кармана. – Они же помогают от чего-то? Это вы их ей посоветовали?

Мунк пододвинул ему бумажку через заваленный стол. Риттер приподнялся, взялся за очки и бросил быстрый взгляд на бумажку, затем пожал плечами и упал обратно в кресло.

– Нам всем нужна помощь. Не так ли? Диабетику необходим инсулин. Ребенку – таблетки с фтором, этого природа им не дала, верно?

– Мне кажется, вы нас неправильно поняли, – спокойно сказала Миа. – Мы не стремимся ни на кого клеить ярлыки. Мы только пытаемся составить картину личности Вивиан. Двдцатидвухлетняя девушка не принимает тяжелые лекарства ради развлечения, не правда ли?

Вольфганг Риттер затих на секунду, рассматривая их обоих из-за стекол очков.

– У Вивиан Берг было то, что мы называем диссоциативным расстройством личности, – наконец сказал он. – Привнесенное ее матерью, которая была не в состоянии заботиться о ней. Все началось еще в детстве, душевная тяга исчезнуть в ином сознании, потому что к реальности вокруг было трудно приспособиться. Вы это имели в виду? Это хотели услышать?

Он едва заметно покачал головой и надменно взглянул на Мию, как бы говоря: «Я знаю свою работу, если вас это интересовало».

– Диссоциативное?.. – переспросил Мунк.

– Расстройство личности. Его часто путают с шизофренией, и это приводит к тому, что многие пациенты получают неверное лечение. Не в нашем случае, естественно. Я предпочитаю думать, что знаю, что делаю. Вивиан становилось все лучше и лучше. С каждым посещением. И, конечно, это трагедия, что она так и не испытает, каково это – быть полностью здоровой.

– Она лежала в этой клинике? – спросил Мунк.

– Нет, в Блэкстаде – нет. Она была моей частной пациенткой.

– Несколько личностей? – с любопытством спросила Миа.

– Да, именно поэтому эти диагнозы так часто путают. Они очень похожи. Симптомы зачастую могут быть одинаковыми. Сниженный контроль импульсов, эмоциональная нестабильность, нанесение себе увечий, дереализация.

– Дереа... что?

– Потеря способности оценивать реальность, – улыбнулся Риттер.

Мунк бросил взгляд на Мию.

– Проблемы с осознанием того, что действительно происходит вокруг нее?

– Верно. Естественно, часто это приводит к трудностям в приспособлении к реальному миру. К работе, друзьям, семье.

– Значит, она думала, что она другой человек? – спросила Миа.

Риттер кивнул.

– Кто?

Риттер чуть помедлил.

– Послушайте, я знаю, что вам дали разрешение на доступ к ее карте, но это все равно как-то... – он снял очки, – ...не совсем этично с моей стороны, понимаете?

– Значит, для вас будет лучше, если мы попросим кого-то прийти сюда и добыть информацию из вашего компьютера?

Миа немного пожалела о своем жестком тоне, но она устала и почувствовала, что у нее нет времени на любезности.

– Конечно же, нет. Но тем не менее...

– Мы понимаем, – вмешался Мунк. – Но вы бы очень нам помогли, если бы...

– Взрослый мужчина, – тихо сказал Риттер.

– Что?

– Вивиан иногда думала, что она взрослый мужчина.

– Почему мужчина? – спросил Мунк.

– Это вы мне скажите, – пожал плечами Риттер.

В кабинете повисла тишина.

– Ей нужен был кто-то, кого она считала сильнее себя, – наконец произнесла Миа.

Она заметила реакцию Риттера – он не ожидал такого ответа.

– Это может быть одним из объяснений, – сказал психиатр, засунув дужку очков в рот. – Считают, что диссоциативные феномены возникают как защитная реакция, во время или чаще после травматичных переживаний. Полагают, что важнейшим этиологическим фактором является серьезное и постоянное сексуальное или физическое насилие. Чем раньше в жизни оно случилось, тем жестче проявятся симптомы.

– Значит, Вивиан подвергалась насилию? – спросил Мунк.

– Нет, этого я не говорил.

– Тогда почему у нее было это?..

Мунк повернулся к Мии.

– Диссоциативное расстройство личности, – подсказала она, немного растягивая слова.

Риттер заставил ее помериться силами, и ей бы не хотелось вести себя так по-детски и опускаться до этого, но в его взгляде было что-то чопорное, и она просто не смогла сдержаться.

– Ее не насильовали. Она получила это по ассоциации, – сказала она коротко.

– Что ты имеешь в виду?

– Реймонд Грегер, – продолжила Миа.

– И? – сказал сбитый с толку Мунк.

– Я бы предположила, что Каролине Берг подверглась чему-то подобному от своего полубрата и что она втянула дочь в эту трагедию. Так часто бывает, правда, доктор? Мать-одиночка и дочь. Неверное распределение ролей. Тот, кто должен о тебе заботиться, не выполняет свою работу.

Если Риттер и был впечатлен, он этого не показал, однако Миа заметила, что он сменил тон.

– Вивиан Берг не подвергалась насилию, нет, – он откашлялся. – Но она выросла в беспокойной среде, где ощущала себя жертвой. Так случается чаще, чем мы думаем. Маленький ребенок с уважением относится к своим родителям, хотя мы этого вообще-то не заслуживаем. Крохотная, хрупкая душа, которая, если за ней не следить, легко может найти себе место, где можно спрятаться и чувствовать себя в безопасности. Обычно я говорю, что именно поэтому и не верю ни в каких богов. Если бы они существовали, они бы, скорее всего, создали такую расу, которой бы не

требовалась помощь на протяжении первых двадцати лет и которую было бы не так легко ранить, вам так не кажется? Человечество? Мы слабые животные, разве нет?

– Значит, человек с таким диагнозом прячется в собственной голове? – спросил Мунк.

– Прячется. Исчезает. Ищет помощь, – улыбнулся Риттер.

– Но, – сказал Мунк, – если она была серьезно больна, почему ее не положили в больницу?

– Конечно, мы говорили об этом. Но для нее было важно танцевать. Пока она часто посещала меня, мы могли держать ее болезнь под контролем.

– Она шла на поправку?

– Без сомнений. В чем-то помогали таблетки, но важнее всего была, конечно, дистанция.

– Дистанция? – переспросил Мунк, но тут же догадался, о чем речь. – От матери?

– Да, – кивнул психиатр. – Физическая дистанция – это, конечно, еще не все, но она важнее, чем многие полагают.

– Она знала об этом? – спросила Миа.

– Что вы имеете в виду?

– Вивиан. Когда пришла к вам. Она осознавала, что больна?

– Отчасти. Вообще, она пришла, чтобы справиться с симптомами, но обычно все так и начинается.

– Какими симптомами?

– Расстройство пищеварения, прежде всего, но это очень часто бывает с людьми ее профессии, поэтому прошло некоторое время, прежде чем я понял, в чем действительно дело.

Миа уловила гордость в его голосе.

– У вас много пациентов с такой проблемой?

– К сожалению, о других пациентах я говорить не могу, – сказал Риттер с улыбкой и снова с этим слегка надменным взглядом.

– Я не имела в виду конкретно, я только...

– Как я уже сказал. Та бумага, которую вам подписали, дает вам доступ только к данным Вивиан.

– Она много говорила о своей матери? – спросил Мунк.

– Поначалу – нет. Но постепенно – да, разумеется. Это было необходимо. Да, для нее это было болезненно. Она любила свою мать больше всего на свете. Это сложно, не правда ли? Увидеть, что именно этот человек нанес тебе больше всего вреда?

– Она когда-нибудь называла имя Реймонда Грегера?
– О да, несколько раз.
– Как именно?
– С гневом, отчаянием, она ведь знала все, что рассказала мать. Она даже хотела его убить.
– Убить?
– О да, конечно, я советую это всем моим пациентам.
– Что вы имеете в виду? – спросил Мунк, бросив взгляд на Мию.
– Само собой, не буквально, – улыбнулся Риттер и снова снял очки, – но это важная часть моей терапии.
– Убийство?
Риттер издал смешок.
– Хороший способ избавиться от животного, с которым мы не можем покончить внутри себя, как вы считаете? Если вы меня спросите, я скажу, что имел большой успех именно в этом методе.
– Могу я спросить, как это происходит? – поинтересовался Мунк.
– Убийство?
– Да.
Риттер опять улыбнулся.
– Ну, по-разному. Иногда мы разыгрываем по ролям. Иногда пациенты расписывают убийство на бумаге. Кто-то рисует. Все зависит от того, что подойдет конкретному человеку.
– А что сделала Вивиан? – спросила Миа.
На мгновение Риттер замолчал.
– Слушайте, мы так далеко не зашли, но были на пороге. Она планировала танец.
– Танец... смерти? – спросил Мунк, сморщив нос.
– Вы ведь не видели, как она танцует?
– Нет.
– А вы? – спросила Миа.
– О да, много раз. Она была, как бы это выразиться? Совершенно особенной. Возвышенной. Это действительно потеря для мира, что ее больше нет. Она могла достичь всего, что пожелает. Видеть ее на сцене было... нет, это невозможно описать словами.
Мунк снова бросил взгляд на Мию, и она опять отлично поняла, что он имеет в виду.
Лежавший на столе телефон уже некоторое время вибрировал. Риттер надел очки и взглянул на него.
– Я прошу простить меня, но мы должны закругляться. Некоторые мои

пациенты не могут ждать слишком долго, если вы понимаете.

– Спасибо, – сказал Мунк и поднялся. – Вы пришлете нам все, что у вас есть, в письменном виде?

– Мой секретарь позаботится об этом, – сказал Риттер и подал руку им обоим. – Позвоните ей, если понадобится что-то еще.

– ...Что думаешь? – сказал Мунк, когда они оказались на парковке.

– Теперь все чуть лучше встает на свои места, правда? – сказала Миа, доставая новую пастилку из кармана.

Мунк зажег сигарету, когда закапал дождь, ох уж эта весна в Осло, ну никак не начнется.

– Реймонд Греггер?

– Мы должны найти его, – кивнула Миа.

– Согласен. Позвоню в Ларвик, попрошу их задействовать больше людей. Хочешь есть?

– Я бы перекусила.

– Хорошо. Плохо думается на пустой желудок. По бургеру?

– Может быть, что-то более полезное?

– Хм, он видел, как она танцует?

– Знаю, – сказала Миа.

– У тебя тоже возникло такое чувство?

– Да. Приставим к нему хвост?

– Давай прощупаем это, – сказал Мунк и пошел к машине.

В этот момент у него зазвонил телефон. Миа все увидела по его лицу задолго до того, как он положил трубку.

– Где?

– Отель в Гамлебюене.

– Есть связь? – спросила Миа, быстро открыв дверь в машину.

Мунк не ответил. Только кивнул, помрачнев, и быстро сел за руль.

Отель «Лундберг» располагался в конце переулка в Гамлебюене, ближайшим его соседом были железнодорожные рельсы, и его едва ли можно было назвать отелем. На старой неоновой вывеске светилась одна лишь буква «О», а на двери была приклеена бумажка с надписью от руки: «только наличные». Все это ясно говорило о том, кто имел обыкновение останавливаться в этом обветшалом здании. Патрульные уже перегородили узкую улочку, и Миа заметила, что СМИ стоят наготове: множество ретивых муравьев толпились за ограждением. Они с Мунком вошли в ржавую дверь, где на обшарпанном ресепшене их встретила слегка нервная Анетте Голи.

– Уже известно, кто он? – спросил Мунк, расстегивая пуговицы пальто.

– По документам – Курт Ванг. Кто-то утверждает, что он джазовый музыкант, но мы сейчас проверяем.

– Кто нашел его? – поинтересовалась Миа.

– Ресепшионист, – сказала Анетте, кивнув на заднюю комнатку, где виднелся силуэт пожилого мужчины с чашкой кофе в дрожащих руках.

– Постояльцев много?

– Нет, – ответила Голи. – Торчок в третьем номере и девушка из Боснии, отрицающая, что она проститутка, в пятом.

– Они еще тут? – спросил Мунк.

– Пока мы держим обоих в их номерах.

– Сколько всего номеров? – спросила Миа.

– Десять. Наша жертва в девятом, – сказала Анетте и пошла впереди них по коридору.

Их кивком встретил криминалист и дал каждому по паре голубых пластиковых перчаток.

– А на ноги? – спросил Мунк, указав на свои ботинки.

– Нет необходимости, – пробурчал эксперт и вышел из помещения.

Переступив порог номера, они поняли, что он имел в виду. Пол переживал не лучшие времена, и еще несколько отпечатков ног на полусгнившем ковре не сыграли бы большой роли.

– Вы дадите нам минутку? – сказала Анетте.

Трое криминалистов вышли из комнаты.

– Твою мать, – сказал Мунк, когда они шагнули в комнату и увидели лежавшее на кровати тело.

– Такой же фотоаппарат, – сказала Голи, кивнув на камеру на штативе. – Nikon E300. Думаешь, это имеет значение?

Последний вопрос был адресован Мии, но она не слушала. Давно она не бывала на месте преступления. Она уже почти забыла, каково это. В последние годы она пряталась за фотографии. Использовала их в качестве защиты, но не в этот раз. Она почувствовала, как к ней подбирается она.

Тьма.

– Телефон на столе, – сказала Анетте, словно откуда-то издалека, – принадлежит убитому, запрограммирован с помощью Spotify играть одну и ту же песню снова и снова, на это и среагировал ресепшионист. Очевидно, тут тонкие стены.

– Какую песню?

Теперь голос Мунка прозвучал издалека, будто из тумана.

– Джон Колтрейн. «My Funny Valentine».^[7]

Миа взяла себя в руки. Нашла в кармане куртки пастилку и использовала ее так, как всегда это делала, – в качестве отвлекающего маневра. Трюк, которому научил ее психолог. «Вкус соли на языке. Защищает тебя. Символизирует что-то хорошее. Что-то красивое. Вы чувствуете, Миа? Получается?»

– «My Funny Valentine»? – переспросил Мунк.

– Да, – сказала Анетте. – Это что-то значит?

– Естественно, – кашлянула Миа. – Все, что он делает, что-то значит. Здесь нет ничего случайного.

– Значит, надпись вон там свежая?

Голи указала на надпись черным фломастером на обоях в цветочек над кроватью.

LOOK WHAT I CAN DO.

«Смотри, что я умею».

– Без сомнений, – сказала Миа, овладев собой.

Поначалу она едва взглянула на кровать, боясь того, как увиденное подействует на нее, но теперь позволила взгляду остановиться на безжизненном теле.

Молодой мужчина.

Где-то двадцать четыре-двадцать пять.

Рядом лежал саксофон.

На мужчине ботинки и куртка.

Глаза открыты.

Во взгляде страх.

Пальцы рук сжаты.

Словно он хотел защититься, но не смог.

– Как ты думаешь, что она означает? – пробормотала Анетте. –
Надпись?

– Это из «Бэмби», – сказала Миа и подошла к фотоаппарату, стоявшему на треноге штатива, направленному на посиневшего парня на кровати.

– Откуда? – неуверенно переспросил Мунк.

– «Бэмби», – сказала Миа, приложившись к глазку объектива. – Это кролик говорит. Тот, который поскользнулся на льду.

– Но это же может...

Голос Мунка снова исчез вдалеке.

Она почувствовала, как к ней подбирается предчувствие того же, что было в лаборатории криминалиста, но сумела отбросить его. Цифра, процарапанная на объективе. Это могло быть случайностью, не так ли? Она могла быть там и раньше? Старый, выдавший виды объектив. Это ведь необязательно что-то значит?

Миа полезла за новой пастилкой, когда ее глаза нашли то, что она искала, но предпочла бы не видеть.

Новая цифра.

«7».

– Такие же раны вокруг рта, – сказал Мунк, показав пальцем в перчатке. – Грудь осматривали? Там есть след от укола?

– Я подумала, что стоит подождать судмедэкспертов, – сказала Анетте, все еще словно из тумана. – Они в пути. Только что говорила с Лунд.

– Новая цифра, – пробормотала Миа, взяв себя в руки.

Двое следователей взглянули на нее.

– На объективе? – сказал Мунк, подходя к ней.

Миа кивнула.

– Черт, – сказал Мунк из-за фотоаппарата. – Семь. Четыре? Семь? Что это, черт подери, обозначает? Что думаешь, Миа?

Грязный пол пришел в движение, смешавшись с поблекшими цветами на обоях, отчего у Мии закружилась голова.

– Я не уверена, – сказала Миа, прикусив губу.

– Ты в порядке?

– Что?

Анетте с Мунком посмотрели на нее. Она увидела их встревоженные глаза где-то в дымке.

– Мне нужно немного подумать, – сказала Миа и пошла к выходу. –
Поговорите с ресепшионистом?

- Что? А, да-да, конечно. Ты убегаешь?
- Мне только нужно чуть-чуть разложить все по полочкам, – пробормотала Миа, снимая перчатки.
- Делай то, что считаешь нужным, – сказал Мунк.
- Он нахмурился и вернулся к кровати с лежавшим парнем.
- Телефон играл эту песню на репите?
- Да, – кивнула Голи.
- Я позвоню, – буркнула Миа и вышла на свежий воздух.

– Что будем делать? – спросила Анетте, когда Миа покинула комнату.

– О чем ты? О прессе?

Один из криминалистов просунул голову в дверь, но Мунк попросил его подождать.

– Да, – ответила Голи. – Один – одно дело. Двое – совершенно другое. Думаю, мы вынуждены сообщить.

– Собери пресс-конференцию, – вздохнул Мунк. – Мы ничего не скажем о возможной связи между преступлениями. Еще рано. В интересах следствия, бла-бла-бла, ты все это умеешь делать.

– А Миккельсон?

– Он уже спрашивал?

– А ты как думаешь, – вздохнула Анетте, и тут телефон в ее кармане снова завибрировал. – Как обычно. По нашему мнению, серийный ли это убийца? Готов ли Мунк к этому так сразу? Все ли в порядке у Мии в ментальном плане?

– Опять? Когда же он угомонится?

– Ты знаешь, что она лежала в клинике? – тихо сказала Анетте. – Чтобы избавиться от зависимости?

– Я знаю, что она чувствует себя лучше и выглядит чертовски здоровой, да. Что за избавление от зависимости?

– Клиника Виткофф в Ярене. Она легла туда сразу после Нового года и провела там месяц.

– Вот как? Хорошо. И что теперь?

Мунк почувствовал раздражение. Всегда одно и то же. Миккельсон. Когда Миа раскрывала для него дела и благодаря ей он представал героем в СМИ, тогда никаких вопросов не возникало. А он? Он что, больше не способен делать свою работу?

– Нет, ну, я не знаю, – продолжила Анетте. – Ты же видел ее только что. Может быть, ей все же не стоило здесь находиться?

– Миа справится, – прорычал Мунк, и ему резко захотелось покурить.

– А ты? – по-дружески спросила Анетте.

– Я? А что я?

– Все поймут, если для тебя это чересчур, Холгер. Два убийства за короткое время. И не так много времени прошло с тех пор, как с Мириам случилось...

– Ты вообще на чьей стороне?

– Конечно, на твоей, Холгер, я только хотела...

– У меня все хорошо. У Мии тоже. Можешь передать Миккельсону, чтобы он закрыл свой рот, если не может помочь ничем конструктивным. У нас тут полно работы. Соберешь пресс-конференцию?

– Конечно, Холгер.

Нетерпеливый криминалист снова просунул голову в дверь, и на этот раз Мунк махнул ему, чтобы тот заходил. Стряхнув с себя раздражение и выкурив сигарету под мигающей буквой «О» на улице, Мунк вошел обратно в комнату за стойкой ресепшена.

– Сколько мне еще тут сидеть? – спросил пожилой мужчина.

Было видно, что труп произвел на него ужасное впечатление.

– Холгер Мунк, отдел по расследованию убийств, – сказал Мунк, протянув ему руку.

– Джим, – пробормотал пожилой мужчина. – Джим Мюре. Прошу прощения.

Седой жиденький хвостик и круглые очки. Взгляд, который Мунк видел раньше, много раз. Легкая нервозность рядом с властями. Ничего странного, конечно. Если этот человек владел и управлял отелем «Лундгрэн», вероятно, за много лет ему пришлось иметь достаточно дел с полицией.

– Все в порядке, Джим, – сказал Мунк. – Я вижу, что вы устали. Вы дежурили всю ночь?

– А как еще заработать денег? Черт возьми, я не могу никого нанять. Еле концы с концами свожу.

– Понимаю. Значит, это вы приняли Курта Ванга?

– Кого? – переспросил Мюре.

– Молодого человека из девятого номера. Вы не записываете имен ваших гостей?

– Только наличные, – пробурчал Мюре и потер глаза. – Мне нет дела до их имен, пока они платят.

– Когда он появился?

Мюре чуть подумал.

– Поздно. Наверное, около одиннадцати.

– Он пришел один?

– Да.

– И больше никого, скажем так, до него или после?

– В каком смысле?

– За ним никто не последовал?

– Нет, – сказал Мюре, трясущимися руками поставив чашку на стол.
– И как он вам показался?
– В смысле?
– О чем вы говорили?
– Говорили?
– Да. Как прошел разговор? «Здравствуйте, мне нужен номер»?
– А, это, – сказал Мюре, чуть покашляв. – Я не знаю. Он вошел. С деньгами в руке. Я не очень помню, что он сказал.
– Попробуйте.
– Мне нужна комната, что-то такое. Ну, то есть, ничего необычного. Кроме того, что он выглядел так, словно был под приходом, но мы тут к этому привыкли. Я знаю, что у нас тут не «Гранд Отель», но надо быть благодарными за то, что имеем.
– Под приходом?
– Круглые, как шары, глаза, – сказал Мюре и сделал попытку поднять чашку со стола, но не сумел. – Прилично под кайфом, скажу я вам, но, как я сказал, привередничать мы не можем себе позволить.
– А саксофон?
– Что?
– Он был у него в футляре, или как?
– Какой еще саксофон? У него ничего с собой не было.
– Ни рюкзака, ни сумки, ничего такого?
Мюре покачал головой.
– Неа. Только деньги в руке.
– Так что случилось? Почему вы вошли к нему в номер?
– Я так никогда не делаю, но блин, одна и та же песня на повторе?!
Всю ночь?! Здесь все так слышно. Этот звук свел меня с ума, черт подери.
– И вы просто вошли в номер?
– Нет, конечно, я постучал, несколько раз. И в конце концов дверь сама приоткрылась, я, вообще-то, не собирался входить.
Мюре отвлекся на секунду, сумел-таки с трудом поднести чашку ко рту. Было очевидно, что увиденное стало для него шоком.
– А он не говорил ни с кем из других постояльцев? Никто не заходил к нему и не выходил?
– Нет. Или да...
Он почесал темя.
– С кем?
– Я не сразу сообразил, но, если подумать...
– Что же? – нетерпеливо спросил Мунк.

– Тот парень из клининговой фирмы.

– Так?

– У нас договор с вьетнамцами, – пробормотал Мюре. – И обычно они присылают, да, как там это говорится, во всяком случае, не молодых белых людей, если вы понимаете.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, для нас это почти бесплатно, они находят дешевую рабочую силу, разве это не так обычно устроено? – сказал Мюре, поморщив нос.

– Но в этот раз это был молодой парень? Этнический норвежец?

– Белый, да. На самом деле я не придавал этому значения. Какая разница, как они выглядят, понимаете, мне дела до этого нет.

– И этот человек говорил с Куртом Вангом?

– Да, я видел их в коридоре.

– И что было?

– Вашу мать, ну, я там недолго стоял, увидел только, что они разговаривали, вот и все.

– Это ваша постоянная клининговая фирма?

– Да-да, мы очень довольны, дешево и качественно. Я иногда разрешаю некоторым из них пожить тут, у нас такая договоренность, вы же не из налоговой, да?

– Нет. Вы знаете, как называется фирма? У вас есть ее адрес?

– Да-да, – сказал Мюре, снова поставив чашку.

Он поднялся, подошел к висящей за столом переполненной пробковой доске и вернулся с визиткой.

– Клининговая служба Сагене?

Мюре кивнул.

– Семья вьетнамцев. Очень хорошие люди. А мы, да, я уже говорил, помогаем рабочим с ночлегом иногда.

Он прервался и посмотрел вдаль.

– Меня не интересует, селите ли вы у себя незаконных мигрантов.

– Нет-нет, мы...

– Я уже сказал, это не играет никакой роли. Этого молодого человека вы раньше не видели?

– Нет.

– Но он был из фирмы?

– Да-да. Пришел со всем снаряжением. Правда, очень плохо сделал свою работу.

– В каком смысле?

– Да он, сволочь, даже ничего и не вымыл. Сказал какую-то отговорку,

что ему нужно что-то принести, и больше я его не видел.

– Но он говорил с Вангом? С человеком из девятого номера?

– Точно, – сказал Мюре и захлопал глазами. – Можно я теперь пойду?

Не спал со вчерашнего вечера.

– Полагаю, вам придется проехать с нами в участок.

– Сейчас? – вздохнул Мюре.

– Да, – сказал Мунк и вышел обратно на ресепшен.

Анетте Голи только что закончила говорить по телефону и подошла к нему.

– Попроси кого-нибудь доставить этого парня в участок. Подробные показания с подписью, хорошо?

– Ок, – кивнула Голи и подозвала к себе одного из полицейских у двери. – Ты поедешь дальше?

– В Сагене, – кивнул Мунк и засунул визитку в карман пальто.

– Позже встретимся в офисе?

– Да.

– Ок, – сказала Голи, и у нее снова зазвонил телефон.

Клининговая служба Сагене, как и следовало из названия, была расположена недалеко от церкви Сагене, в хорошо знакомом Мунку районе. Давным-давно они жили здесь с Марианне. Квартира в сорок квадратных метров с крошечной спальней и ванной на кухне. Тогда он только начинал карьеру следователя. Она еще училась на преподавателя. Денег было мало, но жили они очень хорошо. Мунк ощутил небольшой прилив сладкой ностальгии, надел улыбку, выбросил окурочек и вошел в стеклянную дверь маленького помещения.

Прачечная и клининговая фирма. Небольшая стойка ресепшена, за которой висят ряды одежды. Улыбающаяся пожилая женщина встала, когда он вошел.

– Добро пожаловать в нашу прачечную, – сказала вьетнамская женщина и достала ручку из-за уха. – Сегодня специальное предложение на рубашки, три по цене одной, и бесплатно, если чистите костюм, а если два костюма, то еще одна бесплатно.

– Полицейский участок Осло, – сказал Мунк и показал ей свое удостоверение. – Вы владелец фирмы?

Женщина надела очки, висевшие на шнурке на шее, и испытующе на него посмотрела.

– Что-то случилось?

– Нет-нет, – слегка улыбнулся Мунк. – Все в порядке, я хочу только задать пару вопросов по поводу одного из ваших сотрудников. Вы отвечаете за это или кто?

– Подождите секунду, – сказала она и исчезла за рядами с одеждой.

Она вернулась в сопровождении молодого, хорошо одетого мужчины примерно лет двадцати пяти.

– Дин Нгуйен, – вежливо представился тот и протянул руку. – Чем могу вам помочь?

– Вы здесь владелец?

– Директор.

Брюки цвета хаки со стрелками. Белая рубашка под черным свитером. Красивые ухоженные руки с золотыми часами на запястье. У Мунка возникло чувство, что ему место скорее в каталоге одежды, а не за прилавком прачечной. Его вид говорил о том, что у Клининговой службы Сагене дела шли неплохо.

– Я ищу информацию об одном из ваших сотрудников.

– Вот как? – с любопытством откликнулся Нгуйен. – О ком именно?

– О том, кто вчера убирал в отеле «Лундгрэн». Этнический норвежец.

– «Лундгрэн»? Вчера от нас там никого не было, насколько я знаю. Этнический норвежец? Вы имеете в виду, белый?

– Да, говорят, что он белый. Вы знаете, кто может подойти под это описание?

– Нет, к сожалению, у нас семейное предприятие, наши сотрудники – в основном тети и дяди и племянники с племянницами, – сказал Нгуйен, улыбнувшись.

– И никого со стороны?

– Нет, мы...

Его перебила женщина. За этим последовал короткий диалог на, как предположил Мунк, вьетнамском.

– Ах, да, конечно, – сказал он, снова повернувшись к Мунку. – Извините, это может быть один из наших разовых работников.

– Разовых работников?

– Мы стараемся помогать, чем можем, – сказал вьетнамец и кивнул на ряд стульев у окна. – Мы не можем принять всех на постоянную работу, но бывает, что к нам приходят люди в поисках какой-нибудь подработки.

– И она у вас есть?

– Конечно, случается.

– У вас и прачечная, и клининг?

Нгуйен кивнул.

– А как все происходит с этими разовыми работниками?

– Они заходят, садятся и ждут, и если у нас оказалось свободное задание, они его получают.

– Работа уборщика, или...?

– Да, в прачечной людей хватает.

Пожилая женщина снова что-то сказала, но на этот раз Нгуйен проигнорировал ее.

– А кто они?

– Разовые работники?

Нгуйен чуть замялся. Мунк, естественно, понял, почему. Как и в отеле, молодой человек боялся, что Мунк может оказаться из трудовой инспекции или налоговой.

– Как я уже говорил...

– Слушайте, – сказал Мунк, почесав бороду. – Меня не волнует, кто они, ладно? Есть ли у них вид на жительство, платят ли они налоги.

Легальностью пусть другие занимаются.

Нгуйен взглянул на него из-под уложенной челки и наконец сдался.

– Да, у нас много мигрантов. В этой стране сложно найти работу. Даже тем, кто тут рожден. Как я уже говорил, мы стараемся помочь, чем можем.

Мунк обезоруживающе поднял руку.

– Еще раз, я полностью вас понимаю. Это не моя работа. Мне только нужно узнать, подходит ли кто-то из них под то описание, что я вам дал.

– Думаю, я знаю, кого вы ищете, – наконец сказал вьетнамец.

– Да?

Нгуйен кивнул.

– Обычно у нас не бывает – как вы их называете? – этнических норвежцев. Такие приходят редко. В основном афганцы, сомалийцы, поляки. Но да, один такой был.

Женщина снова стала что-то говорить, но Нгуйен раздраженно оборвал ее.

– Что она говорит? – любопытствовал Мунк.

– Она говорит, что знает, кто это, и что его здесь больше не ждут.

– Проблемы, ужас, – сказала женщина и помахала скрюченным пальцем.

– Мама, я разберусь, – вздохнул Нгуйен.

– О ком идет речь?

– Вы сказали, лет двадцати пяти? Белый?

– Да.

– Да, приходил к нам такой, но я уже давно его не видел.

– Почему?

– У нас случились разногласия.

– По какому поводу?

– Во-первых, разовым работникам абсолютно нечего делать в моем кабинете.

– Вот как?

– И да, вообще, мы просим их зарегистрироваться. Я не намерен принимать на себя удар, если они работают вчерную. Если они работают свыше минимальной границы, то должны показать мне карту налогоплательщика.

– И этот человек не показал?

– Карл, – сказала женщина и покачала головой.

– У вас есть его данные?

– Неполные, – ответил Дин Нгуйен. – Имя, адрес, телефон, но налоговую карту он так и не принес.

– И должен денег, – вставила женщина.

– Мама, я разберусь.

– Надул нас, тысячу раз.

– Он должен вам денег?

Нгуйен вздохнул.

– Как я уже сказал, я отказываюсь нести ответственность за то, что кто-то работает вчерную. Для нас это грозит неприятностями. Поэтому обычно мы не платим за работу, если они не могут показать нам, что будут платить налоги.

– Слишком добрый. Дурная голова, – сказала женщина и снова сняла очки.

– Но вы все же заплатили ему?

Нгуйен кивнул.

– Он сказал, что принесет все бумаги, но этого так и не произошло.

– А как давно это случилось?

– Сколько там прошло... три недели примерно.

– И с тех пор вы его не видели?

– Нет.

– Значит, вчера вы никого не посылали в отель «Лундгрэн»?

Вьетнамец покачал головой.

– Нет, никого.

– Вы сказали, что у вас есть его данные?

– Подождите минутку, – сказал Нгуйен и исчез в задней комнате.

– Дурная голова, – повторила женщина, усевшись на стул за стойку ресепшена и взявшись за вязанье.

– Вот, – сказал Нгуйен и положил бумажку на стойку.

– Карл Эйон?

Вьетнамец кивнул.

– Это его адрес?

– Да, но номер телефона не работает, я пробовал.

Пожилая женщина покачала головой, снова что-то сказала по-вьетнамски, что, судя по выражению лица Нгуйена, было явно не похвалой хорошо одетому сыну.

– Вы бы его узнали?

– В смысле?

– Если я пришлю к вам художника, вы сможете дать описание для фоторобота?

– Разумеется, – кивнул Нгуйен. – Его я узнаю из тысячи. Буду рад вам помочь. Могу я спросить, почему вы ищете его?

– К сожалению, нет. Но спасибо большое за помощь.

Мунк взял бумажку со стойки и сунул в карман пальто.

– Мы с вами свяжемся. Спасибо, – сказал Мунк, кивнул в знак прощания вяжущей женщине и вышел на рассветное весеннее солнце.

Миа стояла у своего дома, чувствуя, что на свежем воздухе ей полегчало. На мгновение тьма забралась внутрь, но не осела. К счастью. Всего лишь небольшое напоминание. Душа предостерегает ее. О том, что может случиться, если она не будет осторожной. Вот дьявол. Именно поэтому она запланировала этот отпуск. Чтобы отвлечься. «Не подвергайте себя ненужному давлению в ближайшее время». Так вроде она говорила, та терапевт в клинике в Ярене? Тридцать дней в клинике по борьбе с зависимостью, и Миа почувствовала себя новым человеком. Но что теперь думать об этом? Дело об убийстве уже заползло в нее. *Просто быть осторожнее.* Она напомнила себе, что должна сообщить Виктору на Виргинских островах, что в этот раз она не успеет на яхту. Она вставила ключ в дверь подъезда и, едва успев открыть, столкнулась лицом к лицу с пожилой соседкой. *Как там ее звали? Фредриксен?*

Старая женщина стояла в коридоре у почтовых ящиков и потрясала кулаком. В другой руке она держала трость. Парик чуть перекосялся. Сильный удушающий запах духов. Слишком ярко накрашенные глаза. Морщинистые губы, жирно намазанные ярко-красной помадой. Она заорала так громко, что Мии почти сразу же захотелось обратно на воздух.

– Мы должны убрать их отсюда! Нужно собрать подписи! Вы – та полицейская дама с третьего? Это же ни в какие ворота не лезет! Вы видели мусорные баки на заднем дворе? Чувствуете вонь в коридоре?

Миа слегка покачала головой и прошмыгнула вверх по лестнице, где ее встретило полное ожидания лицо прямо у двери ее квартиры на третьем этаже.

– Здравствуйте, Миа, как ваши дела? Все готово к поездке? Моя сестра действительно очень рада квартире. Она говорит, это потрясающе.

Сосед поднял вверх большой палец и улыбнулся от уха до уха.

Черт, она совсем забыла.

– Сорри, планы изменились, я все-таки не уеду.

– О, – сказал блондин с разочарованным видом.

– Увы, – сказала Миа, открывая дверь.

Сосед собирался сказать что-то еще, но вдруг заметил, что что-то происходило в коридоре внизу.

– Какого хрена? Опять фру Виген?

Он вздохнул и раздраженно покачал головой.

– Она решила, что нужно выгнать из нашего дома всех иранцев с четвертого. Как это типично. Вот в кого все превратились. Расисты хреновы повсюду. Прекратите, фру Виген.

Парень исчез вниз по лестнице. Миа про себя вознесла хвалу за то, что есть еще в мире нормальные люди, и заперлась в своей квартире.

Она озадаченно остановилась в дверях. *Нет, так дело не пойдет. Здесь она думать не сможет.* Дождавшись, пока снаружи все стихнет, она украдкой спустилась вниз по лестнице и пошла в «Лорри».

– Привет! – улыбнулось знакомое лицо, явно удивленное, что видит ее снова здесь. – Как обычно?

Этот цветастый паб внизу Хегдехаугсвейен когда-то стал ей практически вторым домом. Само собой, это было давно.

Уже четыре месяца она трезвая.

– Нет, мне, пожалуйста, чашку чая и минералку, – сказала Миа и достала из сумки блокнот.

– Конечно, – подмигнул доброжелательный официант и исчез так же тихо, как и появился.

Миа уже и не помнила, когда она в последний раз погружалась в материал, не прибегая к помощи стимулирующих веществ. Но по-другому теперь никак. По крайней мере, надо пытаться. Она сидела, уставившись на пустые страницы перед собой, пока журчащие отдаленные звуки этого приятного паба не привели ее в необходимый покой. Она взяла ручку, углубилась в свои мысли, и мир вокруг стал медленно исчезать.

Вивиан Берг. Двадцать два года. Балерина. Горное озеро вдалеке от города? Разорванные пуанты? Она шла сама? Да? Добровольно? Сомнительно. Видео. Накачана? Загипнотизирована? Я чего-то не вижу?

Курт Ванг. Джазовый музыкант. Двадцать с чем-то. Играет ли роль возраст? *Look what I can do.* Бэмби? Бэмби на льду?

Горное озеро? Лед?

Вода? Очищение?

Цифра четыре.

Цифра семь.

Миа потянулась за чаем, даже не заметив этого.

4-7?

7-4?

47? 74?

«Братья Львиное сердце».

Где-то пожар.

Пожар...

Дома?

Номер 47? Номер 74?

Она почти в бреду потянулась за телефоном.

– Гренли, слушаю.

– Привет, это Миа, я на секунду. Можешь глянуть, есть ли у нас что-то про пожар?

– В смысле?

– Сорри. Семья, погибшая в пожаре, посмотришь, есть ли что-то такое?

– Немного расплывчато, – сказал Людвиг.

– Да, извини, номер дома или 47 или 74, проверишь, есть ли что-то подобное?

– Конечно.

– Спасибо, – сказала Миа и тут же положила трубку, не желая терять ход мысли.

Девушка, двадцать два.

Парень, наверное, двадцать пять.

Старшая сестра?

Младший брат?

Семейная трагедия?

Сгорел дом.

Кто выжил?

Вина?

Это была твоя вина?

Антифриз в сердце. Укол.

Холод.

Лед.

Пожар?

Тепло?

Лед и огонь?

Теперь ручка просто летала по бумаге. Миа даже не заметила, как ее губы растянулись в улыбке.

Лед и огонь? Все дело в этом, да? Они сгорели заживо? Это твоя вина? Антифриз? Тебе жаль? Ты хочешь помочь им? Сделать холоднее? Хочешь все исправить?

Ты хочешь, чтобы мы это увидели?

Это так ведь?

Что тебе жаль?

Тебе жаль?

*Ты сожалеешь?
Это было не специально?
Мы должны помочь тебе?
Найти тебя?*

– Извините, вы Миа Крюгер?

Миа вздрогнула так, что чуть не выронила ручку. Она так глубоко погрузилась в свои мысли, что мозгу было непросто вернуться к реальности.

– Э-э, да...

– Извините, что отвлекаю, у вас найдется минутка?

Черное пальто, белая рубашка, перчатки, волосы уложены на одну сторону. Смотревшие на нее глаза казались знакомыми, однако она все же не смогла определить, кому они принадлежат.

– А вы?.. – спросила Миа.

– Еще раз простите, – сказал безупречно одетый мужчина. – Это не займет много времени, но, поверьте, это важно. Можно мне присесть?

Не дожидаясь ответа, он выдвинул стул напротив и сел.

– Я сейчас немного занята, – начала Миа.

– Это не займет много времени. Но мы пришли к тому, что я вынужден переговорить с вами.

Внешний вид.

Взгляд.

Миа за сто метров чуяла полицейского, но этого она раньше не видела.

– Волд, – сказал он и протянул ей руку. – Специальный отдел^[8].

Ее раздражение перешло в своего рода любопытство. Волд вежливо отмахнулся от официанта и перевел взгляд обратно на нее.

– Я вижу, что вы заняты, и я, конечно же, понимаю, почему. Два трупа за несколько дней. Я не отниму много вашего времени, но я просто должен поговорить с вами. Надеюсь, вы не против.

– У меня такое чувство, что выбора у меня нет, – сказала Миа, потянувшись за чаем.

– Извините, если сложилось такое впечатление, – кивнул Волд и огляделся. – Но, как я уже сказал, мы вынуждены кое-что обсудить с вами.

Миа окинула взглядом почти заполненный зал, но не увидела никого подозрительного.

– Кто «мы»? Специальный отдел? Я сделала что-то не так? Снова?

Волд криво улыбнулся.

– Нет-нет, что вы, Миа. На этот раз вы ни при чем.

Он подался к ней.

– Это ваше расследование... могу я спросить кое о чем?

– Безусловно, нет, – сухо сказала Миа. – Я не имею права ничего говорить о ведущемся расследовании.

Волд улыбнулся и успокаивающе поднял руку.

– Я мог пойти напрямую к Мунку или к Миккельсону, если на то пошло.

– Так что же вам мешает?

Волд чуть замялся.

– Вы же знаете, чем мы занимаемся, да?

– Специальный отдел?

– Да.

– Вы расследуете внутренние дела полиции, – вздохнула Миа. – Это что, игра в угадайку? Как вы могли заметить, я тут несколько занята.

В его кармане завибрировал телефон, но он не взял трубку.

– Ладно, Миа, я скажу напрямую. Томас Лорентцен.

– Кто?

Томас Лорентцен?

Прошло несколько секунд, прежде чем до нее дошло. Адвокат. Владелец «Мерседеса», в котором перевозили Вивиан.

– А что насчет него? – спросила Миа.

– Нам только нужно знать, стоит ли он в центре расследования. Важен ли он? Вы на нем заострили внимание?

– А что?

– Замешан ли Лорентцен? Нас интересует только это. Простой вопрос. Мне нужен только короткий ответ, и я оставлю вас в покое.

Волд улыбнулся и откинулся на спинку стула. Миа подумала секунду и решила сдать. Специальный отдел. Если он хотел узнать что-то о деле, он мог бы просто позвонить в Гренланд. Нет никакой причины сидеть здесь. Ей хотелось снова закопаться в материал. Здесь что-то было. Она напала на какой-то важный след. Она это чувствовала.

– Нет, Лорентцен нам не интересен, – коротко сказала она и подняла ручку со стола.

– И вам не любопытно? – сказал Волд, не выказав никакого намерения подняться.

– Что именно?

– Почему мы им интересуемся?

– Конечно, любопытно, – вздохнула Миа. – Но сейчас я занята. Мы закончили, или как?

Волд выглядел несколько обеспокоенным.

– Извините, Миа, мне стоило начать все по-другому. Можно я?..
Его выражение лица говорило о том, что он хочет снять пальто.
– Слушайте, – начала было она, но он остановил ее.
– Правда в том, что мне нужна ваша помощь, – наконец произнес Волд. – Мы завязли. И нам нужна помощь. Мы долго обсуждали, с кем поговорить, и выбор пал на вас. Вот и все.
– А кто эти *мы*? – сказала Миа, нехотя отложив ручку.
Волд ненадолго задумался.
– Это останется между нами?
– Это вы ко мне пришли, – вздохнула Миа. – Я вас об этом не просила.
– Конечно, – кивнул Волд и огляделся в поисках официанта. – Думаю, мне нужно выпить кофе. Вы что-нибудь хотите?
– Нет, спасибо.
– Как я уже говорил, – сказал Волд, когда официант ушел, – мы долго это обсуждали, это немного деликатная тема, если вы понимаете, о чем я, но выбор пал на вас.
– Какая честь, – сказала Миа, хлебнув воды. – Так кто же эти *мы*?
– Давайте я лучше начну с рассказа о том, кто такой Томас Лорентцен, вы не против?
– Ок, – вздохнула Миа.
– Героин, – сказал Волд, поднося чашку ко рту.
– И?
– Ввоз. Распространение. И отмывание денег.
– Вот как, – сказала Миа, почувствовав, что немного смягчилась.
– У нас не все сходится, – продолжил Волд, – но для нас сейчас очень важно, чтобы его не трогали, это бы разрушило все, над чем мы так долго работали.
– Мы его не рассматриваем, – повторила Миа. – То, что его машину украли, – просто случайность, на наш взгляд. Это мог быть кто угодно.
– Хорошо. Отлично. Но это еще не все, если позволите.
– Вы это уже говорили. Почему я? Чем я смогу вам помочь?
Казалось, Волд взвешивает слова, прежде чем ответить.
– У нас есть основания полагать, что замешан один из наших.
– Один из наших?
– Да.
Волд снова огляделся вокруг и склонился ближе к Мии.
– Мы думаем, что в центре его группировки стоит полицейский.
– И вы думаете, это я?
Волд рассмеялся.

– Нет, конечно, нет. Но мы думаем, возможно, вы сможете нам помочь.

– Потому что?..

– Потому что вы знаете его.

– Что? Вы знаете, кто это?

– Мы полагаем, что да. Но нам нужны доказательства.

– И это я должна их добыть?

– Да, в этом и была идея. Для вас это было бы удобно?

Волд откинулся назад и поднес чашку ко рту.

– Что вы хотите сказать? Стучать на того, кого я знаю?

– Стучать – это сильно сказано, я бы не стал так выражаться. Но да, смысл в этом. Мы не можем сдвинуться с мертвой точки. Нам нужна помощь.

– Значит, этот Лорентцен замешан во ввозе героина, и вы считаете, что ему помогает кто-то изнутри?

– Да.

– И имя этого полицейского я знаю?

– Да.

– То есть он из нашей команды? Марибуэсгате, 13?

– Да.

– Но какого черта, – сказала Миа, покачав головой. – Я в это ни за что не поверю.

– Я тоже сначала не верил, – сказал Волд, пожав плечами.

– Вот как? – спросила Миа, ей начало становиться любопытно.

– Ну, что тут сказать, – произнес Волд, пожимая плечами. – Мунк известен тем, что выбирает лучших, но ведь ошибиться может каждый, да?

– Я в это не верю, – осторожно сказала Миа.

– Во что?

– В то, что кто-то из наших может быть замешан в чем-то подобном. У нас все очень прозрачно. Мы все как семья. Вы когда-нибудь утешали отца, который только что узнал, что его шестилетняя дочь мертва?

– Нет, такого со мной не случилось.

– Такие вещи что-то делают с командой, понимаете? – сказала Миа с раздражением.

– Я прекрасно понимаю. Я знаю, чем вы занимаетесь, и вы должны знать, что мы все относимся к вам с глубоким уважением. И тем не менее.

– Это не кто-то из наших, – кратко сказала Миа и потянулась за чаем, но чашка оказалась пуста.

Она взглядом поискала официанта, но не нашла.

Нет, это все чушь собачья.

Героин? Кто-то из команды?

Да не может быть.

– Карри, – вдруг сказал Волд, словно кто-то резко снял иглу с пластинки.

– Чего?

– Мы думаем, это Юн Ларсен, – серьезно сказал Волд.

– Об этом и речи быть не может, – сказала Миа, даже рассмеявшись. – Карри? Нет, вы ошибаетесь. У Юна много странностей, но он бы никогда не...

– У нас достаточно уверенности в том, что это один из отдела по борьбе с наркотиками, – перебил ее Волд.

– Карри не оттуда.

– Ларсен неоднократно сотрудничал с наркоотделом, – продолжил Волд. – Кроме того, в его личной жизни есть факты, говорящие о том, что у него не все в порядке.

– Послушайте...

– Могу я продолжить? – настоял Волд. – Некоторое время назад Юна Ларсена бросила невеста, верно? И в тех отношениях собственником имущества была она. Квартира, где они жили, принадлежит ей. У него ничего нет.

– Нет, ну это...

– Сейчас он живет в общежитии, у него нет денег, по уши в долгах. Много пьет и находится в поверхностных отношениях с молодой девушкой двадцати одного года. Луной Ньюик, барменшей, побывавшей в поле внимания полиции в связи с наркотрафиком. Это делается так: молодых людей, ничего еще толком не понимающих, используют в роли верблюдов. Так они и ввозят товар в страну.

– Это не Карри, – настаивала Миа. – Если бы вы его знали, вы бы сказали то же самое.

Волд поднял руку и снова прервал ее.

– Вы можете нам? Хотя бы чтобы опровергнуть наши предположения?

В кармане его пальто снова завибрировал телефон. На этот раз он посмотрел на него и поднялся из-за стола.

– Извините, тут кое-что случилось. Вы можете, по крайней мере, подумать об этом?

– Я думаю, вы ошибаетесь.

– Вот мой номер, – сказал Волд, приложив палец к визитке, которую протянул ей. – Я позвоню вам завтра. Хорошо?

Волд коротко улыбнулся, крепко пожал ей руку, стал пробираться сквозь толпу и вскоре исчез. Миа взяла ручку и попыталась вернуться к материалу, но момент был упущен.

Твою мать.

Карри?

Нет.

Не может быть.

Она собиралась заказать еще чаю, когда у нее зазвонил телефон.

– Привет, Холгер, что такое?

Голос Мунка звучал очень странно.

– Ты должна на это посмотреть, – тихо сказал он.

– На что?

Вдруг кто-то в баре засмеялся, и Миа не расслышала, что он сказал.

– Ты должна сама увидеть. Сейчас пришлю адрес.

– Ок, – сказала Миа, быстро убрала свои записи в сумку и выбежала, окликая такси.

Миа заплатила таксисту и обнаружила Мунка около солярия с сигаретой в зубах и мрачным выражением лица.

– Что такое?

Мунк только покачал головой.

– Помнишь про загрязнение мест преступления?

– Помню.

– Ресепшионист в «Лундгрене» сказал, что Курт Ванг говорил с молодым человеком, прежде чем зайти в свой номер. Тот парень был из клининговой службы.

– Вчера вечером?

– Да.

– Клининговая служба, – сказала Миа, достав пастилку из кармана. – Как же мы раньше не додумались. Волосы, ногти, экскременты? Вот где он добыл все это. Это блестяще, Холгер.

Клининговая служба?

Конечно.

Она ощутила, как по спине пробежали мурашки, и улыбнулась Мунку, который по какой-то причине не казался таким же возбужденным.

– И? – с энтузиазмом спросила Миа.

– Я навестил ту службу.

– И?

– Они никого не посылали вчера в отель.

– Но?..

Миа покачала головой, не понимая, что его так терзает.

– Но они знают, кто он такой?

Мунк затянулся и медленно кивнул.

– Карл Эйон. Мне дали адрес, телефон у него выключен.

– Гениально, Холгер. Так чего мы ждем? Что там? Что ты хотел мне показать?

– Бергенсгата, 41, – пробормотал Мунк.

– Что?

– Это адрес, который он оставил.

Миа уже вся сгорала от нетерпения, с трудом могла спокойно стоять, но Мунк по-прежнему ничего не говорил.

– Но какого черта, Холгер? Что происходит? У нас есть имя! Есть

адрес! Чего мы ждем? Что ты хотел мне показать?

– Вот это, – тихо сказал Мунк.

Он бросил сигарету на тротуар, засунул руки в карманы и прошел вперед за угол высокого здания.

Бергенсгата.

Что-то зашевелилось в голове.

Что это было?..

Мунк остановился около тротуара и кивнул на противоположную сторону улицы.

И тут Миа его увидела.

Маленькое, ржаво-красное промышленное здание.

Но...

– Что за чертовщина, Холгер?

Мунк повернулся к ней и кивнул.

– Теперь понимаешь?

– Он оставил... этот адрес?

Миа почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

– Твою мать, Холгер. Ты уверен?

Мунк молча кивнул.

– Но... это же не может быть правдой?

– Нам стоило это понять, – пробормотал Мунк. – Фотографии, камера перед трупом... Наверное, мы должны были увидеть здесь связь?

– Вот дьявол, – пробормотала Миа и заставила себя посмотреть снова, хотя внутри все кричало против.

Старого образца промышленное сооружение в Бьелсене.

Бергенсгата, 41.

Это же там он держал их в плену.

Его мастерская.

Весь инструмент.

Сохранял их сознание ясным.

Настолько, насколько ему это требовалось.

– Клаус Хеминг, – пробормотал Мунк и достал новую сигарету из кармана.

Он не зажег ее, и она свесилась ему на бороду.

– Тот же дом? – сказала Миа, – Это невозможно...

Она взяла себя в руки.

Восемь лет назад.

Клаус Хеминг, почтальон.

Фотографии жертв – отсюда, из его мастерской.

Посылал их семьям.

Словно потерять их было недостаточно.

Почтальон.

Восемь лет назад, но и сейчас, открывая свой почтовый ящик, Миа по-прежнему чувствовала легкий прилив необъяснимой тошноты.

Черт.

– Бергенсгата, Бьелсен, – сказал Мунк и наконец зажег сигарету. – Не понимаю, почему до меня сразу не дошло.

– Но он же мертв, разве нет?

Мунк посмотрел на нее и кивнул.

– По последним данным, да.

– Тогда что?.. – сказала Миа, нехотя бросив взгляд через дорогу.

– Подражатель? – предположил Мунк, пожимая плечами.

– Ты думаешь? Хеминг ведь никогда ничего не оставлял нам. Числа? Сообщения? Тот подонок был просто...

– Это всего лишь домысел, – перебил ее Мунк. – Но что-то здесь должно быть, тебе так не кажется?

– Как зовут того парня? Клинера?

– Карл Эйон.

– И?

– И что?

Мунк раздраженно взглянул на нее.

То дело чуть не сломало их всех.

Холгер тогда проходил семейную терапию. Два года после разрыва, и он умолял Марианне попробовать еще раз. Наконец она сдалась. Ну что же. Попробуем. Ради Мириам. Согласилась на встречу с Мунком, на которую он не пришел.

Клаус Хеминг.

Почтальон.

С собственной мастерской.

И своим инструментом.

Черт побери.

– Что будем делать? – пробубнила Миа.

– Я попросил Людвигу проверить всех по имени Карл Эйон, кого он сможет найти, – сказал Мунк, нахмутив брови. – Соберемся в офисе и просто устроим...

– Общий бриф?

– Начнем с этого.

– Ты на машине?

– Припарковался на другом конце улицы, – пробормотал Мунк, медленно покачав головой, плотнее укутал свое крупное тело в бежевое пальто и стряхнул пепел с недокуренной сигареты в сторону ржаво-красного здания.

Карри отпил виски из стакана, когда у него зазвонил телефон. Звонка он не мог услышать, телефон был на беззвучном режиме, но он настойчиво жужжал на столе, как рассерженная пчела. Карри увидел, что его рука тянется нажать на зеленую кнопку, но, к счастью, вовремя понял, что трубку брать не стоит. Еще только пять часов, а он уже пьян. *Вот черт*. Он же только хотел немного прогуляться. Поздороваться с Луной. Освежить голову. Посмотреть, найдет ли он что-то в своих записях. Как это обычно делала Миа. Но, конечно, это просто отговорки. Он просто дико хотел выпить. И немного перебрал.

Наконец телефон перестал звонить. Теперь пошли смски. Сначала одна. Потом еще две. Он взял телефон и в тусклом свете с трудом прочитал их. Анетте Голи. Мунк. Кажется, что-то случилось. Всех просят прибыть на собрание в офис. *Блин*. Нет, ничего не получится. Не сейчас. Он не мог показаться им в таком виде. Он осушил свой виски и подозвал Луну к столику.

– Еще один, – пробормотал он, постучав по ободку стакана.

Молоденькая девушка искоса посмотрела на него.

– Юн, ты уверен?

– В смысле – уверен? – пробурчал он и заметил, что гнусапит.

– Все нормально?

Она быстрым движением руки погладила его по голове.

– Да-да. Просто принеси еще.

Кто-то опустил монету в древний музыкальный автомат в конце зала, и старая песня в стиле кантри разлилась по пропитанным пьянством стенам. От бильярдного стола слышался стук шаров. Одна из самых отъявленных пивнушек в Осло, такая обветшала, что даже хипстеры не решались приходить сюда. Татуировки моряков. Косухи. Одинокие души разошлись по углам и что-то бормочут, склонившись над грязными пивными кружками. Двое мужчин в спортивных куртках сидели у бара и выглядели так, словно пришли сюда по ошибке. Они украдкой поглядывали на Карри, и сначала он не понял зачем. На секунду его охватила паранойя: *твою мать, это что, менты? За ним, что ли, следят?* Но на середине третьего стакана до него дошло. Он представлял собой плачевное зрелище. Их взгляды были сочувствующими. Еще один алкаш с трясущимися руками.

Черт подери.

Когда это вообще случилось? Он же всегда умел себя контролировать. Пропускал стаканчик время от времени, но чтобы так? А теперь пьет, как лошадь. Как дерево, не получавшее воды. Несколько дней назад он увидел объявление в газете «ВГ» и, прочитав его, заинтересовался. Лечебный центр Соллиа. *Кому-то из ваших знакомых требуется помощь?* Он тут же отбросил эту мысль, как только Луна вернулась с новым стаканом виски и с пивом.

– Давай я позвоню Катрине? Попрошу ее подменить меня?

Она подошла ближе, ее теплая рука легла ему на щеку.

– Зачем?

Он попытался сфокусировать взгляд, но не смог отыскать ее глаз.

– Чтобы мы пошли домой. Ты не хочешь?

Карри выпрямил спину и отмахнулся от нее.

– Нет-нет, все нормально, я просто...

Один из парней в спортивной куртке снова бросил на них взгляд.

– Уверен?

– У тебя клиенты, – прогундосил он, пытаясь изобразить улыбку.

– Я могу позвонить ей, ты только скажи, ладно?

– Все хорошо, – кивнул он, но она уже отошла к бару.

Карри поднес стакан к губам и почувствовал, что руки наконец перестали дрожать. По телу разлилось тепло, когда зелье потекло по горлу и зажглось в животе.

Ничего не ел.

Конечно.

Вот почему так.

Он отлично переносил алкоголь, дело не в этом, он просто не поел.

Типа лечение, ха-ха.

Он беззвучно посмеялся и опустошил полбокала. Песня в стиле кантри стихла, зазвучала другая.

Просто еще довольно рано.

Забыл поесть.

Один из мужчин в спортивной куртке снова бросил взгляд в его сторону. Карри больше всего захотелось скорчить гримасу, послать парня к черту, но он этого не сделал. Вместо этого он отвернулся, посмотрел в окно и вдруг заметил знакомое лицо, от которого внутри все сжалось.

Аллан Дал?

Твою мать.

Это трепло из наркоотдела. Общий бриф на работе, а он сидит тут, нырнув в стакан. Это мигом дойдет до Мунка. Карри замер за столом, когда

тот пересек улицу, но, к счастью, внутрь коллега не зашел. У тротуара его ждала машина. Аллан Дал сел в нее, и они, слава богу, скрылись.

Водитель?

Не видел ли он это лицо раньше?

Он попытался просканировать свою память, но голова уже не работала.

Да наплевать.

За барной стойкой светился телевизор. Новости круглые сутки. Балерина в горном озере. Молодой человек в гостинице. Ни о чем другом не говорили. Два серьезных лица в студии сменились интервью с Анетте Голи. Сначала он ее не узнал: на ней была полицейская форма. Повтор сегодняшней программы. Пресс-конференция. Мигающие вспышки фотоаппаратов, тянущиеся к Голи микрофоны. Новое видео. Опять лица в студии, а потом они быстро переключились на что-то, а это, кажется, уже прямой эфир. Он вздрогнул, увидев, где это.

Дьявол.

Он встал и, шатаясь, прошел к бару.

– Прибавь звук.

– Что?

Парни в спортивных куртках покосились на него, но теперь это не имело значения.

– Звук, – пробормотал он снова, показав на пульт.

Луна наконец поняла, о чем он.

– Сейчас мы находимся у средней школы Хедрум в Ларвике, – сказала женщина с логотипом ТВ-2 на куртке. – Где работает главный подозреваемый, по словам полиции.

На экране побежала строка, белый шрифт на красном фоне.

Реймонд Греггер.

Сука.

Сучий местный полицейский участок.

Кто-то проболтался.

Мунк будет в ярости.

– Что такое? – взволнованно спросила Луна.

В отдалении снова зазвонил его телефон.

– Мне надо на работу, – промямлил он, садясь мимо барного табурета.

Он видел, как падает на пол, попытался удержаться, но руки не слушались.

– Все нормально?

Красивое лицо Луны склонилось над ним, парни в спортивных куртках

поднялись с мест.

– Мне надо в участок, – прогундосил он, пытаясь встать, но ноги тоже не подчинялись.

– Я все же позвоню Катрине.

Серая тень.

Шепот.

Со дна океана.

А потом музыка вдруг исчезла, оставив Карри одиноко лежать на холодном полу.

Приходской священник Пол Мэллей сидел в исповедальной кабинке в соборе Святого Олава и размышлял о том, что, может быть, это все же была не такая уж и хорошая идея. Утренняя служба закончилась, и, видимо, прихожанам было уже не до исповеди, им нужно еще добратся до работы. В большом помещении церкви стояла абсолютная тишина. Звук тишины отвлек его от этого прекрасного одухотворяющего пространства, которое так много для него значило.

Собор Святого Олава. Для него, без сомнений, это был самый красивый собор в стране. Именно здесь пять лет назад его посвятили в дьяконы, а шесть месяцев спустя – в священники. После непродолжительной работы администратором прихода в Лиллехаммере его позвали назад, и теперь он и приходской священник, и ректор в общине собора. Пол Мэллей не мог желать для себя лучшего пути, чем тот, что избрал для него Господь. Исторически католическая община в Норвегии не могла сравниться с протестантской, но в последние десять лет все немного изменилось. Во многом благодаря мигрантам, теперь у них были собственные еженедельные службы на польском и вьетнамском, но и количество норвежских прихожан значительно возросло. Теперь Пол Мэллей вел, конечно, с помощью дьяконов и капелланов, целых три мессы каждый день: в восемь, в одиннадцать и в шесть. И примерно неделю назад у него возникла идея внести в эту программу изменения. Не в самих службах, нет-нет, для них время было выбрано очень верно. Утренняя служба, обеденная и служба после работы. Так его ученики могли сами решать, когда в их плотном графике рабочего дня им удобнее посетить Господа.

Нет, конечно, ученики – неправильное слово. Пол Мэллей слегка улыбнулся самому себе. Только у Иисуса были ученики, и тем не менее так ему иногда казалось – что паства принадлежала ему. Теперь уже редко случалось, чтобы он не узнал кого-то из прихожан, и если он видел новое лицо, то всегда стремился лично познакомиться с новоприбывшим. Как бы то ни было, он ведь божий избранник, он – врата к Господу, и было важно выполнять свое дело, максимально сближаясь с прихожанами. И, опять же, именно поэтому он и решил произвести изменение в ежедневной программе.

Не в самих службах, нет, они прекрасно выполняли свою функцию, но

в возможности исповедания. В прежней программе исповедальня была открыта только полчаса каждый день, с 17:15 до 17:45. Туда не было особенного наплыва, и у Пола Мэллей складывалось ощущение, что это происходило из-за неудачно выбранного времени. Признаться в своих грехах вечером? Нет, это кажется не вполне правильным. После долгого дня на работе это неудобно – Пол хорошо это понимал. Все, чего хочется после работы, – это пойти домой к близким, сесть за накрытый стол и, может быть, немного помолиться Господу дома. И однажды ему пришло в голову: почему бы не открыть исповедальню после утренней службы? Ведь ночь – темное время, когда душа томится в одиночестве. И потребность исповедоваться в своих грехах – разве она не сильнее по утрам?

Сидя один в тишине, он все же не хотел сдаваться, но вдруг заметил, что проголодался. Он приподнял рясу и, завязывая шнурки, ощутил запах только что вымытого пола и хвои в маленькой комнатке. Кажется, сегодня он уловил еле заметную нотку лимона? Он даже улыбнулся от этого приятного аромата и в то же время почувствовал разочарование, поняв, что совершил ошибку. Исповедь по утрам? Очевидно, ни у кого нет ни времени, ни нужды в этом. Он решил, что посидит еще несколько минут. У него вообще-то есть еще дела, кроме того, чтобы сидеть в тесной комнатке и вдыхать аромат пола. Он ошибся, и пора это признать. Пол Мэллей вздохнул и приподнял рясу, чтобы встать, когда вдруг в гулком помещении раздались шаги.

Кто-то идет?..

Неужели Святая Дева проявила к нему милосердие?

Он быстро сел и перекрестился.

Легкие, осторожные шаги по твердому полу достигли кабинки. Пол Мэллей широко улыбнулся, когда открылась дверь и чья-то фигура проскользнула в крошечную кабинку.

Он подождал пару секунд, пока пришедший успокоится, и открыл окошко.

– Благодатная Мария, Господь с Тобою, благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, Иисус. Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей. Аминь.

Он снова перекрестился, услышав голос человека за перегородкой.

– Аминь.

Прозвучало робко. Молодой человек. Священник мог только различить очертания за решеткой, но, конечно, не видел пришедшего, именно в этом и смысл такой кабинки. Близость и в то же время конфиденциальность, чтобы исповедоваться было проще.

– Простите меня, отец, я согрешил. Я... я впервые пришел на исповедь.

– Впервые?

Мэллей почувствовал, как в груди заколотилось сердце. Ничто не может сравниться с обретением нового члена общины.

– Я даже не знаю, как сказать, – произнес молодой человек. Очевидно, ему непросто было решиться открыть душу.

– Не торопись, сын мой, – умиротворенно сказал Мэллей. – Здесь нет никого, кроме тебя и Господа. Он никого не осудит, Он хочет выслушать тебя, что бы ты ни решил рассказать.

– Спасибо, – пробормотал незнакомец и на мгновение снова замолчал, пока наконец не овладел собой. – Я не знаю, грех ли это или нет, это касается не меня, но я свидетель этого.

– Так-так? – спокойно произнес священник. – Я могу спросить, кого это касается?

– Моего брата, – наконец ответил тот.

Молодой человек говорил так тихо, что Мэллею пришлось наклониться ближе к маленькой решетке.

– Твоего брата? Ты имеешь в виду кровного брата или брата из общины?

Показалось, что этот вопрос привел молодого человека в замешательство, но вскоре последовал прямой ответ.

– Нет-нет. Он мой родной брат. Старший. Мы живем вместе. Остались только мы вдвоем. наших родителей уже нет.

– Мне жаль это слышать, – участливо сказал Мэллей. – Свидетелем чего ты стал? Ты хочешь чем-то поделиться с Господом?

За решеткой снова наступила тишина.

– Могу я кое о чем спросить? – тихо сказал молодой человек.

– Конечно, сын мой.

– Я даже не знаю, зачем я здесь. Мне просто нужно было с кем-то поговорить. Может быть, стоило пойти к психологу или к кому-то еще, я не знаю, уместно ли это говорить здесь, я не хочу помешать и все такое...

Мэллей никогда не перебивал сидящих в кабинке, но на этот раз почувствовал, что это будет правильно.

– Сын мой. Большие проблемы или маленькие – это не имеет значения. Если ты пришел сюда поговорить, добро пожаловать. Ты не должен ощущать стыд или вину, здесь ты чист, и я охотно тебя выслушаю.

– Спасибо, – с облегчением ответил тот.

– Так что с твоим братом? Чему ты стал свидетелем?

- Я его боюсь, – сказал незнакомец.
- В каком смысле боишься?
- Он перестал быть самим собой. Я боюсь, что... он что-то делает.
- О чем именно речь?

Мэллей начал ощущать любопытство.

– Он больше не разговаривает со мной. Где-то пропадает ночами. Когда приходит домой, запирает дверь. Не хочет впускать меня в свою комнату. Я думаю, он там что-то скрывает.

- Вот как. Я могу спросить, сколько ему лет?
- Двадцать восемь.
- А где он работает?
- О нет, он не работает. Понимаете ли, он болен.

Незнакомец снова замолчал. Мэллей слышал, как тот ерзал на лавке. Молодому человеку явно было не по себе.

– Болен? Чем именно?

– Не знаю, стоит ли мне говорить это, отец. Я чувствую, что предаю его. Что я...

– Речь идет о тебе и о Господе, – прервал его Мэллей. – Ты никого не предаешь. Господь – наш всеобщий отец.

– Нет, я не могу. Это была ошибка. Я слишком боюсь.

Мэллей уже не мог сидеть на месте спокойно.

- Чего ты боишься, сын мой?
- Он опасен.
- Кто?..
- Мой брат. Он опасен.
- Ты боишься, что он... навредит тебе?

Наступила полная тишина. Мэллею показалось, он услышал слабый плач.

– Сын мой, послушай меня.

– Нет, – сказал тот, поднимаясь. – Я не смею. Это слишком больно. Извините, что помешал вам, отец.

Мэллей услышал, как рука повернула маленькую дверную ручку, и быстро принял решение.

– Сын мой, – сказал он немного строгим голосом. – У меня есть предложение, хочешь его услышать?

И это сработало.

Незнакомец снова старательно уселся.

– Я думаю, сейчас тебе нужно пойти домой, но давай перед этим мы с тобой заключим договор с Богом?

– Какой? – спросил грустный голос.

– Очевидно, что ты несешь тяжкое бремя, и я понимаю, что для тебя это трудно. Но теперь ты уже побывал здесь и знаешь, кто я такой. Иди домой, и подумай об этом, и возвращайся, когда почувствуешь, что так будет правильно. Завтра, через несколько дней – это не имеет значения, но я хочу, чтобы мы дали друг другу обещание, что увидимся снова. Мы можем договориться об этом?

Наступило долгое молчание. Мэллей практически слышал, как больно было душе этого парня, как внутри у него все рвало и метало, но в конце концов тот все же ответил.

– Хорошо, отец. Я вернусь. Вы будете здесь?

– Конечно, – мягко сказал священник. – Я здесь каждое утро, запомни это. Возвращайся, когда захочешь.

– Спасибо, – облегченно произнес молодой человек. – Я очень ценю это. Большое спасибо.

– Тогда до встречи, – кивнул Мэллей.

– До встречи, отец, большое спасибо.

Мэллей улыбнулся, когда шаги снаружи затихли.

Значит, идея была все-таки хорошей. Идея исповеди по утрам.

Он еще раз с теплом подумал о Пресвятой Деве, затем вышел из кабинки, сложил руки на груди и неторопливо пошел в ризницу.

Габриэль Мерк уснул на диване в комнате отдыха, и зашедший за кофе Людвиг Гренли разбудил его.

– Что там?

– Приехал Крипос. Мунк ведет бриф. Думаю, тебе не обязательно участвовать. В основном все то же, что мы обсуждали пару часов назад.

– Нет-нет, я приду, – сказал Габриэль, подавляя зевоту.

Ему снились очень странные сны. Он был почтальоном. На яхте. Вез большое письмо. На конверте было написано «Туве и Эмилие». Он видел остров вдалеке, но, как бы он ни пытался направить яхту в нужном направлении, она не приближалась к острову, а только отдалялась. Он мельком увидел грустные лица. Письмо все увеличивалось и увеличивалось и наконец утащило его за собой в волны.

Может быть, это знак?

Его мать всегда очень волновали сны. Как много они на самом деле означают. Больше, чем мы думаем. Какие картинки как соотносятся с чем-то в реальности, и все такое. Это началось у нее в последние годы, все эти идеи эпохи Нью Эйдж. Сам Габриэль никогда не страдал такой ерундой, в основном просто кивал, да-да, нет-нет, пока мать выкладывала ему все, что видела ночью, но сейчас у него возникло ощущение, что подсознание пытается что-то сообщить ему.

Он так много работал в последние дни, что даже не успевал отвечать на сообщения из дома. *Не будь как Мунк*. Он, конечно же, не мог не подумать об этом, когда ему позвонила Анетте Голи.

В отделе экономических преступлений было спокойно. С девяти до четырех, обычная офисная работа. Он завтракал вместе с семьей, вместе с ними ужинал, они прижимались друг к другу каждый вечер.

А теперь?

Как бы не так.

Габриэль потер глаза со сна и ощутил, что взмок за воротником.

Почтальон. Реальность в подсознании.

Тогда он был еще подростком, но, разумеется, все отлично помнит.

Клаус Хеминг.

Тот, кто держал своих жертв в плену, играл с ними, словно с куклами, а потом отправлял их семьям фотографии.

Национальный шок, люди не верили, что это правда, они впадали в

коллективное отрицание, пока подробности этого ужасного дела обрушивались на них с телеэкранов.

Наивная Норвегия.

Посреди Осло.

Нет, этого быть не может.

Никто не может быть таким злодеем.

Это, должно быть, случилось в Америке.

Где-то во внешнем мире.

Не кто-то из нас.

Не здесь.

Его мама впала, как он позже понял, в своего рода депрессию. И соседи тоже. Мрачные лица в коридоре, склоненные головы, они едва смели открыть свои почтовые ящики и сразу же исчезали за запертыми дверями.

Неумолимое влияние времени.

Все прошло. Все постепенно возвращалось на круги своя.

Это так по-норвежски.

Мы прощаем. Выбираем веру в добро.

Но тьма вернулась. Мерк видел это на лицах всех членов команды, всю ночь, и даже Мунк, будучи обычно добродушным плюшевым мишкой, ходил по коридорам с глубоким мрачным взглядом из-под нахмуренных бровей.

Позвони домой.

Габриэль, подавив еще один зевок, достал колу из маленького холодильника и по пути немного потянулся, разминая одеревеневшее тело.

Мунк уже стоял у экрана, когда он вошел в комнату для брифинга.

– Габриэль Мерк, – коротко представил его Мунк. – Техника, базы данных, социальные сети.

Габриэль обменялся кивками с тремя людьми, которых он раньше не видел, и сел позади, рядом с Миа.

Крипос. Тактические следователи. Двое мужчин и женщина. Всю ночь по коридорам разносились голоса, в том числе громкая перепалка Анетте с Мунком, но теперь, казалось, Мунк не против их присутствия, хотя это и Миккельсон все организовал.

Еще люди?

Почему нет?

Габриэль не понимал, в чем проблема.

Борьба за то, кто круче? Сейчас?

Он хотел было что-то сказать, но не стал.

– Расскажешь об имени, Миа? – сказал Мунк, посмотрев на Мию Крюгер, она осталась сидеть.

– Карл Эйон, – кивнула она. – Извините, что я так поздно сообразила, но прочтите имя и фамилию слитно и замените «э» на «е».

Трое из Крипоса с любопытством обернулись к ней.

– КарлЭйон... – в недоумении произнесла женщина.

– Карл Лейон, – сказала Миа. Она казалась очень бодрой, несмотря на мрачный взгляд. – Это моя ошибка, извините, я должна была сразу увидеть это.

– Ок, – сказал один из следователей Крипоса.

Светлые волосы. Усы. Почти неприметная внешность, у них всегда такая.

– Значит, еще одна связь с «Братьями Львиное Сердце»? – включился второй следователь из Крипоса.

Темные волосы. Борода. И, опять же, он мог быть кем угодно. Наверное, так они и получали эту работу – за способность слиться с толпой.

– Да, – кивнула Миа. – Юнатан и Карл Лейон. Поначалу мы были не совсем уверены, но теперь сомнений нет. Он осознанно использует это, напрямую играет с нами.

– Еще раз, кем был этот Карл? – спросила женщина.

– Младший брат, который выжил. Юнатан его спас, но сам погиб. С малых лет Карл живет с мыслью о том, что все вокруг желают ему смерти вместо брата.

– Значит, никакого Карла Эйона не существует? – сказал светловолосый, на этот раз обращаясь к Мунку.

– В Осло – нет, – вставил Людвиг Гренли, бросив взгляд на свои записи. – Есть один в Ставангере, но, насколько я вижу, здесь, в городе, – ни одного.

– Что насчет Реймонда Грегера? – спросила женщина у Мунка.

– Мы еще ищем, – вздохнул тот. – Конечно, очень некстати, что какой-то идиот в Ларвике дал прессе его имя, но ладно. Может быть, это еще и облегчит нам работу. Чем больше людей знают, тем больше глаз ищут, будем смотреть на это так.

– Но основная версия в том, что преступление как-то связано с Клаусом Хемингом? На этот раз темноволосый.

– Непонятно, – сказал Мунк, проведя рукой по бороде.

Его глаза снова обратились к Мии.

– Фотоаппарат, направленный на трупы, – сказала она. – Адрес на

Бергенсгата, который он оставил. Я думала об этом, и, мне кажется, мы можем рассматривать это с двух точек зрения.

В комнате воцарилась тишина, все ждали, что она скажет.

– Либо Клаус Хеминг все еще жив...

– Это невозможно, – тут же возразил Мунк. – Я сам видел отчет.

– Либо убийца хочет рассказать нам, что он подражатель.

– Подражатель? – переспросил следователь со светлыми усами.

– Что он отождествляет себя с Хемингом. «Воспринимайте меня всерьез», понимаете?

И снова тишина, пока сказанное Мией дошло до них.

– У Хеминга же не осталось родственников?

На этот раз женщина.

– Нет, – ответил Мунк. – Ни жены, ни сожительницы, ни детей, ни даже брата или сестры.

– И мы абсолютно уверены, что он мертв?

Теперь усатый. Вопрос повис в воздухе, словно неприятный запах, к которому не хочется иметь никакого отношения.

Во всяком случае, Габриэль не хотел.

Клаус Хеминг?

Жив?

Нет, это...

Сам Габриэль был против смертной казни и, тем не менее, как и вся Норвегия, вздохнул с облегчением в тот день, когда услышал в новостях: Клаус Хеминг покончил с собой. Повесился на собственных шнурах в закрытом отделении психбольницы.

Справедливость восторжествовала – так все это расценили.

– Согласно данным норвежского государства, а также всех, с кем я разговаривал, Клаус Хеминг мертв и навечно упокоен на кладбище Нашего Спасителя.

– Но... – начал темноволосый.

– Мы придерживаемся второй версии, – строго прервал его Мунк. – Преступник использует Хеминга, чтобы сказать нам что-то. Показывает серьезность своих намерений.

– Ну да, но все же... – продолжил светловолосый.

Мунк проигнорировал его и немного полистал свои записи. Провел рукой по лбу, и вдруг стало заметно, как он измотан.

– Клининговая служба, – пришла на помощь Миа.

– Да, точно. Таинственный Карл Эйон был одним из тех, кого они называют разовыми работниками. Если преступления продолжатся и у нас

будут новые жертвы, может случиться, что жертвы брались из тех мест, где он работал. Так может показаться, но нет, это будет неверно.

Он ненадолго задумался.

– Возможно, жертв он выбирает не оттуда, но он все же каким-то образом использует эти места.

– А горное озеро? – с легким скепсисом спросил темноволосый.

– Мы говорим, скорее, об Опере, – ответила Миа. – Эта компания убирает в Опере? Мы ведь не проверяли это, Холгер?

– Теперь выясним, – пробормотал Мунк, потирая глаза.

– Мы знаем, что их клиентом был отель «Лундгрэн». А Опера тоже? Какие-то другие места? Возможно ли предотвратить новые жертвы?

Миа бросила взгляд на темноволосого, и тот кивнул.

– Я полностью за.

– Хорошо, – сказал Мунк и оглядел собравшихся. – Людвиг?

– Фоторобот этого Карла Эйона, из Отеля «Лундгрэн» и клининговой службы.

– Хорошо. Ильва?

Мунк огляделся по сторонам, но ее не было.

– Спит, – сказала Анетте. – Но я ей поручила камеры. Черт побери, скоро мы должны что-то выяснить по ним, он же не может быть привидением.

– Отлично, – сказал Мунк. – Габриэль?

– Телефон и компьютер Курта Ванга, проверяю все по Вивиан Берг, соцсети.

Теперь уже Мунк был по-настоящему утомлен и почти не уловил, что тот сказал.

– Ок, хорошо, Юн?

Тишина.

– От Карри мы ничего не слышали уже некоторое время, – сказала Анетте. – Я не знаю, где он. Попробую еще раз позвонить.

– Ладно, мне нужно покурить. Вся связь через Анетту. Все, что мы найдем, через нее направляйте ко мне, хорошо?

Все собравшиеся покивали и встали.

Габриэль вошел к себе в кабинет и собирался закрыть дверь, как Миа вдруг проскользнула за его спиной.

– Мне кое-что от тебя нужно.

– Конечно, что?

– Психиатр. Риттер. Мне нужен доступ к его базе данных.

– Что ты имеешь в виду?

Миа заговорила тише, бросив взгляд через плечо.

– Все, что у него есть. Все остальные. Остальные пациенты. Сможешь?

– Ты хочешь, чтобы я хакнул его систему?

– Да.

– Не знаю, – сказал Габриэль, когда валившийся с ног Мунк прошел мимо них с сигаретой в зубах. – Взломать клинику Блэкстад? Ты что, алле? Думаю, так я нарушу все правила Инспекции по защите информации, которые она когда-либо устанавливала, плюс я, вероятно, потеряю работу, и меня посадят в тюрьму на десять лет, и еще Мунк убьет меня. Мы не можем просто запросить доступ?

– Ты думаешь, они дадут нам доступ?

– Нет.

– И я не про Блэкстад, господи, о таком бы я даже не стала тебя просить.

– Нет? А про что тогда?

– У него частная практика около стадиона Уллевол. Только его пациентов оттуда.

– Не из Блэкстада?

– Нет, только частных.

Миа улыбнулась и склонила голову набок.

– Да, но, черт побери, Миа...

– Спасибо, – подмигнула Миа и погладила его по руке.

– Позвонишь мне, когда достанешь?

– Да, но я же не могу... – начал Габриэль, но Миа, достав телефон из куртки, уже вышла из кабинета.

Эллен Иверсен сидела у себя в машине около средней школы Морелльбаккен и жалела о том, что пригласила так много гостей. Сорок лет, что тут вообще праздновать? Она бросила беглый взгляд на себя в зеркало и почувствовала себя уставшей. Она и выглядела уставшей, под глазами мешки, кожа почти серого цвета, глаза покрасневшие. По виду она словно неделю не спала. *Черт, почему ей нужно было впутаться в это именно сейчас? Она же счастлива, правда?*

Она с ним познакомилась в магазине. Один из школьных учителей. Она даже не предполагала, это был совершенно обычный день, обычный покупатель.

- Чем я могу вам помочь?
- Я ищу кухонные стулья.
- Есть какие-то предпочтения?
- Может быть, Арне Якобсен, у вас есть такие?
- Есть.
- О, кстати, а тот, что стоит в витрине, чей он?
- Вообще-то, я сама его спроектировала.
- Не может быть!

Льстец. Все было так просто. Ему понравились ее стулья. И журнальный столик, который она сделала. И лампы. Он купил почти всю ее коллекцию. На зарплату учителя? Сначала она подумала об этом, ведь, признаться, ее работа – далеко не из дешевых. Но потом он рассказал, что его мать умерла и он получил наследство, и ей стало совестно за свою мелочность.

Боже мой, соберись уже.

Хватит.

Это ничем хорошим ни для кого не закончится.

Эллен Иверсен взглянула на часы в телефоне и почувствовала раздражение. Без двадцати два, через двадцать минут у нее зубной врач, а ехать туда минимум минут пятнадцать. Они же договорились на половину второго. Она взяла свой «Айфон» и попробовала позвонить ему. Еще раз. По-прежнему никто не отвечал. Сколько сообщений она послала ему? Пятьдесят? Был ли хоть один ответ? Нет.

Молодежь.

Ее сыну Рубену только что исполнилось четырнадцать, и он выпросил

себе последнюю, непомерно дорогую модель телефона, но отвечал ли он на ее звонки? Нет. Держал ли телефон заряженным, чтобы она могла с ним связаться? Нет. Платил ли за счета по связи сам, как они договаривались? Нет. Собирался ли он, по крайней мере, убирать у себя в комнате, помогать по дому, выносить мусор, делать хотя бы *что-нибудь*, чтобы она не чувствовала себя душой, давая ему деньги? Нет.

Она покачала головой и позвонила еще раз, по-прежнему не получив ответа.

Эти подростки.

Зубной врач. Почему сын сам не мог сходить к зубному?

«Как твой поход к зубному сегодня, Рубен?»

«К зубному?»

Тот же разговор две недели спустя.

«Как твой поход к зубному сегодня, Рубен?»

«Э-э, ты о чем?»

Я отпрашиваюсь с работы.

Забираю тебя из школы.

Ты приходишь в половине второго.

Это понятно?

Или записать у тебя на руке?

Эллен Иверсен вздохнула и достала из сумки помаду. Что это, седой волос в зеркале? Еще один? Опять нужно в парикмахерскую? Она же только что там была. Да чем она вообще занимается? Ей же на самом деле наплевать на несколько седых волос. Это даже красиво. Естественно. И на помаду тоже. Она не часто ею пользовалась. У нее и так красивые губы. Она осеклась. Вот я сижу около школы, чтобы, вообще-то, забрать сына, но вместо этого я разукрашиваюсь, как кукла, потому что *он* тут работает? Это на тебя непохоже, Эллен. Ты замужем. *Счастлива* в браке.

Ну, если можно так сказать – счастлива. Эллен Иверсен вышла из машины и направилась ко входу в школу. Она не была несчастной, нет, но что-то все же было не так. Скучно? Просто-напросто скучно?

Вся ее жизнь стала такой... практичной.

Ей не хватает огня, напряжения.

Начал накрапывать дождь, и она быстро пересекла площадку и постучала в дверь инспектора.

– Добрый день, чем могу вам помочь?

– Я ищу своего сына, Рубена Иверсена.

– Какой класс?

– 9А.

– Сейчас посмотрим. У них английский с Хейди Лаукванг, кабинет 104.

Эллен поблагодарила и пошла дальше по коридору. Постучала в дверь и помахала в дверное окошко. Хайди Лаукванг подошла и высунула голову в дверной проем.

– Добрый день, я могу вам помочь?

– Рубен здесь? Мы должны идти к зубному, и он, видимо, забыл...

Лаукванг подняла брови.

– Нет, Рубена сегодня нет в школе.

– Серьезно?

Эллен Иверсен почувствовала, как в ней закипает ярость с такой силой, что она стиснула зубы.

Ох уж этот чертов ребенок.

Прогуливает?

Она, конечно, подозревала, но все же...

Сегодня?

Когда они должны идти к врачу?

И она отпросилась с работы?

Что он вообще о себе думает?

Нет, с нее хватит...

Она заметила Мартина в классе.

– Можно мне Мартина на два слова?

Лаукванг подозвала его, и подросток вяло побрел в коридор. Он еле держался на ногах.

– Разве Рубен не собирался ночевать у тебя сегодня? – спросила Эллен, сжав зубы.

– Собирался, но не пришел...

– Ты говоришь мне правду, Мартин? – сказала Эллен, осторожно положив руку ему на плечо.

Хайди Лаукванг вернулась в класс, закрыв за собой дверь.

– Пфф, ясное дело, зачем мне врать вам?

– Но вы договорились о ночевке?

Мальчик кивнул.

– Значит, эта часть – правда?

– Все правда, – сказал Мартин, всплеснув руками. – Я понятия не имею, где он.

– И он не звонил тебе?

– Нет, клянусь. Поверьте мне.

– И ты не говорил с ним?

– Я пытался много раз и на «Фейсбуке», и по смс, но он не отвечал, и тогда я подумал, может...

– Что ты подумал?

– Что ему все-таки не разрешили. Ну, знаете...

– Знаю что?

– Ну, я хочу сказать, вы классная, но его отец же...

– Спасибо, Мартин, извини. Конечно, ты ни в чем не виноват.

Эллен Иверсен взяла себя в руки и на этот раз изобразила нормальную улыбку.

– Значит, ты не знаешь, где он?

– Понятия не имею, – сказал подросток, пожав плечами.

– Ладно, но как ты думаешь, куда он *пошел бы*, если бы вы, скажем так, решили не ходить в школу в какой-нибудь день?

Мальчик немного неуверенно взглянул на нее.

– Может быть, в Стуру? – пробормотал он наконец.

– Торговый центр?

– Ну да. Или я не знаю...

– Спасибо, Мартин, если ты что-то услышишь от него, передай, что я его ищу, ок?

– Ок, фру И, – кивнул долговязый подросток и исчез в классе.

Ишь чего, торговый центр Стуру.

Посреди белого дня.

Она ему покажет.

Эллен Иверсен ощутила, как ярость снова закипает внутри, пока она решительно шагала по коридору и полубегом добиралась до машины под дождем.

Стоя у офисного здания рядом со стадионом Уллевол, Габриэль Мерк жалел, что у него нет хоть какого-то прикрытия, и думал, что, наверное, все же стоило сообщить Мунку. Как это похоже на Мию. Законы и правила – для других. Конечно, ему стоило сообщить Анетте, полицейскому адвокату. Она бы послала запрос на получение доступа к базе психиатра Вольфганга Риттера. Но ответ? Ни в коем случае. Без шансов. Естественно, нет. Как же иначе. О скольких пациентах могла идти речь? Двадцать лет копать у людей в душах? Может быть, о тысяче? Двух тысячах? Цифры говорят сами за себя. И, как бы важно это ни было, он знал одно: судья сам мог оказаться одним из пациентов.

Когда Габриэль вошел в здание и поднялся на лифте на четвертый этаж, под воротником побежали мурашки. Несколько офисов. К счастью. Это все упростит. Зубной врач. Гинеколог. И Риттер. За стеклянной дверью стойка ресепшена. Габриэль быстро осмотрелся. Кажется, общий зал ожидания располагался дальше по коридору. Несколько кресел. Маленький диванчик. Он сделал вдох, открыл дверь и улыбнулся женщине на ресепшене. Пожилая дама с белыми кудрями и очками, спущенными на нос. Прикинуться валенком. И снова ему захотелось за что-то спрятаться, он кашлянул и пошел к зоне ожидания. Мужчина со шляпой на коленях. Стопка журналов на столе. На стенах плакаты. Стойка с брошюрами у стены. Он слегка кивнул мужчине, который не посмотрел в его сторону, и достал «Макбук» из рюкзака. Сел с ноутбуком на коленях, изо всех сил стараясь выглядеть как ни в чем не бывало. Будь что будет.

Он обдумывал, как это лучше сделать, но пришел к тому, что это единственная возможность. Чтобы залезть в компьютер Риттера, ему нужен был доступ к сети. Здесь всего три варианта: дома у Риттера. Эээ, нет. Следить за Риттером, пока тот не подключится к общей сети. На это времени не было. Офис. Единственный шанс. Он включил «мак» и огляделся. Мужчина по-прежнему не смотрел на него. Женщина на ресепшене бегло взглянула на него, но сразу же перевела взгляд на свой стол, кажется, ничего не подозревая. Да и почему она должна? Гинеколог. Зубной врач. Психиатр. Люди постоянно ходят туда-сюда.

Он подождал несколько секунд.

Wi-fi. Поиск сети...

Появилась целая куча сетей. Проблема в том, что он в офисном здании.

Компьютер обнаружил все сети нижнего и верхнего этажей. Он быстро проглядел список и нашел сеть, похожую на ту, которая ему нужна. *Общий4*. Общая сеть на все офисы? Блестяще. Лучше и быть не могло. Больше трафик. Меньше шансов, что кто-то обнаружит, что он был здесь. Он открыл одну из программ, которую скачал по пути из офиса.

John The Ripper.

Интересно, люди вообще знают, что существуют такие программы? В свободном доступе в Интернете для всех заинтересованных. Можно хакнуть без каких-либо знаний, просто запустить программу. Скопировать в поле ссылки. Нажать на кнопку, и все произойдет само собой. Конечно, это займет некоторое время, и он почувствовал, как начинает нервничать, когда дама на ресепшене вновь бросила на него взгляд поверх очков.

Желто-красный логотип с изображением Джека Потрошителя. Жутковато, но зато сделает всю работу. Он уже хотел дважды кликнуть по иконке, когда ему пришло в голову, что есть более простой способ. «Джон Потрошитель» очень хорош, и тем не менее ни одна программа не сделает такое за пару секунд – на это требуется не меньше десяти минут.

Он быстро решил, поставил Макбук на стол и подошел на ресепшен.

– Извините, – кашлянул он и изобразил самое невинное лицо. – Я жду свою девушку. Вы не подскажете, в какой сети я могу залогиниться?

– Конечно, – улыбнулась женщина и написала пароль на бумажке.

Сама любезность.

– Называется «Общий4».

Желтый стикер на столе.

– У нас с ним были некоторые проблемы, но думаю, сейчас все должно работать.

– Большое спасибо, – сказал Габриэль, испытывая угрызения совести.

Такая милая женщина, а он стоит тут и лжет ей в лицо. Но ничего не поделаешь. Цель оправдывает средства, так ведь?

Он вернулся на диван как можно спокойнее и напечатал пароль.

«Общий4».

JpFrPh45.

Во всяком случае, они подобрали пароль, который непросто взломать. Вот только выдают его всем подряд.

Габриэль отбросил эти мысли и не смог сдержать улыбки, когда черные дуги вверху экрана показали, что он вошел в сеть. Бабочки в животе вернулись, как в старые добрые времена. Он толком даже не понимал, что это за чувство, но его это всегда завораживало. Ничего не портить – такого он себе никогда не позволял, – но просто осознавать, что

все в его власти. Проникнуть туда, где его быть не должно. Используя мозг, работать на опережение. Кайф.

Он вздрогнул, когда открылась стеклянная дверь. Мама с ребенком. Обычно Габриэль занимался такими вещами, спокойно сидя дома в своем подвале, но здесь все было иначе. Открыв протокол подключения, он вдруг почувствовал себя обнаженным. В Сети пять машин, в том числе его Макбук. Он внезапно заволновался, не нужно ли скрыться получше, сделаться совсем невидимым, но уже слишком поздно. Все равно только профи сможет увидеть, что он побывал здесь, и даже тогда его будет сложно вычислить.

Таблички на дверях.

Гинеколог, Марит Энг. *Mrit_Eng*.

Зубной врач, Герт Оверше Вик. *Gover_V*.

Психиатр, Вольфганг Риттер. *Wolf_Ritt*.

Он два раза щелкнул мышкой по Джеку Потрошителю и вбил в программу запрашиваемые данные.

Уже через пятнадцать минут он вышел на улицу с Макбуком в рюкзаке и колотящимся сердцем в груди. Бросив последний взгляд на окна четвертого этажа, натянул капюшон на голову, нашел номер Мии в телефоне и быстрыми шагами направился к стоянке такси.

Раннее утро. Еще нет и шести. Наверное, это самый скучный маршрут в мире, но тридцатидвухлетний Юнас Ульсен сидел за рулем с широкой улыбкой на губах. Вчерашний вечер еще теплился в душе. Он не мог поверить, что это правда. Что и правда было так хорошо.

Почти нереально.

Апрель. Весна уже в пути, на улице еще темно, но на деревьях уже появились зеленые листочки. Обычно это тяготило его. Одиночество всегда усиливалось в это время года. Странно, не правда ли? Как правило, думают, что все наоборот, что сложней всего в темное время года. Но нет, вероятно, это не так, он прочел об этом в Интернете. В Норвегии совершается больше шестисот самоубийств в год, и большинство из них – именно весной. Юнас не совсем разобрался, там было что-то про то, что зимой все подавлены, но когда выходит солнце, то люди чувствуют, что они другие. Становится очевидно, что в теле засела тьма, когда на улице так светло, – что-то в таком духе, он не понял всего, что там было написано.

Юнас Ульсен наклонился вперед и включил радио. Вокруг начало рассветать. Пенсионерский маршрут – Хьельсос, Грефсен и Маридален. Комфортный, если ты из ленивых, в основном спокойный, остановок не много, и между ними большое расстояние. По крайней мере, сейчас он туда и направлялся: в лагерь Скар, прекративший свою деятельность военный городок, теперь служивший частью старшей школы. Ему всегда казалось, что это ненужная поездка. Вдали от города. Вдали от проторенных дорог. Он не мог себе представить, кто и зачем может выдержать такую поездку – разве что чтобы украсть несколько мелков и устаревших компьютеров. Но это было частью его работы, и сегодня это в любом случае не играло роли. Он нашел радиостанцию с любимой песней и стал постукивать пальцами по рулю и напевать.

Вообще-то, он уже оставил мысль, что сможет найти девушку. Слишком странный. Слишком застенчивый. Слишком неуклюжий. Он с ужасом вспоминал школьные времена. Его робкие попытки наладить контакт с противоположным полом, как правило, заканчивались ничем. В основном он сидел дома, уткнувшись носом в книгу. И вот... Нет, он просто не мог поверить. Линда. Временный секретарь на ресепшене. Постоянная секретарша ушла в декрет. *Линда*. В ней было что-то особенное. Он не мог сказать, что именно. Но он знал, что скоро это время

закончится. Та, другая, секретарша скоро выходит на работу. Ему хотелось остановить календарь в комнате отдыха на работе. Пусть дни не идут дальше. Пока время неподвижно, она никогда не уйдет.

И тут, ни с того ни с сего, она спросила: «Давай как-нибудь выпьем кофе?»

Он так ошалел, что едва сумел открыть рот: «Да... давай!»

«Или поужинаем, если хочешь? В субботу? Тебе удобно? Или, может быть, ты занят?»

«Занят? Нет-нет, в субботу отлично».

И вот улыбающиеся глаза посмотрели на него, и она подвинула ему бумажку. С номером телефона.

В машине он с трудом смог попасть ключом в замок зажигания. Радость моментально сменилась привычным страхом. Страх обуял его, чувство, что он медленно тонет в темной ледяной воде. Нет-нет-нет. На что он только что согласился? Из этого не выйдет ничего хорошего. Нужно все отменить. Что он ей скажет? Она возненавидит его, когда увидит, какой он дурак. Нервный. Испуганный. Не может нормально разговаривать. Все время несет чушь. Он столько раз испытывал это раньше – смех, шепот за его спиной, когда он проходил мимо кого-то в школьном коридоре или на работе, если на то пошло.

Но ей он понравился.

– Ты мне очень нравишься, Юнас.

Линда.

– Хочешь, завтра тоже куда-нибудь ходим?

Он просто не мог поверить, что это правда.

Словно мир внезапно решил передать ему еще один радостный привет, солнце вдруг встало и унесло тьму с лесов вокруг озера Маридалсванне. Новое утро в царстве весны. Яркие приятные цвета вокруг со всех сторон. Какая большая разница, подумал он, направляясь к парковке Скара. Природа во тьме и природа в свете дня. Жизнь в одиночестве. Жизнь с... Он даже не смел закончить свою мысль. Они же провели вместе только один вечер. Велика вероятность, что он опять опростоволосится. Не надо забегать вперед. Наслаждайся моментом. Этим упоительным чувством внутри.

Парковка в Скаре. Там можно подняться через лес к Эйунген. Покормить уток. Можно поставить палатку на ночь и смотреть, как выныривает рыба. На парковке стояла заведенная машина, и он почувствовал раздражение. Неужели это так необходимо? Почему люди не могут просто подумать головой? Юнас Ульсен выключил мотор и вышел,

чтобы проверить ворота. Цепь была на месте. Замок нетронут. Он быстро оглядел территорию лагеря. Ни следа чего-либо подозрительного. Все как надо. Он уже собирался вернуться в машину, как вдруг заметил то, что его остановило. Та машина с заведенным мотором... С ней что-то... не так? Он сделал несколько шагов в ее сторону. Он же охранник как-никак. И он ответственен за то, чтобы везде был порядок. Что это такое?..

Он увидел отчетливо, только оказавшись в нескольких метрах от машины. Из открытого окна со стороны пассажира сочился дым. Немного, только тоненькая серая струйка, но тем не менее...

Эй?

Юнас Ульсен постучал в окно, но, видимо, внутри никого не было видно.

– Будет лучше, если вы не будете оставлять машину на холостом ходу. Не могли бы вы?..

Ответа не последовало. Странно. Он постучал еще раз.

– Эй!

Никто не ответил. Охрана. Его обязанность. Разве нет? Ульсен постучал в окно в третий раз, затем открыл дверь и увидел два пустых сиденья, окутанных серым дымом.

– Эй?

И тут он все увидел.

Что-то горело.

На заднем сиденье.

Маленький кукольный домик?

– Здесь есть кто-нибудь?

Тут Юнас Ульсен почувствовал страх. Темная вода. Он быстро высунул голову из машины, отошел на несколько шагов, пальцы нащупали клавиатуру на рации, прикрепленной к нагрудному карману.

– Центральный, это ЮУ, маршрут КГМ, я в Скаре, как слышите, прием?

Он еще дальше отошел от машины, чувствуя, как застучало сердце.

– Центральный? Это ЮУ. Вы меня слышите? Прием?

До этого он не видел, но теперь заметил. Маленькая щелка. Багажник. Не полностью закрыт.

Он не хотел, но избежать этого было нельзя.

Нет.

Юнас Ульсен видел свои руки со стороны, словно это не он открывал крышку багажника.

– Центральный? Вы?

В багажнике лежал молодой парень.

– Центральный?

С широко раскрытыми глазами.

– Эй?

Для него это было слишком.

Когда по рации наконец ответили, Юнас Ульсен уже был в обмороке.

Миа Крюгер проснулась от телефонного звонка и не смогла понять, как заснула. Она всю ночь вертелась на матрасе, несколько раз вставала. Перед глазами стояли фотографии Вивиан Берг. Хрупкое белое тело, наполовину закрытое темной водой. Отчаянные глаза Каролине Берг, океан горя, еще не достигший поверхности. Надпись на стене. Ужас в глазах Курта Ванга.

Пойдем, Миа, пойдем.

Картинки с ее сестрой, бегущей по полю.

Снова.

Их так давно уже не было, но вот они вернулись.

Она вошла в комнату, где лежали коробки. Подумала, не открыть ли одну из них.

Альбом Мии.

Посмотреть на бабушку. Обычно это помогало.

На ту, что выла на луну по ночам, и которую соседи называли ведьмой, но для Мии она была единственным нормальным человеком в этом безумном мире.

Ты же не слушаешь.

Саму себя.

Разве ты не собиралась в отпуск?

Ты знаешь, что нездорова, Миа?

Мрачные ночные мысли и тело, не перестающее дрожать. Наконец она подумала: «Лорри» ведь открыт до трех?

Два пива и стопка «Егеря», только чтобы заснуть?

Берлога трансвестита Чарли Бруна на Тейене ведь всегда открыта?

Пара таблеток, чтобы отдохнуть?

Очевидно, она справилась, сама не ведая как. Телефон на ночном столике показывал чуть за половину восьмого.

– Да?

– Ты проснулась?

Анетте Голи.

Опытный полицейский адвокат обладала моторчиком, каких Миа никогда ни у кого не видела, и казалось, что ей не нужен ни сон, ни еда, чтобы существовать.

– Теперь да, – зевнула Миа. – Что такое?

– Еще один, – коротко сказала Голи.

– Где? – спросила Миа, встала с кровати и заметила, что она в одежде.

Она оделась, да?

Чтобы сбежать к Чарли в Тейен?

Вот дерьмо.

– Маридален, – сказала Анетте. – В багажнике, кажется, еще одной угнанной машины.

– Девушка? – уточнила Миа, войдя в ванную.

– Нет. Молодой парень.

Она была там?

Нет, она осталась чиста.

С трудом, но она справилась.

– След от укола на груди.

Миа наскоро ополоснула лицо холодной водой. Почувствовала, как приходит в себя.

– Четырнадцать лет. Роберт Иверсен.

– Мы уже знаем, кто это?

– Да. Его одежду нашли в пакете около машины. Телефон и банковская карточка. Он лежал раздетый в багажнике, в одних только...

– В чем?

– В плавках.

– Повтори.

Миа сняла куртку с вешалки.

– Он лежал в багажнике почти голый, одетый в одни плавки, на сиденье лежал горящий предмет.

– Что горело? – спросила Миа, обуваясь.

– Кукольный дом. Ты едешь?

– Где вы?

– В Маридалене. Парковка около лагеря Скар.

– Семейю оповестили?

– Мать заявила о его исчезновении вчера поздно вечером. Пытаюсь связаться с ней. Ты едешь?

– Сейчас приеду, – сказала Миа и отключилась.

Журналист Эрик Рённинг стоял чуть поодаль от ограждений лагеря Скар и жалел, что не надел свитер потеплее под пальто из верблюжьей шерсти. Весна? Разве она не должна уже наступить? Видимо, нет. Обычно он не работал над такими делами, как это. Он был журналистом художественно-публицистического жанра и лучше всего чувствовал себя в помещении. А еще лучше у камина в своей квартире во Фрогнере, в идеале – перед клавиатурой, с бокалом коньяка и сигарой. Несколько лет назад Рённинг получил премию СКИП^[9], за ряд публикаций о бездомных Осло, но даже тогда он редко покидал свой дом. Именно в этом и заключалась причина того, что он стоял здесь. Его начальник, редактор газеты «Афтенпостен» Гейр Грунг, вызвал его к себе в кабинет несколько месяцев назад. Хотел услышать от него правду о ходивших слухах. Правда ли, что он только отправлял фотографа сделать фотографии бомжей, а потом выдумывал их истории? Что он фальсифицировал интервью? Что все эти душераздирающие истории, выходившие целой серией в субботних выпусках газеты, оказались дерьмом? Неужели это правда?

Эрик Рённинг ничего не стал ни признавать, ни отрицать, уж это он умел. Будь у него интерес к другим людям, он мог бы стать политиком, но люди его не интересовали. Двадцатисемилетний журналист очень хорошо знал: если выяснится, что он действительно сфабриковал все истории, это серьезно навредит репутации газеты. Так что он не особенно переживал по этому поводу. Он предположил, что они попытались спасти свою шкуру, и оказался прав. Как бы то ни было, в качестве подходящего наказания его стали отправлять на такие дела, как это. Труп, оказавшийся в горном озере, одетый в балетный костюм. Труп в обшарпанном гостиничном номере. Связь? Полиция сказала, что нет, но им доверять нельзя. Теперь еще один труп, на парковке около одного из самых популярных мест для прогулок в Осло. Они еще не узнали, кто это. Наверняка наркоман. Убитый ревнивой подружкой. По большому счету Эрику Рённингу было наплевать.

Если только не...

Он плотнее укутался в пальто и пожалел, что не надел шапку. Он подумывал об этом, стоя дома перед зеркалом, но решил не надевать. Шапка всегда портила его прическу. Он выбрал тонкий серый кашемировый свитер с высоким горлом, хорошо подходивший к бежевому пальто, и пару коричневых овечьих перчаток, достаточно коротких, чтобы

было видно часы «Брайтлинг», которые он только что купил. Те, что рекламировал Леонардо Ди Каприо. Ими он особенно гордился. К счастью, ему хватило ума надеть под брюки тонкое шерстяное термобелье. Он же все-таки живет в Норвегии. Пока что. Возможно, потом будет Монако? С мыслью об этом он инвестировал в акции несколько месяцев назад.

Миа Крюгер?

Это означало, что и Мунк должен быть здесь. Важные птицы. Может быть, труп на парковке все-таки был не замерзшим до смерти алкашом и не студентом, покончившим с собой. Миа и Мунк? Сначала балерина, потом джазист, а теперь вот это? Значит, связь все же есть? Рённинг улыбнулся про себя и почувствовал, как внутри защеколало. Неужели это... *серийный убийца*? Это уже кое-что. Действительно, дело для человека его калибра. Может быть, удача все же не оставила его. Рённинг пробрался сквозь толпу и нашел Уле Лунда, коллегу из «ВГ».

– Что там? – спросил Рённинг.

– Пока мы знаем немного, – ответил Лунд. – Но ходят слухи, что это совсем молодой парнишка.

Рённинг достал из кармана сигарету.

– Студент?

– Не знаю. Возможно.

– Что там? – спросила только что подошедшая журналистка.

Она из газеты «Дагбладет». Зовут Вибекке как-то там. Рённинг не помнил, все равно она корова. Он однажды пытался закадрить ее в баре отеля «Гранд». Ему понравилось, как смотрелось ее платье сзади.

– Студент, – соврал Рённинг. – Скорее всего, самоубийство.

– Что ты такое говоришь? – спросила Вибекке Корова. – По полицейской рации они сказали другое.

– А что? – любопытствовал Лунд.

– Четырнадцать лет, – продолжила Вибекке, взглянув на Рённинга. – У тебя не такая информация?

– Понятия не имею. Я только приехал, – ухмыльнулся Рённинг, закуривая.

– Дурак.

Вибекке Корова покачала головой и пошла к ограждениям.

– Уже есть имя?

– Неофициально, но говорят, его зовут Рубен Иверсен. Четырнадцать лет.

Еще один, молодой парень в очках. Из «Дагсависен».

– Откуда ты знаешь? – спросил Лунд.

– Есть свои источники, – ухмыльнулся очкарик.

Рённинг достал свой телефон и отправил быстрое смс: «Жертва, вероятно, Рубен Иверсен, 14, найдете школу? Отправьте туда кого-нибудь? Семья, одноклассники, учителя и т. д.?»

Вдруг толпа зашевелилась.

– Голи!

– Анетте!

Через ограждения выехала черная машина. Вспышки и тянущиеся ручонки, шипящие языки через плечи операторов с ТВ-камерами.

– Голи!

– Анетте!

– Связано ли это с другими жертвами?

Вот именно.

Значит, не только ему в голову пришла эта мысль.

Хорошо. Это вызов. Пора показать им, кто он такой. Он не может стоять здесь, как остальные уличные журналисты-проститутки.

Эрик Рённинг отступил чуть назад, оттуда был лучше обзор. Может, он и ленив, но не дурак. Потому он и был приближенным редактора Грунга. Его любимчиком. Рённингу это нравилось, действительно нравилось, и он чувствовал стыд за то, что немного подвел его. Взгляд, которым Грунг одарил его, когда до старого газетчика дошло, что его удостоенный премии любимчик провел их всех.

Ок, ладно. Нет повода вешать нос. Самое время заслужить икру. Он отошел еще немного, чтобы посмотреть, нет ли другого пути наверх. Мунк и Миа, да, это роскошь, но остальные? Какие-нибудь парни из полиции низших чинов? Они, небось, просто понабрали охранников из торгового центра, всю команду, и Рённинг сомневался, что им удалось обезопасить это место происшествия за такое короткое время. А обезьянки все еще неподвижно толпились кучкой перед ограждением, задрав головы.

Новички.

Неудивительно, что вы никогда ничего не добиваетесь.

Эрик Рённинг слегка улыбнулся самому себе, выбросил сигарету и стал искать другой путь наверх к парковке.

Миа прибыла на парковку у лагеря Скар, где ее встретил Мунк с выражением беспокойства на лице.

– Ты не спала?

– В смысле?

– Ты выглядишь просто ужасно.

– Ну и ну, спасибо тебе, – ответила Миа.

– Извини, я не то имел в виду, все нормально?

– У меня все хорошо. Что тут у нас?

– Снова машина, – сказал Мунк, кивнув в сторону края парковки. – Угнанная. У семьи в Экерне. Вернулись домой из отпуска – машины нет.

– А почему мы стоим тут?

– Судмедэксперт хочет все закончить.

– Это та новенькая?

Миа кивнула на открытый багажник, где темноволосая женщина, оживленно жестикулируя, заставляла людей вокруг бегать, выполняя ее поручения.

– Лиллиан Лунд.

– Строгая дама?

– Вроде ничего, – кивнул Мунк.

– Отметина от шприца?

– Да.

Миа увидела очередную камеру на штативе, направленную на заднюю часть машины.

– Ты проверил фотоаппарат?

– Тринадцать, – медленно проговорил Мунк.

– Черт.

– Тебе это о чем-то говорит?

Он повернулся к Мии и прикурил новую сигарету.

– Четыре, семь, тринадцать?

– Ты у нас математик, – сказала Миа, потирая заспанные глаза.

– Числа из лотереи?

– Что-что?

– Нет, ничего. Эти числа. Ненавижу, что он играет с нами таким образом.

– Кто нашел его?

– Охранник. Ульсен. Он был в шоке. Я отправил его в Гренланд. Анетте его допросит.

– Давно?

– Пару часов назад, а что?

Миа кивнула на дорогу.

– И уже куча прессы?

Мунк пожал плечами.

– Волки чуют кровь, – пробормотала Миа.

К ним подошла криминалист. Она спустила маску с лица и вздохнула, обращаясь к Мунку.

– Вы дали на это добро?

– Что?

– У нас нет доступа, пока не закончат с медэкспертизой.

– Это не займет много времени.

– Да, но...

– Вы искали в лесу? – спросила Миа.

– Да, конечно, ищем. Мы почти не осмотрели машину.

– Продолжайте прочесывать окрестности, – кивнул Мунк. – Мы приступим, как только они закончат.

Криминалист покачала головой, пробормотала что-то, что они не расслышали, и, натянув маску, ушла к своим коллегам.

– Кукольный домик? – с любопытством спросила Миа.

– По словам охранника, он горел на заднем сиденье, когда тот подошел.

– Ты искал по нему информацию?

– Да, думаю, найти не составит труда.

– Почему?

– На вид он ручной работы. Не ширпотреб из «Toys'R'Us». Я видел такие.

Он улыбнулся.

Марион, его внучка. Его любимица. Он настолько щедро осыпал малышку подарками, что мать в конце концов запретила это.

– Кто-то уже занимается этим?

– Да, Гренли работает.

Мунк затаился сигаретой, когда к ним подошел еще один криминалист. Он собирался было заговорить, но Мунк опередил его:

– Мы ждем, – сказал он резко. – Еще немного терпения.

– Огорожена вся территория? – спросила Миа.

– Надеюсь, – ответил Мунк. – Да, кстати. Людвиг ничего не нашел.

Просил меня передать тебе.

– О чем ты?

– Ты же просила узнать о деле со сгоревшим домом? Номер 47? 74?

– Да.

– Ничего нет.

– Но попробовать стоило.

– Кстати, хорошая мысль.

– Не так трудно. «Братья Львиное сердце», горящий дом?

– Кажется, ты была права, – сказал Мунк, кивнув на машину.

– Когда охранник пришел, домик еще горел?

– Думаю, да. Как я уже сказал, он был не в себе.

– И что мы предполагаем?

– О времени преступления?

– Ну да.

– Он сказал, что пришел около пятнадцати минут седьмого.

– И как долго горят такие штуки?

– Невозможно сказать. Если его подожгли, скажем, пару часов?

– То есть где-то между тремя и четырьмя часами ночи?

– Может быть, даже позже.

– Прямо у нас под носом.

– Знаю, – сказал Мунк, затушив сигарету.

– Как он сюда добрался?

– Понятия не имею.

– Так рано ведь нет автобусов?

– Нет, первый прошел только что.

– Значит, на своей машине?

– Маловероятно, – сказал Мунк, подумывая, не закурить ли еще, сразу же, но не стал. – Хотя кто тогда вел эту машину?

– Велосипед?

Мунк пожал плечами.

– Возможно, на дороге есть камеры, тут недалеко магазин. Мы проверяем.

– Без одежды?

– Одет в одни плавки. Одежда сложена в мешок около машины.

– Он раздел его здесь? Но, черт, это же...

– Знаю, – кивнул Мунк и все же закурил новую. – Я начинаю думать, что ты ошибаешься.

– Насчет чего?

– Насчет того, что жертвы случайны. Я думаю, он точно знает, кто ему

нужен. И что он будет с ними делать.

Мунк нахмурился, его взгляд помрачнел, когда у него зазвонил телефон. Он слегка покачал головой и отошел на несколько шагов, чтобы ответить.

– Миа Крюгер?

– Да?

Темноволосая женщина, ровесница Мунка, подошла к ней, сняла маску и протянула руку.

– Лиллиан Лунд. Судмедэксперт. Мы готовы забрать его.

– Вивиан Берг тоже занимались вы?

– Да.

– И Куртом Вангом?

– Да.

– Вы уверены, что речь идет об одном преступнике?

– Схема действий одинаковая, да. Гарантировать, что это не преступница, не могу. След от иглы в сердце. В остальном никаких явных повреждений, что мне кажется странным.

– Почему?

Лунд недоуменно посмотрела на нее.

– А следы борьбы? Соппротивления? Почему их нет? Разве это не странно? Ни у кого из них.

– Под ногтями ничего?

Судмедэксперт пожала плечами.

– Чтобы сказать на сто процентов, надо исследовать в лаборатории, но пока нет, насколько я могла увидеть. Прямо как у остальных.

– Раны вокруг рта?

Лунд чуть наклонила голову набок и посмотрела на нее.

– Это вы их увидели?

– Да.

– Похвальное наблюдение, – кивнула Лунд. – Здесь то же самое. На этот раз под скотчем.

– Скотчем?

– Да. Рот заклеили. Посмотрите на него, прежде чем мы заберем тело с собой?

– Конечно, – кивнула Миа. На этих словах Мунк поспешно вернулся к ним.

– Холгер, – улыбнулась Лиллиан Лунд.

– Привет, Лиллиан.

– Что у тебя? – спросила Миа.

- Они нашли его, – задыхнувшись, прошептал Мунк.
- Кого?
- Реймонда Грегера. Он едет сюда из Ларвика.
- Хочешь, чтобы я занялась им?
- Вместе. Нам в любом случае нужно подождать. Он попросил об адвокате.
- Хотите осмотреть тело? – повторила Лиллиан, надевая маску.
- Естественно, – кивнула Миа и последовала за новым судмедэкспертом к открытому багажнику.

Мунк и Анетте Голи стояли за зеркальным стеклом, позволив Мии вести допрос одной. Иногда это оказывалось лучшим решением. Не так угрожающе. Ведь у них ничего не было на этого человека, Реймонда Грегера. Только слухи, эта история из Буде. Никаких улик. Никаких свидетелей, которые видели его поблизости от места преступления. Ни телефонного трафика, ни одна вышка не зафиксировала его номер в зоне убийства. Семейная связь, но это мало поможет, если они не заставят его заговорить.

Миа начала допрос, и Мунк повернулся к Анетте.

– Прибавишь звук?

Анетте кивнула и покрутила диммер на панели у двери.

– Сейчас 12:14, – начала Миа, наклонившись ближе к микрофону. – Первый допрос Реймонда Грегера. В комнате присутствуют Реймонд Грегер, адвокат Альберт Х. Виик и следователь по делам об убийствах Миа Крюгер.

Ее голос звучал мягко и плавно. Заходя в комнату, она улыбнулась присутствующим. Хорошо сыграно. Мунк много раз видел, как Миа теряла контроль на допросе, позволяя эмоциям взять верх, но не в этот раз.

– Я хочу начать с того, что мой клиент выражает непонимание по поводу выдвинутых против него обвинений, – сказал адвокат, поправив узел галстука. – Если вы не предоставите обвинительный акт, мы будем ходатайствовать о немедленном освобождении, и я сразу хочу официально заявить, что мы рассматриваем возможность подачи встречного иска по причине обвинений против моего клиента в СМИ.

Эти адвокаты. Мунк покачал головой и расстегнул одну пуговицу на пиджаке.

– Нет абсолютно никаких обвинений, – сказала Миа, продолжая улыбаться. – И я могу только извиниться за все, что произошло. Как вы наверняка знаете, у нас в распоряжении есть сорок восемь часов, но, конечно, мы надеемся закончить с этим как можно скорее. Вы сотрудничаете, рассказываете то, что нам необходимо, и мы сразу же вас отпускаем. Вот как мы смотрим на это. Вы живете на даче, так ведь? На больничном?

Грегер бросил взгляд на адвоката, тот кивнул в ответ.

– Просто в последнее время столько всего навалилось. Переработал. Я

сам хотел продолжать работать, но врач порекомендовал провести несколько недель в тишине и покое.

– Понимаю. И вы не знали о том, что случилось? О том, что вашу племянницу нашли мертвой?

– Нет, к сожалению, – сказал Грегер, и казалось, что он действительно очень расстроен. – Это не моя дача. Друг разрешил пожить в его доме. Ему нравится, когда все очень экономно, ни Интернета, ни телевизора, только электричество от маленькой солнечной панели.

– Поэтому, когда приехала полиция, вы были совершенно обескуражены?

Сосед по даче сообщил в полицию после объявления на канале ТВ2.

– Нет, я ничего не знал. Бедная девочка. Какая трагедия.

– Вы брат Каролине Берг, верно? – спросила Миа, пролистав свои записи.

И снова спектакль. На самом деле она прекрасно знала, что там написано.

– Сводный брат, – кивнул Грегер. – Моя мать вышла замуж во второй раз. За ее отца. И я был в качестве доверенного, так сказать.

– Что произошло с теми девочками в 2007 году? – вдруг спросила Миа.

От неожиданности Грегер вздрогнул. Адвокат стал похож на вопросительный знак. Мунк немного позлорадствовал и снял пиджак.

– Что вы имеете в виду? – спросил Грегер.

Идиот.

Мунк покачал головой. Он же должен был понимать, что они найдут информацию, пусть она и не сохранилась в архивах.

– Думаю, мой клиент хочет воздержаться от... – начал адвокат, но его остановил подзащитный.

Он снял очки и потер лицо.

– Это был не я, – наконец произнес Грегер и покачал головой.

– Не вы? – сказала Миа, снова пролистав бумаги. – Камилле было семь. Хеге – девять. Вы подобрали их обеих по пути из школы под разными предложениями. Обманом заманили к себе в машину. Держали их в плену много часов. Любите маленьких девочек, да? Любите играть?

– Теперь я думаю... – пробормотал адвокат, его лицо покраснело, но Грегер снова перебил его.

– Это был не я, – сказал он угрюмо.

– Вы этого не делали?

– Делал, но это был не я.

– Это вам придется пояснить, – сказала Миа, снова надев

дружелюбную улыбку. – Две маленьких девочки? Украденные среди бела дня, против их воли?

– Послушайте, – сказал Греггер. – Я был... у меня было... это было ужасное время для меня. Жена... ушла от меня. Она постоянно врала мне, понимаете? Судья встал на ее сторону. Она получила опеку. Моя дочь... мне нельзя ее видеть с тех пор.

Миа бросила незаметный взгляд через плечо, в сторону зеркала.

– У него есть дочь? – сказал Мунк, обращаясь к Анетте.

– Сорри, мы этого не знали, моя ошибка, – пробормотала светловолосая полицейский адвокат. – Займусь этим.

Она торопливо достала телефон из кармана и вышла из комнаты.

– Ваша дочь? – спросила Миа. – Сколько вам лет?

– Пятьдесят семь.

– А ей?

– Нине. Летом ей исполнится тринадцать.

– Значит, в 2007 ей было семь?

Мунк услышал раздражение в голосе Мии, и он отлично ее понимал. Пойти на допрос неподготовленной. Это была его вина. Ох, как непрофессионально.

– Так что?.. – начала было Миа, но Греггер ее перебил.

– Я не оправдываю свой поступок. Это было неправильно. Я знаю это. Конечно, просто... как я уже сказал, это было тяжелое время. Все, что я построил, вдруг ушло у меня из-под ног. Нина была, Нина... да...

Греггер снял очки и вытер что-то, похожее на слезу.

Спектакль?

Мунк не мог сказать наверняка.

– Значит, вы скучали по дочери и решили найти кого-то, чтобы поиграть? – сказала Миа, на этот раз без тепла в голосе.

– Да, – кивнул Греггер, потупив взгляд.

Адвокат молча сидел с приоткрытым ртом и выглядел таким же пораженным, как и все слышащие допрос.

– Вы же понимаете, как это звучит? Две маленькие девочки. Похищены.

– Я знаю, *знаю*. Я был сам не свой. Я ничего не сделал. Мы просто... – сказал Греггер, уронив голову на руки.

– Игнали? – с сарказмом сказала Миа.

– Вообще-то, я попросил наказания, – быстро проговорил Греггер. – Я не хотел причинить вред девочкам. Я говорил в суде, посадите меня.

Дверь открылась, вернулась Анетте.

– Дочь. Тринадцать лет. Бывшая жена развелась с ним в 2007-м, получила полную опеку, без права посещения отцом. Утверждала, что с его стороны было физическое и психологические насилие над ними обеими. Я попыталась найти судью, которая вела дело, но не дозвонилась до нее, удалось поговорить только с сотрудником архива.

Миа бросила взгляд на зеркало.

Помогите же мне чуть-чуть?

– Так почему вам не разрешили видеться с ней? С Ниной?

– Она солгала, – коротко ответил Греггер.

– В чем же?

Адвокат, отчаявшись, оставил все усилия и сидел, откинувшись на спинку стула, пустив все на самотек.

– Она говорила, что я плохо с ними общался.

– А вы не делали этого?

– Слушайте, я не идеален, но все же...

У Мунка запищал телефон. Он быстро достал его из пальто. Сообщение от Людвиг Гренли.

«Мы нашли кукольный домик. Послать Карри?»

– Что будем делать? – спросила Анетте. – Это наш преступник?

Мунк покачал головой.

– Его не видели поблизости от наших эпизодов, так ведь?

– На данный момент ничто не указывает на это.

– Контакт с Вивиан не было?

– По словам Габриэля – нет.

– Вызвольте ее оттуда, – сказал Мунк, покачав головой.

– Время 12:24, – сказала Миа, когда Анетте просунула голову в дверь. – Пока что заканчиваем допрос Реймонда Греггера.

– А что нам?.. – занервничал адвокат.

Казалось, он все еще не мог осознать, свидетелем чего только что стал.

– Пока сидите здесь, – сказала Миа и вышла из комнаты.

– Какого черта, Холгер? – едва оказавшись в комнате за зеркальным стеклом, Миа яростно всплеснула руками.

– Знаю. Я виноват.

– Мне допросить его про отношения с Каролине Берг?

– Думаешь, это наш человек?

– У нас ведь ничего на него нет? – спросила Миа, посмотрев на Анетте, и та покачала головой.

– И все-таки – играть с маленькими девочками? – продолжила Миа, бросив взгляд на Греггера через стекло.

– Поддержим его, – сказал Мунк. – Посмотрим, удастся ли добиться от него еще чего-то, но, думаю, на данный момент можем вычеркнуть его из списка.

– Мне заняться этим? – сказала Анетте.

– А я? – сказала Миа.

– Мы нашли магазин, где купили кукольный дом, – сказал Мунк.

– Уже?

– Да. Людвиг. Карри уже едет, съездишь туда вместе с ним, ладно?

– Он в офисе?

– Думаю, да.

– Вот же подонки, – сказала Миа, обращаясь к комнате для допросов.

– Анетте займется им, – сказал Мунк и дал знак Голи, та кивнула. –

Позвонишь мне потом?

– Ок, – пробормотала Миа, еще раз бросив взгляд за стекло, застегнула молнию на куртке и вышла из комнаты.

Эрик Рённинг заказал раков фри с кимчи и эстрагоном и бокал «Petit Chablis». На самом деле он очень хотел колу. После вчерашнего празднования у него было легкое похмелье, но здесь, в величественном «Гранд Кафе», кола неуместна. Официант исчез с меню, и Рённинг почувствовал, как засосало под ложечкой. Все прошло быстро, и вот он уже в тепле.

Сидящий напротив него Грунг всем своим видом выдавал нетерпение.

– Ну, где оно? – спросил старый газетчик, озираясь по сторонам.

Эрик Рённинг с улыбкой стукнул пальцем по экрану своего телефона.

– И здесь все убийство целиком? – спросил Грунг, выпучив глаза.

Рённинг кивнул.

О, как ему улыбнулась удача.

У него было такое предчувствие там, не правда ли?

– Можно я посмотрю? – нервно сказал Грунг, потянувшись за телефоном.

– Не здесь, – подмигнул Рённинг и убрал телефон в карман пиджака.

К счастью, он успел забежать домой переодеться. Поездка в Маридален оказалась золотой, но стоила ему его одежды. Сидеть в «Гранд кафе» с пятнами на брюках и в грязных ботинках? Хе-хе, надо выглядеть прилично. Он выбрал темно-синий костюм от Эрменеджильдо Зенья с довольно простым галстуком от Армани и коричневыми ботинками от Мантеласси.

– Расскажи мне еще раз, – сказал Грунг, когда официант вернулся с едой.

Грунг, несомненно, сразу же захотел увидеть видео.

«Что ты сказал? Немедленно приезжай в офис!»

Но Рённингу было виднее. В офис? Об этом и речи быть не может. Еще до того как Грунг узнает, будут привлечены остальные. Силье Ульсен. Или тот придурок Эллингсрюд. Нет. Он хотел полностью владеть вниманием Грунга. И почему бы не сделать это торжественно? Слегка отметить? Он, между прочим, провел все утро высоко в горах вместе с целой толпой идиотов. Рённинг пригубил белого вина и практически сразу почувствовал опьянение. Грунг давно не смотрел на него вот так. Почти с восхищением.

– Ладно, значит, стою я там, у ограждения, – начал Рённинг.

Грунг слышал основную часть истории по телефону, однако и сейчас был весь внимание. В его кармане постоянно вибрировал телефон, но опытный газетчик даже не пытался ответить.

– Ну, знаешь, они все там. Лунд, Викхаммер, полный комплект.

– Конечно, – кивнул Грунг.

– И тут мне в голову пришла идея, – с гордостью продолжил Рённинг. – Зачем стоять внизу? Оттуда же ничего не видно. Вряд ли они успели огородить всю территорию?

– Хорошая мысль, – улыбнулся Грунг.

– Вот-вот. Ведь сообщение пришло всего час назад. Но народу удивительно много, должен сказать. У NRK и TV2 уже стояли машины наверху.

– Тогда балерину проморгали, – кивнул Грунг, ковыряясь в тартаре из говядины. – А теперь все начеку.

– Именно. Но. Некоторые из нас сидят здесь, в то время как другие все еще мерзнут там, правда?

– У места преступления еще есть люди?

– Не знаю, но тем не менее.

– Продолжай. Ограждения?

– Оказалось, что они действительно огородили всю территорию, – сказал Рённинг, пожав плечами. – Но моя прогулка все же прошла не впустую, как ты знаешь. Словно...

Он снова глотнул вина и слегка стукнул себя по носу.

– ...знаешь, когда словно что-то чувствуешь?

Теперь Грунг потянулся за бокалом.

– Я не совсем понял, – сказал редактор, не в силах больше скрывать свое нетерпение. – Как это связано с проститутками?

– Напрямую, – улыбнулся Рённинг, промакивая рот салфеткой.

Он обожал такие моменты и очень хотел растянуть удовольствие.

– И вот я пошел вдоль дороги сзади, и вуаля, – кого я заметил?

– Да, кого?

– Мне придется начать сначала, – сказал Рённинг, подзвав официанта и заказав еще бокал вина.

– Проститутки? Какое это имеет отношение ко всему?

– Вот именно, – улыбнулся Рённинг. – Я узнал одного из них там. Среди публики.

– Среди зрителей?

– Сразу же увидел это в его взгляде, – с триумфом произнес Рённинг. – Он был там не чтобы посмотреть. Он был там, чтобы убраться.

Грунг покачал головой.

– Теперь чуть помедленнее, кто это был, кого ты увидел?

– Его зовут Пол Амундсен.

– И кто это?

– Помнишь то дело? – тихо сказал Рённинг, перегнувшись через стол. –

Та зацепка, которую мы получили несколько месяцев назад, о том, что клиенты подбирают девочек в центре и везут их с собой как раз туда, чтобы сделать свои дела?

– И ты установил камеры? – строго спросил Грунг, поморщив нос.

– Нет-нет, не официально, но да, меня связали тогда с одним парнем, который мог помочь с такими вещами. Знаешь, такие, что реагируют на движение, их используют, когда снимают фильмы о животных.

– Ты же знаешь, что так делать нельзя, какого черта, Эрик?

Грунг раздраженно покачал головой.

– А мы этого и не делали. Нет ни одной нити, ведущей от меня к этому Амундсену, расслабься.

Казалось, начальник хотел было что-то сказать, но промолчал.

– Мы бросили то дело, – продолжил Рённинг. – Из него ничего не вышло, как ты помнишь, но я увидел это в его взгляде...

– Он не убрал камеры?

– Вот свинья, – сухо засмеялся Рённинг. – Небось надеялся заснять что-нибудь для частного просмотра. Я сразу же это увидел. От него разило угрызениями совести. Мне понадобилось всего десять секунд, чтобы заставить его признаться.

Официант вернулся с вином. Рённинг дождался, пока он нальет бокал, и продолжил:

– Бум – и через двадцать минут мы были дома у этого парня, залезли в его компьютер, и оно там было.

Он ухмыльнулся и положил телефон на стол.

– Невероятно, – сказал Грунг, покачав головой. – И ты его видел?

– Конечно.

– И это?..

– Весь сеанс.

– С самого начала? Ты видел?..

– Все, – улыбнулся Рённинг, подвинув телефон на белой скатерти.

– Можно мне? – сказал Грунг, поднимая телефон со стола, словно новорожденного ребенка.

– Конечно.

– Спасибо, – проговорил Грунг, засовывая телефон в карман пиджака.

– My pleasure^[10], – сказал Рённинг, поднимая тост.

Грунг нервно огляделся по сторонам, словно он ожидал, что их преследует служба безопасности и что в любой момент сюда мог ворваться отряд-летучка, затем осторожно встал и неспешно двинулся в сторону туалетов.

Карри, плотным телосложением напоминавший бульдога, стоял в лифте, когда вошла Миа. Он нажал на кнопку и схватился за голову.

– Черт, тяжелый день, – пробурчал он.

– Да, для нас всех, – сказала Миа, посмотрев на него. – Ты где был? Завис где-то, что ли?

– Только чуть-чуть, не переживай.

Карри посмотрел на нее взглядом, который она истолковала так: больше вопросов задавать не нужно.

Опущенные плечи. Черные круги под глазами. И что-то во взгляде, чего она не могла прочесть.

Миа не могла перестать думать о том, что Волд рассказал ей в «Лорри», но ощутила, что сейчас не в силах туда погружаться. Три убийства. Пока отложим это в сторону.

– Куда едем? – спросила она, когда они добрались до подземной парковки.

– «Игрушки Калле» в Торшове, – сказал Карри, открыв одну из машин.

– Я за рулем, – сказала Миа, забирая у него ключи.

– Seriously? – рявкнул бульдог.

– Да, – сказала Миа, садясь за руль.

Карри вздохнул, пристегиваясь. Выглядел он так, будто голова на плечах еле держится.

– Как удалось так быстро отыскать это место? – спросила Миа, выезжая из гаража.

– Гренли разослал письма всем, кого только смог найти. Магазинам игрушек, импортерам, всем связанным с детскими товарами ребятам – и тут же получил ответ о том, что есть, возможно, нужный нам человек.

– Ты говорил с этим парнем?

– Немного. Он спал. Сказал, что приедет как можно быстрее.

– Магазин не был открыт?

Карри вздохнул и подпер голову руками.

– Э-э, нет, кажется, это какой-то альтернативный магазин. Настоящие игрушки ручной работы. Из материалов, не наносящих вреда бедным детям из стран третьего мира, все такое. С непредсказуемыми часами работы, ну, ты знаешь. Но парень собирался приехать сейчас же.

Карри достал из кармана коробку жевательного табака и положил

мешочек под губу.

– У тебя нет воды?

Миа засмеялась.

– В смысле? Нет ли у меня крана во внутреннем кармане?

– Хрен его знает, – сказал Карри, снова подперев голову. – Сейчас все ходят с водой в бутылке, может, и ты? Вот же дерьмо.

– Сорри, – сказала Миа, свернув к Торшову.

– А «Ибукса» нет?

– Нет, – сочувственно улыбнулась она. – Хочешь, я где-нибудь остановлюсь?

– Можно?

Миа свернула к тротуару и подождала, пока Карри сбегает в супермаркет.

– Спасибо, – пробормотал бульдог, вернувшись в машину и запихнув в себя четыре таблетки, запив их почти целой бутылкой воды.

Миа нашла самым разумным остаток пути помолчать.

Они припарковались и только успели найти самодельную вывеску, как по тротуару к ним подошел длинноволосый мужчина средних лет с большой бородой.

– Это вы звонили? – спросил он, доставая звенящую связку ключей из большой куртки-анорака.

– Юн Ларсен, – представился Карри, протягивая руку.

– Томас Ланге, – сказал бородач. – Но все зовут меня Долговязый Томас.

– А почему не Калле? – спросила Миа, кивнув на вывеску над дверью.

Мужчина улыбнулся.

– Калле, умеющий лазать по деревьям? Не слышали о нем? Из детской программы по телевизору?

– Тот, что целыми днями лежит на дереве и смотрит на облака? – пробормотал Карри.

– Это я, – улыбнулся Ланге, отпирая дверь.

– «Жил парнишка по имени Калле, и у Калле имелся канат», – запел Карри, не попадая ни в одну ноту. – Неужели ты не помнишь? Калле лежит на дереве, размышляя о жизни, пока дедушка, сидя на траве, читает газету?

– Помню, – кивнула Миа.

– Ох уж эти шведы. Черт, почему все лучшее приходит от них? Эмиль, Червен, Калле Блюмквист, Белый камень. Ты помнишь хоть что-то хорошее из Норвегии? Нет, блин, все шведское.

– Пойдем? – сказала Миа, указывая на открытую дверь.

– Ронья, дочь разбойника, Альберт Оберг.
– После тебя, – сказала Миа, проследовав за Карри через порог.
– Я где-то видел вас раньше? – спросил Ланге, когда они вошли в магазин.

– Миа Крюгер, – представилась Миа и подала ему руку.
– Ага! – сказал Ланге, снял длинный разноцветный шарф и положил его на прилавок. – Я так и знал, что-то знакомое. Я могу вам что-нибудь предложить?

– Нет, спасибо, – ответила Миа.
– Нам только нужно узнать, вы ли продали это? – спросил Карри, доставая фотографию из кармана.

Ланге взглянул на нее и наморщил нос.
– Это мое, да. Кто это поджег мой домик?
– Это мы и пытаемся выяснить, – сказала Миа. – Вы много таких продали?

– Нет. Я продал один, да и все. Теперь на настоящие вещи спрос невелик. А жаль, ведь я сделал много таких. По-моему, получилось красиво.

Ланге вернул снимок Карри и скрылся в подсобке. Он вернулся с белым кукольным домом, точно таким же, как найденный около лагеря Скар.

– Бамбук, – сказал Ланге, поставив домик на прилавок. – Самый экологичный материал в мире. Растет быстро. Не требует больших ресурсов. Нам всем следовало бы строить бамбуковые дома, у меня тут где-то есть брошюра...

– Неважно, – сказала Миа. – Его купили недавно?
– Да. Это была очень милая девушка, на самом деле она немножко похожа на вас, только волосы светлее.

– Девушка?
– Девушка, женщина, дама, как вам больше нравится, но да, это молодая женщина, чуть за двадцать, наверное. Очень милая. Мы довольно долго разговаривали. Она хотела поехать на Гоа, вы там были?

– Это в Анголе? – спросил Карри.
– Нет, Гоа в Индии. Или в раю, как я говорю. Я обычно провожу там зиму, но в этом году, к сожалению, поехать не смог, в магазине дела идут не так хорошо, как обычно. Нынче все хотят блестящий пластик, не правда ли? Нам больше нет дела, да? До того, что планета летит к чертям, что наши дети получат в наследство весь этот мусор? А эти истребители? Что это вообще такое? Сотни миллиардов крон? Люди на улицах голодают,

детям не хватает учебников, пенсионеры в домах престарелых сидят в памперсах без присмотра, а нам нужны американские истребители? Эта страна скатится в тартарары, если за штурвалом не окажутся разумные люди.

– Молодая женщина? – удивилась Миа, быстро переглянувшись с Карри, который пожал плечами.

– Да, был хороший денек, – улыбнулся Ланге. – Приятно, когда кто-то ценит твою работу, не так ли? Все вручную, до самой крошечной детали.

– У вас случайно здесь нет камер?

– Большой брат следит за вами? Нет, увольте.

– Или список электронных адресов, или что-то подобное? Вы не узнали ее имя? – спросил Карри.

– Список? – фыркнул Ланге. – Вмешательство в личную жизнь? Вы вообще понимаете, сколько финансовые магнаты знают о вас? Big data? Думаете, им нужен ваш мейл и телефон, чтобы помочь? Сократить рабочий день? Повысить зарплату? О нет, покупать, покупать больше и больше. Конечно же, у меня нет списка. Но у меня есть баночка, куда можно по желанию опустить несколько крон для школы в Руанде. Мы с моей девушкой спонсоры, у кого-нибудь из вас найдется мелочь для нуждающихся?

Карри взглянул на почти пустую банку, которую держал перед ним Ланге, и нехотя достал из штанов пятидесятикроновую купюру.

– Сможете рассказать об этой девушке что-то еще? – сказала Миа.

– Ну, как я уже сказал, она была очень приятной. Чуть за двадцать, стройная. Длинные волосы, зеленая кепка, одежда немного облезлая, как бы сказали во Фрогнере.

Ланге иронично улыбнулся, показав пальцем на запад.

– Но ни имени, ни адреса?

– Большой брат, – повторил Ланге, покачав головой. – Мне бы и в голову такое не пришло.

– Вы звякните нам, если она снова появится, хорошо? – сказала Миа, доставая из кармана визитку.

– Разумеется. Уверены, что ничего не хотите? У меня есть очень хороший чай сорта Дарджилинг и мед прямо из Свартламона в Тронхейме. Настоящий продукт. Хорошо согревает, когда никак не наступит настоящая весна.

Бородач кивнул на туманный городской пейзаж за окном.

– Природа дает сдачи. Скоро мы все тут замерзнем в лед, и поделом нам.

- Вы не против, если мы придем к вам художника?
- Художника? Он напишет мой портрет? – подмигнул Ланге.
- Чтобы составить фоторобот девушки, купившей у вас дом.
- Я понял, – сказал бородатый хиппи. – Как я уже сказал, двадцать с чем-то, длинные светлые волосы, зеленая кепка, но вы присылайте, конечно. Я здесь. Или, во всяком случае, поблизости.
- Хорошо. Спасибо за помощь. Позвоните, если что-то вспомните, – сказала Миа и последовала за Карри на выход.
- Она на мгновение остановилась на мокром тротуаре.
- Вон там, там и там, – указала она.
- Что? – спросил Карри.
- Камеры. Займешься этим?
- Я?
- Да.
- А ты куда?
- Нужно кое-что проверить. Кстати, все нормально?
- С чем?
- С тобой.
- Да-да, все отлично, – кашлянул плотно сложенный бульдог, заменив мешочек жевательного табака во рту. – Я возьму такси. Увидимся в офисе.
- Хорошо, – сказала Миа и села за руль.

Габриэль Мерк сидел у себя в кабинете в раздумьях о том, что ему делать с огромным количеством информации на «Макбуке», когда вдруг в дверях показалась голова Ильвы.

– Караул!

– Что такое?

– Сюда едет вся команда.

– Зачем?

– Журналист из «Афтенпостен» заснял убийство на камеру.

– Что? Какое?

– Рубена Иверсена.

– Ты шутишь? Как это возможно?

– Не спрашивай меня, – сказала Ильва и скрылась в коридоре.

– Ок, прежде чем мы начнем, – сказал Мунк, когда все собрались в комнате на брифинг. – Мы только что получили фотороботы молодого человека, замеченного в отеле «Лундгрэн» и в клининговой службе.

– Карла Эйна? – спросил Карри.

Мунк кивнул.

– Перед тем как мы посмотрим видео, – продолжил он, когда экран за его спиной наконец включился, – я думаю, стоит посмотреть на них.

Два фоторобота. В комнате послышалось негромкое бормотание, когда собравшиеся увидели их.

– Это ведь не один и тот же человек? – удивилась Ильва.

Габриэль подумал точно то же. Лица на рисунках совершенно разные. У мужчины слева короткие волосы. У того, что справа, – прическа в стиле «Битлз» с челкой и очки.

– Мы что, ищем двух разных мужчин? – спросил Карри. – Преступная группа?

– Что-то мне подсказывает, что он водит нас за нос, – сказала Миа, опершись спиной о стену.

– Как это? – сказала Ильва.

– Посмотрите сюда, – указала Миа на экран. – Глаза. Одинаково большие. Носы тоже похожи. Подбородки почти идентичны. Это те части, которые не так-то просто замаскировать, правда?

Она повернулась к остальным.

– Значит, он гримируется? – сказала Голи.

– Думаю, да.

– Seriously? – выдал Карри.

– Думаю, Миа права, – заключил Мунк. – Вот почему нам сложно отыскать его на разных камерах.

– Он меняет внешний вид?

– Если это один и тот же человек, – сказал Мунк, кивнув в сторону экрана. – Есть основания предполагать это. И если он так изменяет свое лицо, кто знает, что еще он меняет. Может дойти до...

– Его поведение было отвлекающим маневром, – перебила Миа. – Загрязнение мест преступления. Неверный адрес. Похоже, что он хочет, чтобы мы носились по кругу и впустую тратили свои силы.

– Пока он осуществляет следующую часть своего плана? – спросила Голи.

– Похоже на то, – сказала Миа.

По комнате снова пронеслось бормотание.

– Значит, будут еще? – взволнованно спросила Ильва.

– Послушайте, – сказал Мунк. – Мы ничего об этом не знаем, это всего лишь теория, но стоит обратить на нее внимание.

– А что, если это братья? – осторожно предположил Габриэль.

Он редко открывал рот на таких встречах, но на этот раз не смог удержаться.

Мунк посмотрел на Мию.

– Я хочу сказать, – продолжил Габриэль. – Может быть, внешний вид соответствует действительности, но их двое? Как ты и сказала, черты, которые нелегко изменить, – глаза, нос, – может быть, они просто похожи друг на друга?

Он почувствовал, как его лицо вспыхнуло, когда Мунк снова взглянул на Мию.

– Возможно, – наконец произнесла Миа. – Это имеет смысл. Отличная мысль, Габриэль.

– Братья? – сказал Мунк.

Было очевидно, что начальство само только сейчас увидело эти рисунки и не успело обсудить их заранее.

– А что с тем видео? – повторил Карри. – Это правда?

– Что именно? – спросил Мунк.

– Что на нем весь процесс убийства? У лагеря Скар? Кстати, где газетчики его достали? Это же дичь какая-то! Я хочу сказать, откуда им было знать, что там, наверху, что-то произойдет? Им что, намекнули заранее?

Мунк бросил взгляд на Анетте.

– Они прикрылись законом о защите источника, – раздраженно сказала Голи. – Но я дала задание нескольким адвокатам заняться этим. Не могу понять, зачем они замалчивают информацию, ну, не в этом же деле, но, как бы там ни было, на выяснение понадобится некоторое время.

– Выдвинем обвинение против кого-то из них? – предложил Гренли.

– Можем попробовать, – сказала Анетте, взглянув на Мунка. – Но все равно это займет какое-то время.

– Ничто не указывает на то, что они о чем-то знали заранее, – сказал Мунк. – Я знаю Грунга. Солидный мужик. Порядочный человек. Не могу себе представить, чтобы он одобрил нечто подобное. Разумеется, нет. Если бы они что-то и знали заранее, то проинформировали бы нас.

– А тот журналист? – сказал Карри. – Эрик Рённинг. Он же долбанутый. Напыщенный. Разве не он нашел видео? От него же всего можно ожидать.

– Как уже было сказано, мы в процессе выяснения, откуда это видео появилось, – продолжил Мунк. – Мы в принципе должны быть благодарны, что получили его. Как бы дико это ни звучало. Не каждый день нам дают детальный доступ к таким вещам. Что нам таким образом позволит стать свидетелями преступления.

– Так чего мы ждем? – сказал Карри, выставив вперед руки.

Видимо, он слегка подвыпил, так как говорил в нос.

– Они совершенно разные в профиль, – сказал Мунк, кивнув на экран. – И причина, по которой я хотел показать вам это, в том, что на этот раз мы его увидим.

– На видео? – сказала Ильва.

– Да, – кивнул Мунк. – Но на этот раз...

– Только не говори, что у него есть еще один облик, – нетерпеливо вздохнул Карри, не предполагая, что попал в точку.

Мунк взглянул на Мию и перевел глаза на Анетте.

– Да? – удивленно спросил Карри. – Есть третий человек?

– Запись не лучшего качества, – пробурчал Мунк. – Точка, где находилась камера, довольно далеко, видео зернистое, но тем не менее мы достаточно можем разглядеть, и это нам пригодится. Подъезжает машина. Рубен Иверсен сидит на заднем сиденье. Пока что лица водителя не видно. Иверсен выходит из машины и тут же начинает раздеваться. Складывает свою одежду в пакет и секунду стоит голый, затем надевает плавки и становится за машиной. И вот тут...

– Преступник берет пакет, ставит его перед машиной, и тут мы его

видим, – кивнула Голи.

– И? – сказал Карри.

– Третье лицо, – серьезно кивнул Мунк. – На этот раз с усами.

– Но не может же быть еще и третьего брата? – опешил Карри. –
Очевидно, что он должен быть, ну, откуда я знаю, каким-нибудь любителем
переодевания. Мы можем просто запустить видео?

– Черт, – сказала Миа, все еще словно отсутствуя в комнате.

– Что такое? – спросил Мунк.

– Можешь сделать мне скриншот? – живо обратилась Миа к Людвигу
Гренли.

– Чего?

– Лица. На видео.

– Да, конечно, сейчас?

– Да, – сказала Миа, надевая куртку.

– Конечно, – кивнул Гренли.

– Мне только нужно кое-что проверить, – пробормотала Миа и вышла
из комнаты вслед за седовласым следователем.

Сюсанне Вал стояла у лестницы в Национальный театр между статуями Бьернстьерне Бьернсена и Хенрика Ибсена, когда Миа спешила к ней через площадь. Сюсанне испытывала двойственное чувство. Конечно, она была рада видеть Мию, старую подругу из Осгордстранда. Но Сюсанне чувствовала, что их отношения всегда строились на условиях Мии. Сюсанне месяцами пыталась связаться с ней, но тщетно. Миа Крюгер. Следователь по делам об убийствах. Так получалось, что у Мии всегда были дела поважнее.

И теперь она позвонила совершенно внезапно.

«Сможешь помочь мне кое в чем?»

Наверное, глупо, что Сюсанне была такой. Всем и на все говорила «да», хоть это и не всегда было взаимно. Ну, что теперь думать об этом. Судя по всему, это что-то важное.

– Привет, Сюсанне, – сказала Миа, крепко обняв ее. – Прости, что я тебе не отвечала, ну, ты же знаешь меня.

– Без проблем, – улыбнулась Сюсанне. – У тебя все хорошо?

Миа прекрасно выглядела. В последний раз, когда они виделись, она была похожа на привидение. Худая. Вымотанная. Словно скелет, который вот-вот рассыплется. Теперь совсем иначе. Миа снова стала собой. Почти как в прежние времена.

– У меня все отлично, – кратко сказала Миа. – Получилось?

– Ты о чем?

– Тебе удалось разыскать его?

– У нас их несколько, – улыбнулась Сюсанне. – Но я договорилась с одним из них, да. Это очень срочно?

– Это для одного из наших дел, – пробормотала Миа, бросив взгляд на лестницу. – Мне только нужно подтвердить кое-что. Или опровергнуть. Он внутри?

– Разве мы сначала не выпьем кофе? Или пообедаем? У нас сейчас проходят переговоры. «Превращение» Франца Кафки. Гисли Орн Гардарссон, исландец. В прошлом году он собирал полные залы и снова будет показывать спектакль на главной сцене осенью.

– Все нормально, – сказала Миа с таким видом, словно находится в другом месте. – Я не голодна. Он умеет все это?

– О чем ты?

Миа быстро показала на свое лицо.

– Маски. Возможность изменить свою внешность, и все такое?

– Да, конечно, – улыбнулась Сюзанне, подавив разочарование. – Здесь у нас все все умеют.

Она проводила подругу вверх по лестнице.

– Ты дала понять, что это полицейская работа, – сказала Миа, когда они приблизились к костюмерному цеху.

– Я едва успела поговорить с ним, – сказала Сюзанне, берясь за ручку двери. – Если бы ты дала мне чуть больше времени, я бы...

– Он не должен никому рассказывать о том, что я ему покажу, – перебила ее Миа. – Ладно? И ты тоже не должна.

– Конечно, – кивнула Сюзанне и открыла дверь.

Исмаэль сидел за своим столом и встал, когда они вошли.

– Миа Крюгер, – сказала Сюзанне. – Это...

– Исмаэль Малик, – представился молодой сотрудник театра, не вполне сумев скрыть, что отлично знает, кто перед ним.

Так было всегда, не правда ли? Миа Крюгер. Следователь по делам об убийствах. Известная личность. Сюзанне всегда немножко ей завидовала, нет, не завидовала, скорее гордилась, но да, немного завидовала тоже, наверное, стоит это признать.

– Привет, Исмаэль, – кивнула Миа, доставая что-то из своей сумки. – Извините, что свалилась на вас внезапно, но мне нужно, чтобы вы кое-что посмотрели для меня, сможете?

– Само собой, – улыбнулся молодой афганец, освободив место у себя на столе. – Рад помочь, с чем именно?

– Вот с этим, – сказала Миа и положила на стол три листа.

Два рисунка и фотография.

Сюзанне не была дурочкой. Она, безусловно, поняла, что это как-то связано с тем, о чем говорила вся страна. Повсюду и постоянно, какой бы телеканал она ни включила. Она видела пресс-конференцию. Светловолосая полицейский адвокат все время пыталась отмахнуться от вопросов, казаться спокойной. «Нет поводов для беспокойства». Несмотря на то, что все в театре и вообще все ее знакомые нервно оглядывались по сторонам. Серийный убийца свободно разгуливает по Осло? Даже ее мать звонила сегодня. «Уверена, что не хочешь приехать домой в Осгордstrand, Сюзанне?»

– Что это?

– Это должно остаться между нами, ладно? – сказала Миа, положив руку ему на плечо.

Исмаэль кивнул, с таким взглядом, словно он все еще не верит, что Миа действительно здесь.

– Это один человек? – коротко спросила Миа.

– Нелегко сказать точно, – сказал Исмаэль, изучая листочки. – Это же рисунки, поэтому да, но...

Он поднес фотографию ближе к свету.

– Эта челка, – показала Миа, – и, как видите, тут есть усы, а здесь очки. Это же просто, или нет? Вот так изменить свою внешность?

– Как я уже сказал, – Исмаэль отложил фотографию, – эти два – всего лишь рисунки, но нет, я не думаю, что это было бы проблемой.

– Не было бы?

– Так изменить внешность? Нет, совершенно нет. Это вполне может быть один и тот же человек, если вы это хотите знать.

– Мы думали, что, может быть, это разные люди.

– Да? – сказал Исмаэль, все еще с румянцем на щеках. – Конечно, и это возможно, но я бы сказал, что нет.

– Уверены?

– Естественно, это возможно. И, опять же, эти два портрета – всего лишь рисунки, но здесь есть сходство структур.

– Да? Имеете в виду нос?

– Нет-нет, – живее заговорил молодой человек. – Все это можно изменить. Нос, лоб, подбородок, я смогу превратить вас в толстого старика за пару часов, это нетрудно. На что нужно смотреть – так это на глаза.

– Вот как?

– Да, посмотрите. Глаза изменить невозможно.

– Значит, вы считаете, что это все же один человек?

– И опять же...

– Если делать поправку, что это не фотографии, я знаю.

Сюсанне снова ощутила, как на нее накатывает небольшая волна разочарования. Она так долго пыталась связаться с Мией. Без явного повода, просто потусоваться. Сюсанне отбросила эти мысли и вновь надела улыбку. В этом, конечно, не было необходимости, никто из них все равно не обращал на нее внимания.

– Значит, для вас это один человек?

Исмаэль еще раз изучил снимки.

– Я бы сказал, да. Смотрите сюда. Вот на эти линии. Вот здесь. Если художник или те, кто описывал человека, указали это верно, вот эту черту скрыть сложно.

Сюсанне нащупала телефон в кармане, просто чтобы было за что

ухватиться.

– Большое спасибо. Исмаэль, это все?

– Да, рад помочь, – кивнул молодой человек, глуповато улыбаясь.

– Сюсанне, ты золото.

Миа и Сюсанне вышли на улицу. Миа быстро обняла подругу и застегнула молнию на куртке.

– Ну, давай уже наконец встретимся. Я всегда могу. Ланч или выпьем как-нибудь вечером?

– Обязательно. Я тебе позвоню, – сказала Миа и быстро поцеловала Сюсанне в щеку, сбежала вниз по лестнице и исчезла в толпе у катка «Спикерсуппа».

Эрику Рённингу только что закончили делать макияж. Ему показалось, что он выглядит странно, но он бывал на телевидении и знал, что так и должно быть. Под светом в студии будет лучше. Он прибыл в офис канала TV2 на улице Карла Юхана чуть более получаса назад. Приняли его как какого-то героя, если можно так выразиться. С тех пор как бомбанула новость из лагеря Скар, его телефон не умолкал. Рённинг обсудил это с Грунгом – не стоит ли ему придерживаться исключительно «Афтенпостен», – но они решили, что газета привлечет к себе только больше внимания, если Эрик будет давать интервью другим СМИ, а уж Эрик Рённинг, конечно, не имел ничего против. Кроме большинства газет, он дал интервью NRK TV, NRK Dagsnytt 18, а теперь согласился побыть экспертным комментатором на новостном канале TV2. Открытые двери. Улыбки в коридорах. Все тянулись пожать ему руку.

«Добро пожаловать, Эрик».

«Черт, какая сенсация!»

«Как вам это удалось?»

«Хорошо, что вы смогли прийти!»

«Выпьем по стаканчику вечером?»

– Ну что, мы готовы?

Элегантно одетая молодая женщина с наушниками на шее просунула голову и посмотрела на него любопытным, теплым взглядом.

– Я готов, – кивнул Эрик.

– Хорошо, – сказала продюсер. – Мы скоро уходим на рекламу, после нее – вы.

– Иду, только зайду в комнату для мальчиков, – подмигнул Рённинг и встал с гримерного стула.

Женщина с наушниками издала смешок.

– Только не убегайте.

– Постараюсь, – улыбнулся Эрик и вышел в туалет.

* * *

– Ми-ми-ми-ми. Му-му-му-му. Ки-ка-ку-ка-ки-ко. Врр-брр-врр-брр-врр.

Он разогрел голос так, как его учили в Народной школе Румерике – тогда он думал, что станет актером, – и снова посмотрел на себя в зеркало. Какую же он поднял шумиху. Рённинг выбрал темно-синий костюм, сшитый на заказ у «Брукс Бразерс» на Манхэттене. Теперь он был *немного* маловат: в последнее время Эрик тренировался не так часто, как следовало бы, но он все равно хорошо смотрелся. Простой красный галстук от «Армани» и ботинки от «Сальваторе Феррагамо». Он проверил, не застряло ли что-нибудь между зубов, помыл руки и вернулся в гримерную. Снова посмотрелся в большое зеркало. *Важный политик* – вот как он выглядел. Может, в этом что-то есть? Представитель Стортинга Эрик Рённинг? Министр иностранных дел Эрик Рённинг? Он посмеялся про себя и провел рукой по волосам, чтобы пробор оказался слева. Ему нравилось, когда прическа уложена волосок к волоску. Все его чертовы коллеги думали, что они художники, ходили с торчащими во все стороны волосами и являлись на работу в кроксах, ну и *пожалуйста*. *Премьер-министр* Эрик Рённинг? Он огладил красный галстук и чуть затянул узел. Красный галстук. Именно его носили консервативные политики, когда хотели, чтобы их воспринимали как *теплых и надежных, с сердцем*. Рённинг недолгое время встречался со стилисткой, работавшей в PR-фирме, это и была ее работа – делать так, чтобы идиоты выглядели человечными. Чтобы их образ на телеэкране вызывал любовь. Ведь все дело в этом, не так ли?

– После рекламы, вы готовы?

– Всегда готов, – подмигнул Рённинг и последовал за женщиной в студию.

Он слегка кивнул ведущим и сел в кресло, на которое ему указали. Студия была маленькой. Почти как его гостиная. Его всегда удивляло, насколько действительность отличается от того, что мы видим по телевизору.

– Проверка микрофонов, – произнес молодой человек в наушниках.

Эрик Рённинг сказал «раз-раз» и поднял вверх большой палец.

– Двадцать секунд, – предупредила продюсер, и Рённинг повернулся к женщине-ведущей, снова надев улыбку.

Как там ее зовут?

Моссфьорд?

Моссберг?

Вероника Моссберг, точно.

Он сталкивался с ней при разных обстоятельствах, и она ни разу не достаивала его взглядом, но сейчас все иначе.

– Десять секунд, – сказала продюсер, подняв руку. – Пять.

Пальцы в воздухе. Она загибала их, один за другим, молча, когда реклама подошла к концу.

Заставка. Полная экшена и грандиозная. Продюсер загнула все пальцы и указала рукой на Моссберг.

– И снова добро пожаловать, – сказала красивая ведущая, – у нас в студии гость, Эрик Рённинг из «Афтенпостен». Журналист, сумевший записать утреннее чудовищное преступление на видео, но сначала вкратце об этом событии для наших новых зрителей. Рогер?

Рённинг откашлялся и отпил глоток воды. Рогер. Маленький паренек с румяным лицом. Рённинг был с ним в команде по покеру несколько месяцев назад, и тот ему не особенно понравился.

– Разгуливает ли по Осло серийный убийца? – сказал Рогер серьезным, чересчур напускным тоном. – Именно этот вопрос вся нация задает себе после третьей за несколько дней жертвы, которую сегодня утром нашли в багажнике машины в Маридалене. Ларс Эллингсен расскажет подробнее.

Появилась продюсер и снова махнула им. Заранее записанный репортаж замелькал на маленьком экране за их спиной, без звука. Рённинг уже видел его сегодня. Вивиан Берг, балерина. Бла-бла-бла. Курт Ванг. Джазовый музыкант. Найден в номере отеля. Рубен Иверсен, подросток. Тот же убийца? Бла-бла-бла. Неужели это и впрямь необходимо? Когда у них в студии сидит он? Рённинг слегка покачал головой в надежде, что они это увидят. Сделал еще глоток воды и провел языком по зубам.

Рядом с камерой появилась продюсер и повторила движение рукой, когда репортаж подходил к концу.

Три, два...

– Как уже было сказано, у нас в студии журналист Эрик Рённинг из «Афтенпостен», добро пожаловать, – сказал Рогер, кивнув ему.

– Спасибо, – серьезно сказал Эрик.

– Вам удалось добыть видеозапись реального убийства Рубена Иверсена, верно?

– Все верно, – кивнул Рённинг, сложив руки перед собой.

– Как у вас это получилось? Случайность? Или, как хотят думать злые языки, убийца действительно поставил вас в известность заранее?

– Я должен сразу же опровергнуть это, Рогер, – кашлянул Рённинг. – Видео было добыто в ходе работы с другим делом, и да, были ли мы очень искусны, или нам просто повезло, пусть судят другие, но, к счастью, к счастью...

Он посмотрел прямо в камеру, чтобы установить контакт со зрителями.

– ...нам удалось заполучить эту улику, которая более чем полезна полиции в этом деле. Они были очень благодарны.

– Верно ли...

Теперь Вероника Моссберг, совсем другим тоном. Она казалась впечатленной, а этот Рогер просто завидовал. Разве не так все происходит в этой сфере? Рённинг даже чуть посмеялся про себя, увидев, что ведущая буквально пожирает его глазами, в то время как коротышка рядом с ней только кисло отвел взгляд.

– ...что само видео не будет показано общественности? Вам не кажется, что мы все вправе требовать открытой информации по этому делу?

– Ну, Вероника, – сказал Эрик, кашлянув. – Как вы знаете, в таких делах, как это, важно защитить не только жертву и его семью, но и, я бы сказал, всю нацию.

– Но... – начал Рогер.

– Это... – улыбнулся Рённинг, обезоруживающе подняв руку, – конечно, не только мое или редакции «Афтенпостен» мнение. Естественно, мы очень тесно сотрудничаем с полицией и властями, и когда вы немного поразмыслите, Рогер, то все говорит само за себя, не так ли, Рогер? Вы бы хотели, чтобы убийство вашего сына показали по национальному телевидению? Не думаю.

Рённинг подмигнул Моссберг и сделал глоток воды.

– А вы что думаете? – спросила Вероника. – О вероятности того, что в маленькой Норвегии мы, возможно, столкнулись с *вторым* серийным убийцей менее чем за год? Идем ли мы по пути американцев? Что же творится в нашей крошечной стране?

– Ну, Вероника... – начал Рённинг, но его перебил Рогер, приложив палец к наушнику в ухе.

– Мы должны срочно прерваться. С нами в прямом эфире из Стокгольма детективный писатель и профессор криминологии Йоаким Перссон. Перссон, добро пожаловать, спасибо, что уделили нам время.

Перед ними на экране появился бородатый швед средних лет.

– Всегда пожалуйста, – кашлянул он.

Рённинг покачал головой, сделав еще глоток воды.

Это что такое сейчас было?

Неужели это необходимо?

У него что, нет других дел, кроме как сидеть тут и *ждать*?

У него еще куча всего по программе, они должны радоваться, что он вообще нашел время приехать. И вот они прерывают его из-за идиотского

шведа?

– Мы в Норвегии, – продолжил Рогер, – не так привычны к такому феномену, как маньяк-убийца, который притворяется, что убивает случайных жертв, но вы как специалист сможете пояснить нам, что это означает?

Маньяк?

Откуда он вообще взял это?

Звучит чертовски круто, черт его подери.

– Еще слишком рано говорить, – кашлянул Перссон. – И я не располагаю информацией полиции и могу опираться только на сведения, почерпнутые из СМИ, но, несомненно, мы столкнулись с преступником, который в любой момент может совершить новое убийство.

– На чем основывается это предположение? – спросил Рогер.

– Все выглядит спланированным. Один и тот же способ убийств, оба места выглядят постановочными. В таких делах обычно...

Рённинг слушал шведа и думал, стоит ли ему перенять это слово.

Маньяк?

У него уже написана очередная статья, которая будет опубликована в Интернете через пару часов. Они работали по этой теме постоянно, отдел сейчас больше ничем не занимался. Целая команда выясняла все подробности: школа, соседи, друзья. Говорят, что Рубен Иверсен шел ночевать домой к другу, но исчез после того, как заправил свой мопед на заправке.

Связь между двумя первыми жертвами и этим парнем? Пока никто ничего не обнаружил, но было похоже, что все убийства спланированы, хотя полиция и отрицала это.

Швед продолжал говорить о серийных убийцах и о том, кем они воображают себя, когда делают то, что делают.

Тед Банди.

Дэвид Берковиц.

Джеффри Дамер.

Эдмунд Кемпер.

Бла-бла-бла.

Рённинг все это уже слышал.

Неужели этот карлик Рогер действительно на что-то наткнулся? Что преступник выбирал жертвы случайно? Убивал людей, просто потому что... ему так захотелось?

Это уже что-то.

Это он сможет использовать.

Это же совершенно не вяжется, правда? Неоправданно жестоко?

Сексуальный мотив?

Случайные убийства?

Маньяк?

Он должен позвонить Грунгу. Рённинг почувствовал, как по телу побежали мурашки, когда швед закончил речь и продюсер с наушниками подняла руку, чтобы посчитать до рекламной паузы.

Мунк только вышел на веранду для курения, как у него зазвонил телефон. Он посмотрел на дисплей и решил ответить:

– Привет Марианне, как дела?

– Я собиралась спросить у тебя то же самое.

Как много раз он слышал этот голос. Бывшая жена пыталась говорить не взволнованно, но это у нее не особенно получалось.

– Суэта, – сказал Мунк. – Как Мириам?

– Все лучше и лучше, физиотерапевт хвалил ее вчера.

– Хорошо, – отозвался Мунк, зажигая сигарету в ожидании того, что должно последовать за этим.

– Ты уже слышал?

– О чем?

– О свадьбе.

– Она звонила мне, – кивнул Мунк и сразу же пожалел, что взял трубку.

В этот момент тучи, висевшие над городом весь день, на секунду пропустили луч солнца.

У него нет времени на этот разговор, особенно сейчас.

– Что думаешь? – спросила Марианне, по-прежнему с оттенком волнения в голосе.

– Не вижу в этом ничего плохого.

– Ты знаком с ним?

– Нет, а ты?

– Немного.

– И?

Мунк увидел, как Гренли машет ему в окно. Мунк кивнул, показав на свой телефон.

– Ну, он вроде хороший парень. По-моему, Мириам называет его Зигги. Они стояли на лестнице. Видимо, она пока не хочет знакомить его с Марион. Все бы ничего, но все-таки – жениться? Уже? Тебе не кажется, что рановато?

– Кажется, – сказал Мунк, почти не слушая ее.

Ему нужно перенаправить людей, сделать небольшую рокировку. Сейчас в приоритете должна быть семья Иверсен. И провести допросы окружения Курта Ванга. Джазовую группу. У португальца, очевидно, есть

судимость.

– ...нам делать? – спросила Марианне.

– Что?

– Думаешь, все в порядке?

– Она же взрослая, – произнес Мунк, когда Гренли опять появился за окном. – Я не вижу смысла говорить ей что-то.

– А как же наша внучка? – сказала бывшая жена уже другим тоном. – Мы могли бы дать совет, ты так не считаешь?

– С Марион трудно. Но самое важное – чтобы у Мириам все было хорошо. После всего, через что ей пришлось пройти.

Гренли снова исчез, как и солнце. Весна никак не хотела приходить. Мунк плотнее закутался в пальто, когда раздался звонок на второй линии.

– Но я именно об этом и говорю! Сколько времени прошло? Всего полгода! Она все еще не может нормально разговаривать! Это же важное решение! Тебе не кажется, что ей стоит немного подождать? Полностью прийти в норму?

– Мне пора бежать, – сказал Мунк, когда писк закончился. – Я сейчас очень занят. Я сказал, что в любом случае поведу ее к алтарю, ок? И считаю, что она это заслужила.

На секунду воцарилось молчание, казалось, что бывшая жена собиралась с духом сказать что-то еще.

– Нам стоит беспокоиться, или как?

– Я уже сказал, если она этого хочет, я ее поддержу.

– Нет, я не об этом. О том, что показывают по телевизору. Я так понимаю, ты над этим работаешь? Все эти ужасные убийства?

– Ты же знаешь, я не могу говорить о работе, Марианне.

– Я знаю, Холгер, но все же...

– Нет никаких поводов беспокоиться о чем бы то ни было, – заявил Мунк в надежде, что это прозвучало убедительно.

Писк возобновился.

– Ты же можешь хотя бы намекнуть? Нам следует быть осторожными? Забрать Марион из школы?

– Нет-нет, – сказал Мунк, когда Гренли высунул голову на веранду.

– Можешь ответить на вызов Мии? Я пытался объяснить ей, что ты разговариваешь по телефону.

– Две секунды.

– Холгер, ты тут?

– Послушай, Марианне, – произнес Мунк, сделав затяжку. – Давай позволим Мириам решать самой, хорошо? А что касается остального,

нужно жить абсолютно нормальной жизнью. Нет повода для беспокойства. Ладно? Мне пора бежать. Я позвоню тебе позже, передай от меня привет им обеим.

Он положил трубку, не оставив ей шанса ответить, и принял вызов Мии.

– Ты что, перестал брать трубку? – раздраженно спросила Миа.

– Я тут.

– Думаю, это один и тот же человек.

– И на чем это основано?

– Я говорила с парнем из театра, гримером. Он утверждает, что глаза принадлежат одному человеку.

– На рисунках?

– И на кадре из видео. Это могут быть братья, – сказала Миа, не слушая Мунка. – «Братья Львиное Сердце» и все такое, но все-таки нет, я все же думаю, нам стоит исходить из того, что это один человек.

– Хорошо. Ты приедешь?

– Нет, мне надо подумать. Возможно, отключу телефон. Он меня мучает. Надо купить новый.

– Оставь его включенным, ладно? – сказал Мунк, но Миа уже исчезла.

Мунк затушил окурок в переполненной пепельнице, когда телефон опять зазвонил, но на этот раз неизвестный номер.

– Мунк слушает.

– Привет, Холгер, – раздался дружелюбный голос. – Это Лиллиан Лунд. Судмедэксперт. Надеюсь, ничего, что я звоню вам напрямую?

– Да-да, конечно. Чем могу помочь?

– Ну, вообще, есть два момента. Во-первых, хотела сказать, что связь между жертвами подтвердилась. Этиленгликоль. В этом эпизоде доза чуть выше, но сомнений нет. Причина смерти та же самая. На теле тоже никаких улик. Следов борьбы нет, под ногтями ничего. Ну, вы помните, все так же, как и с Вивиан Берг и тем парнем в отеле.

– Хорошо, – кивнул Мунк и все же закурил снова. – Что-нибудь выяснили насчет ран вокруг рта?

– Да, – ответила Лунд, чуть замешкавшись. – Только что получила результаты анализов.

– И?

– Думаю, что знаю.

– Знаете что?

– Почему жертвы не оказывали сопротивления.

– Почему же?

– Слушайте, – сказала Лунд, покашляв. – Наверное, это не совсем по правилам, но мы можем встретиться? Я бы не хотела обсуждать это по телефону.

– Конечно.

– Как насчет перекусить? Я должна была встретиться с подругой, но в последнюю секунду она сказала, что не сможет. У меня заказан столик, но я не люблю есть одна. Как вам такая идея?

– Конечно. Где и когда?

– Вы едите суши?

– Вообще нет, но могу сделать исключение.

– Хорошо, – доброжелательно сказала Лунд. – «Алекс Суши» на Тьювхолмене? Через час?

– Встретимся там, – подтвердил Мунк и положил трубку.

Лиллиан Лунд уже сидела за столиком у окна и привстала, когда вошел Мунк. Он не узнал ее с первого взгляда. Нарядная. Голову и рот ничего не закрывало. Темные волосы свободно струились по плечам, а белый лабораторный халат сменило желтое платье и короткий серый шерстяной кардиган.

– Привет, Холгер, – улыбнулась она. – Прошу прощения за свою бесцеремонность.

– Абсолютно не за что, – сказал Мунк, расстегивая пуговицы на пальто.

– Я просто... не могу есть одна. Это как-то неправильно. У вас так не бывает?

– Не могу сказать, – улыбнулся Мунк, садясь. – Что касается еды, можно сказать, что у меня практически нет проблем.

Он усмехнулся. Официантка с японской внешностью почти незаметно подошла к столу и положила перед ними меню.

– Советую попробовать маки, – улыбнулась Лунд. – Если вы не бывали в «Алекс», то не пробовали настоящие маки. Все говорили мне это, но поняла я, только когда пришла сюда впервые. У вас ни на что нет аллергии?

– Что? Нет, – кашлянул Мунк и почувствовал, что, наверное, ему следовало бы по-быстрому забежать домой.

Вчерашняя одежда или даже позавчерашняя? Он не рисковал поднимать руки, опасаясь, что запах многодневной работы помешает другим посетителям. Ну, как бы там ни было, у него есть вещи поважнее, о которых надо думать.

– Вы не против, если я сделаю заказ? – спросила Лунд, подзвав официанта.

– Вовсе нет.

– Хорошо, – улыбнулась Лунд и что-то сказала девушке, даже не заглянув в меню.

– Итак? – начал Мунк, когда они остались одни за столом.

– Да, – сказала Лунд, положив на колени салфетку. – Я еще раз прошу прощения, но я посчитала, что лучше всего нам обсудить это с глазу на глаз.

– Все в порядке, – успокоил ее Мунк, стараясь не выказывать чрезмерного любопытства.

– Анализы, – сказала Лунд, сделав глоток воды из стакана. – Результаты оказались, честно говоря, такими, каких я больше всего опасалась.

– Вот как?

– Или нет, не так, «опасалась» – наверное, слишком сильно сказано, но да, они...

Она бросила взгляд в окно.

– Скополамин, гиосциамин и атропин, – сказала красивая судмедэксперт, глядя Мунку в глаза.

– И? Что это означает?

– Вы раньше слышали об этом веществе? Скополамин?

– Ни о чем не говорит.

– Язык дьявола.

– Язык?..

– Дьявола, – кивнула Лунд. – Так его называют. В отношении этого вещества существуют противоречия, многие считают, что его использование – вообще миф.

Она чуть покашляла и продолжила.

– Были отчеты, в основном из Южной и Центральной Америки, что преступники использовали его для обретения полного контроля над своими жертвами. В норвежском списке наркотических веществ его нет, но, говорят, он так силен, что обладает мгновенным эффектом. Маленького укола достаточно, например, при контакте с кожей во время легкого рукопожатия, отсюда и его название.

– Язык дьявола?

– Да.

– И здесь мы имеем дело с ним?

– Да, сомнений нет, увы.

– Сколо... что?

– Скополамин. В Норвегии это вещество содержится в растении дурман вонючий. Его можно найти в Ботаническом саду. Конечно, если вы знаете, как оно выглядит. Говорят, оно дает очень сильное гипнотическое опьянение. Вообще, странно, что об этом знают немногие. Но это, конечно, неплохо.

Она бросила на Мунка краткий взгляд и улыбнулась.

– И он есть в Норвегии?

– Да, в открытом доступе. Я слышала, что кто-то даже выращивает это растение.

– И вы думаете?..

– Раны вокруг рта, – сказала Лунд, ближе наклонившись к нему. – Именно из-за них я решила взять новые, более детальные анализы. Думаю, раны могли появиться в результате реакции.

– Серьезно?

– Это же яд, не правда ли? Он смертелен. Говорят, что чрезвычайно опасен, если принять большую дозу прямым воздействием. Я думаю, кто-то... впрыскивал его в рот жертвам, или что-то подобное, не знаю.

– Скополамин? – удивленно сказал Мунк. – Почему я не слышал о нем раньше?

– Как я уже сказала, он мало кому известен, – продолжила Лунд, убрав волосы за ухо. – Его действие – своего рода паралич мозга. О нем практически нет научных исследований, но, говорят, были примеры, когда люди встречали на улице незнакомцев, и кто-то наблюдал, как прямо на их глазах они впадали в транс. Затем нападавший, или как там вы его называете, следовал за жертвами. Опустошал их дома. Шел за ними в банкомат, снимал все со счета. Жертвы приходили в себя несколько дней спустя, без имущества, и не могли вспомнить, что произошло. Понимаете? Вроде бы в сознании, но вообще ничего не соображая. Жуть.

– И вы уверены, что их отравили именно этим веществом?

– Да.

– Потому что?..

– Смесь. Скополамин, гиосциамин и атропин. *Datura*. Или дурман вонючий, по-норвежски.

– Но какого черта, – пробормотал Мунк. – Зачем кому-то выращивать его?

– Ну, чтобы словить трип, – сказала Лунд, подняв брови. – Галлюциноген почти тот же, что в ЛСД, но намного сильнее.

– Но почему?..

– Почему я не хотела сообщить это по телефону?

– Вообще, я не это хотел сказать, но да, почему?

Лунд покашляла и снова глянула в окно, затем отпила глоток воды.

– У вас есть дети?

– Дочь, а что?

– У меня сын. Бенджамин. Ему двадцать шесть. Он такой, как бы это лучше объяснить. Особенный. Ему несколько сложно... найти свое место в этом мире, понимаете, о чем я?

– Конечно понимаю, – улыбнулся Мунк.

– Бенджамин, – кашлянула Лунд и продолжила. – Как я уже сказала. Он испытывает некоторые проблемы с... приспособлением к норме, если

можно так выразиться. Он всегда был чуть более... творческой натурой, понимаете? Прошу прощения, если это слишком личное.

– Все в порядке.

– Спасибо. Он поехал в Тронхейм. Учиться. Изучать антропологию. Норвежский научно-технологический университет. Мне кажется, выбор был случаен, но что поделать. Там он стал жить в общежитии с – как бы лучше сказать? – слегка неформальными ребятами. С теми, кто играет в группах и все такое. До них дошли слухи, они сходили в Ботанический сад и нашли это растение. Легкомысленно, конечно, но так уж вышло. Мальчишки пришли в себя спустя много дней, на другом конце города, без понятия о том, что они делали все это время. Бенджамин говорил мне, что сам не пробовал, но вы же понимаете. Он всего лишь хотел оградить мать от переживаний.

Мунк не в силах был скрыть улыбки.

– Что? – сказала Лунд, нахмурившись.

– Извините. Я не знал, что думать, когда вы сказали, что не хотите обсуждать это по телефону.

– Глупости, – сказала Лунд, слегка улыбнувшись. – Я только лишь по работе. Ну, вы знаете.

– Это болезненно. Если речь идет о собственных детях. Я понимаю, – кивнул Мунк, когда официантка вернулась с заказом.

– Как бы то ни было, – сказала Лунд, достав палочки из упаковки. – Язык дьявола.

– Если вы правы, это дает ответы на многие вопросы, – кивнул Мунк. – Я только никак не могу понять, почему не слышал об этом раньше.

– Изначально оно происходит из Южной Америки. Исследований мало или даже вовсе нет, но есть данные, что растение распространяется по миру, во всяком случае, если верить отчетам в Сети.

– И это не противозаконно?

– Пока что нет, но скоро должно стать. Кстати, вам совершенно необязательно есть палочками.

– Точно?

Лунд посмеялась.

– Только если сами хотите. В Японии многие едят руками. Это так похоже на нас, на норвежцев. Мы всегда боимся допустить ошибку. Зеленое – это васаби. Смешайте его с соевым соусом.

– Ок, – улыбнулся Мунк.

– Ой, сорри. Я забыла спросить, хотите выпить пива или чего-нибудь еще?

- Я не пью, – кашлянул Мунк.
- Не пьете?
- Нет.
- Никогда?
- Пробовал однажды. Не мое.
- Ну и ну. Этот мужчина в моем вкусе, – улыбнулась темноволосая судмедэксперт и подняла в тосте стакан с водой.

Миа бросила взгляд на окна «Лорри», но идти туда передумала. Ее столик был занят, и народу слишком много. Темнота опустилась на улицы Осло, а она все еще не легла спать. Она зашла домой, предприняв очередную попытку уснуть, но цирк в коридоре никак не заканчивался. Опять эта старуха. На этот раз что-то про пропавшее домашнее животное. Вы не видели мою кошечку? Еще и сосед в дверях, с глазами, не теряющими надежду. «Что-то решилось насчет отпуска?» Она видела, как этот вопрос вот-вот сорвется с его губ, и едва успела проскользнуть к себе в квартиру. На секунду упала головой на подушку, не снимая одежды. Стук с верхнего этажа. Ругань мужчины и женщины. Тривиальные будни. Она закрыла глаза, но душа никак не успокаивалась. Закрыться от мира не получалось. Отстраниться ото всех. Это ведь ее ответственность. Чтобы люди были в безопасности. Чтобы могли искать свою кошку. Помогать своей сестре. Ссориться с мужем. Это ее задача. Чтобы они не попадали в горные озера в балетных пачках. В кровати паршивых отелей. Не оставались в одиночестве раздетыми ночью на парковке, не имея возможности защищаться.

«Ваша работа делает вас больной. Вы понимаете это? Что вам следовало бы заняться чем-то другим?»

Еще один психолог с лучшими побуждениями. Миа оттолкнула исподволь подобравшиеся мысли. Она пересекла улицу, заметив новое местечко, где можно спрятаться. «Паб Художников». Неприметная дверь в стене. В баре какой-то бородач, с напитком и альбомом для зарисовок. Три молчаливых лица за шахматной доской, в грубых руках – запотевшие бокалы с пивом. Она нашла столик в углу, когда у нее зазвонил телефон. Габриэль. Миа поставила сумку на стол и вышла говорить на улицу.

– У тебя есть минутка?

– Конечно, Габриэль, как все прошло?

– Я все достал, – произнес юный хакер. – Что ты хочешь, чтобы я с этим сделал?

– Там много?

– Слишком много. Я даже боялся смотреть, там чересчур личное, понимаешь.

– Там есть поиск?

– В смысле?

– В файлах? Там можно ввести слово или имя и поискать?
Габриэль усмехнулся.

– Нет. Это же не база данных. Просто тысячи документов. Отсканированные PDF записей Риттера. По ним искать не получится.

– Но у самого Риттера же должен быть способ поиска?

– Он же знает, как их всех зовут, тогда это несложно. Если дашь мне имя, мне понадобится десять секунд, или дату рождения, адрес, что-нибудь.

– Ничего страшного, – сказала Миа. – Это просто идея, которая пришла мне в голову.

– У тебя нет имени или чего-то подобного?

– Ну, если там случайно нет имени Карла Эйна.

– Это я уже пробовал, но ничего. Ведь это всего-навсего псевдоним, разве нет?

– Тогда оставь это. До того момента, когда мы сможем как-то связать одно с другим.

– Ок. Мунк тебе рассказал про тот наркотик? Скополамин?

– Знаю.

– Так вот почему Вивиан Берг прошла через весь лес сама. И поэтому ни одна из жертв не оказала сопротивления?

– Похоже на то, – нетерпеливо буркнула Миа.
Ей нужно вернуться.

– Ужас, – сказал Габриэль. – Знать, что убийца может схватить кого угодно когда угодно, а мы даже не сможем защититься, тебе так не кажется?

– Слушай, Габриэль, я тут немного занята, я позвоню тебе, если что-то вспомню, ладно?

– Хорошо, – сказал Габриэль и отключился.

Миа все что угодно отдала бы за возможность поспать, но стряхнула с себя сон. Заказала кофе и минералку и достала из сумки свои бумаги. Не поддавалась соблазну кранов с пивом за стойкой бара. Так было бы намного легче, так ведь? Отстраниться от мира с помощью пива и «Егеря»? Малодушно, конечно, но сейчас бы не помешало, придется это признать.

Кофе на вкус был как бурда, но она впихнула в себя коричневую жидкость. Взяла ручку.

Горящий кукольный дом?
Один и тот же след, да?
«Братья Львиное Сердце»?
Дом в огне?
Бамбук?

Ручной работы?
Незначительно.
Числа?
Четыре? Семь? Тринадцать?
Дата рождения?
Нет.
Четвертое, седьмой месяц, тринадцать.
Не имеет смысла.
А если имеет?
Она меняла их местами на листочке, но они ни во что не складывались. Седьмое апреля, четвертое августа, тринадцатое что-то. 74?
Может быть, здесь что-то есть.
Тринадцатая, новая жертва, 1974?
Она сделала глоток горьких помоев.
Черт.
Может быть, маленький бокал пива не повредит?
Просто чтобы мысли заскользили?
Она снова отогнала искушение, глотнув минералки.
Плавки.
И здесь то же самое, да?
Вода.
Лед.
Look what I can do?
Может, она ошиблась. Может быть, это не имеет отношения к Бэмби, да и почему вообще должно? Есть миллион других причин.
Видите меня?
Я смеюсь вам прямо в лицо.
Видите, что я могу делать?
А вы не можете меня остановить.
Look what I can do.
Ручка быстрее забегала по бумаге.
Жертва номер один.
Вивиан Берг.
Балетная одежда.
Костюм?
Почему?
Это важно, не так ли?
Жертва номер два.
Курт Ванг.

Музыка на телефоне?

My Funny Valentine.

Где здесь... костюм?

Саксофон? И вся обстановка?

Вот это важно.

Она почувствовала, что приближается к чему-то.

Здесь что-то есть.

Жертва номер три.

Рубен Иверсен.

Возраст? Играет ли роль возраст?

Плавки?

Не символичны?

Нет?

Не вода ли?

Конкретнее?

Посмотри... на облачение?

Новый костюм?

Психологическая игра?

Пальцы все быстрее летали над бумагой.

Вольфганг Риттер?

Психиатр?

Танец смерти...

Черт, она чуть не забыла об этом.

Вольфганг Риттер.

Им нужно к нему.

Там будет что-то еще. Она подчеркнула имя и засунула ручку в рот.

Клаус Хеминг?

Все же жив?

Нет, невозможно.

Миа не заметила, как он вошел в паб, и увидела его только у столика.

Лицо далеко в тумане.

– У вас что, не работает телефон? – сказал мрачный голос, в то время как его обладатель опускался в кресло напротив.

Эрик Рённинг за весь вечер не оплатил сам ни одного напитка, и тут за столик принесли еще один, в сопровождении нового лица с тем же выражением, что и у всех предыдущих. Пятьдесят процентов зависти, пятьдесят – любопытства. Еще один неряшливо одетый коллега протолкнулся к нему и упал рядом на стул в надежде вызнать последние новости. Интернет-газета. Как там его зовут? Рённинг не помнил. Да какая разница. С легкой улыбкой он поднял бокал с джин-тоником и повернулся к Веронике Моссберг, которая выглядела еще лучше после – *сколько там он выпил – шести бокалов?* Он не помнил.

«Стоп Прессен». Эрик нечасто посещал это место, на его вкус оно слишком *плебейское*. Для простолюдинов. Редакторы редко сюда заходили, и он не видел причин тут зависать, но это Моссберг предложила.

– Так как вам вообще удалось достать это видео? – спросила Моссберг, глядя затуманенным взглядом.

Это что, еще одна расстегнутая на блузке пуговица? Пуговица, да? Он только на мгновение отвернулся, чтобы пожать очередную руку. Рённинг подмигнул и слегка улыбнулся, придвинувшись еще ближе к Веронике.

– О, ты знаешь, – сказал он, положив руку на спинку дивана. – Хороший нюх. Тяжелая работа.

Моссберг фыркнула и покачала головой.

– Нет, ну серьезно, Эрик, мне интересно. Ну скажи мне.

– *My lips are sealed*^[11], – ухмыльнулся он, проведя пальцем по рту.

– Ой, да ладно, тут же только мы, – подмигнула Моссберг.

Рённинг сделал отбеливание несколько дней назад. У зубного на Родхюсплассен. Бесконечная возня – поддерживать белизну зубов, надо бы решить эту проблему раз и навсегда. Если он будет чаще выступать на телевидении – это совершенно очевидно, – необходимо будет всегда иметь сияющую улыбку. Но пока что он решил не торопиться. Неделю назад он был на одном ужине с несколькими инвесторами, что-то связанное с отелем в Дубае, и жена одного из них (а может, любовница, сложно сказать) была похожа на лошадь со своими новыми зубами. Лучше уж оставить свои.

Он еще ближе придвинулся к Моссберг, коснувшись губами ее нежной щеки и почувствовав аромат ее духов.

– Я знаю одно место поспокойнее, – прошептал он.

– О, да? – хихикнула Моссберг, взяв коктейльную трубочку в рот.

В поле зрения Эрика появился новый человек. Наверняка с еще одним напитком. Еще один любопытный с поздравлениями. Так было весь день. Чертовы санта-клаусы. Неужели они и правда думают, что он раскроет, как удалось записать убийство на видео? Да конечно, держи карман шире.

– О, привет, – сказала Моссберг, поднявшись и поцеловав подошедшего.

– Эрик, это мой муж, Конрад. Вы ведь не знакомы?

Муж?

У Рённинга поднялась отрыжка, и он с трудом подавил ее. Нехотя встал и протянул парню руку.

– Конрад Ларсен, – представился мужчина.

Пиджак, расстегнутая рубашка. Закрученные усы и очки.

– Очень приятно, – пробормотал Рённинг, когда мужчина сел.

Вот дерьмо.

Сейчас он почувствовал.

Сколько он выпил, шесть или семь?

Он еле смог сесть обратно.

– Да, вот это сенсация, – сказал Ларсен, погладив жену по плечу. – Это получилось случайно или как?

Откуда вообще появился этот парень?

Чертова программа.

Рённинг надел на себя улыбку, пробормотал что-то в ответ и извинился. Отыскал туалет и встал перед зеркалом. Это просто пустая трата времени, черт возьми. Сидеть там и трепаться. Он еще и отдал часть своих коктейлей. Этой корове. Рённинг включил кран и подставил лицо под струю. Может быть, пойти в бар в «Гранде»? Немного шампанского?

Шатаясь, он вернулся в бар и подумывал, не выйти ли сразу на улицу, когда заметил пару глаз, впорившихся в него от барной стойки. Красные губы над коктейлем. Блондинка. Узкое, почти ничего не скрывающее платье. Наверное, его ровесница, может, чуть младше. Зачем ей эта зеленая кепка, было неясно, но почему бы и нет? Может, это такой спортивный лук?

Эрик поправил узел галстука и протолкался к стойке.

– Что пьешь? – улыбнулся он, кивнув на ее бокал.

– Допила, – хихикнула девушка.

– О, – подмигнул Рённинг. – Так дело не пойдет.

Он махнул бармену, но тот его не заметил. Он вообще в курсе, кто пришел в его бар?

– Тут все равно тесновато, да?

– Извини? – сказал Рённинг, повернувшись.
– Многолюдно, – подмигнула девушка.
– Точно, – улыбнулся Рённинг, подвинувшись ближе. – Есть другие предложения?

– Жаль, что я живу далеко. А ты?

Точное попадание.

– Вниз по улице, – улыбнулся он, осторожно погладив ее голую руку.

– Что подаешь? – усмехнулась девушка.

– О, ну, знаешь. Тебе понравится.

– Дашь мне минутку? – улыбнулась девушка, взяв сумочку.

– Конечно.

– Я мигом.

Девушка в зеленой кепке слегка коснулась его руки, подмигнула и грациозной походкой направилась к туалету.

– Прошу прощения, – сказал Юн Волд извиняющимся тоном. – Вижу, что вы работаете, но я пытался вам дозвониться. Вам удалось подумать о том, о чем мы говорили?

Он расстегнул пальто, снял кожаные перчатки и положил их на стол.

– Слушайте... – раздраженно бросила Миа.

Она уже почти докопалась до сути. Там что-то было. Ей почти удалось нащупать это.

– Понимаю, – сказал Волд, обезоруживающе подняв руки. – Вы заняты. Это важно.

– Вы вообще газеты читаете? – прорычала Миа, вперившись в него взглядом.

– Конечно. И я бы не побеспокоил вас, если бы это не было столь необходимо. Я могу заказать вам что-нибудь? Еще кофе? Пиво?

– Ничего, – сказала Миа, покачав головой. – Слушайте...

– Знаю-знаю. Пять минут, и меня тут не будет. Мне только нужно знать, сотрудничаете вы или нет. Я знаю, что такие вещи, возможно, претят вам, Миа. Это ваша команда, ваш друг, я понимаю, я все понимаю, но речь идет о приоритете. Героин на улицах. И я ведь сделал ставку на вас, понимаете? Миа Крюгер – на нее можно положиться. Разве она не?..

Он улыбнулся.

– Так-так, – сказала Миа. – Разве она не что?..

– Ну, вы знаете, та история. Вы ведь совсем не пай-девочка, правда?

– Вы вообще о чем? – холодно произнесла Миа.

– Я только ссылаюсь на то, что читал, – упреждающе сказал Волд. – Что думают другие люди. Ну, как же! Застрелить подозреваемого? Отстранялась от работы несколько раз? Как там он про вас писал...

– Кто?

– Миккельсон! Вы с ним, кажется, не лучшие друзья.

– Послушайте меня... – раздраженно начала Миа.

– Миа, – сказал Волд успокаивающе. – Это не мои слова, ладно? Не забывайте, это я вас предложил. Только не вините меня. Информация строго секретна, разумеется. Рассказать Миа Крюгер, чем мы занимаемся? Взять на себя такую ответственность? Что один из ее близких может быть замешан? Я иду на огромный риск, неужели вы не понимаете?

Миа вдруг страшно захотелось пива.

– Ок, – вздохнула она, хлебнув воды. – Что вы там от меня хотели?

– Карри.

Он помахал официантке и заказал кофе.

– Думаю, вы ошибаетесь. Вы это хотели узнать?

– Нет, – сказал Волд. – Я хотел узнать, могли бы вы с нами сотрудничать. В лучшем случае – чтобы опровергнуть нашу теорию?

– В прошлый раз вы меня не поняли? Это не Карри. Он на сто процентов полицейский, плотью и кровью. Он бы никогда не продал душу за что-то подобное.

– Превжний Карри – наверное, – сказал Волд, когда принесли его кофе. – Но что насчет нынешнего? Как он ведет себя в последнее время? Он пунктуален? Трезв?

Волд поднес чашку к губам и, отпив, скорчил гримасу.

– Вы знакомы с его новой девушкой?

Миа покачала головой.

– С Луной Ньюик? Двадцать один год, с дредами, барменша?

– Я уже сказала, что нет.

Волд засунул руку в карман пальто и передал Миа фото.

– Аэропорт Осло прошлым летом. Рейс из Бангкока. Мы ее пропустили, в надежде, что она приведет нас к кому-то повыше, но, к сожалению, на ней все нити оборвались.

– Значит, Карри завел себе подружку, и что? – сказала Миа, подвинув фотографию обратно. – Совпадение. Кажется, по существу у вас мало что на него есть.

– Я бы вас не спрашивал, если бы мы не были достаточно уверены, правда ведь? – сказал Волд, наклонившись к ней. – Мы почти у цели на самом деле. Лорентцен, тот адвокат, – он замешан, без сомнений. Отмывает деньги. У него есть компания на Каймановых островах. Мы давно могли бы его взять, но высокие господа хотят заполучить человека изнутри. Полиция? Это она несет ответственность за то, что улицы наводнены героином. Это не выглядит здорово ни для кого из нас, понимаете?

– У меня и так дел по горло, – вздохнула Миа. – И я не думаю, что это Карри, ок? Вам стоит найти кого-то другого. Так что нет. Давайте на этом и порешим?

Симпатичный агент на секунду замолк. Казалось, будто он взвешивал слова, пока наконец не решился заговорить.

– Безусловно, мы можем найти кого-то другого. Но есть причина, почему мы выбрали вас, Миа. Понимаете, о чем я?

– Нет.

– Героин? – сказал Волд, наклонившись еще ближе.

Она почувствовала его запах. Он напомнил ей о чем-то. Лето. Скала. Бывший парень.

– О чем вы?

– Вы серьезно? – сказал Волд.

– Да, я совершенно не понимаю, о чем вы говорите.

Волд погладил себя по подбородку. Посмотрел на нее исподлобья. Те же глаза. Теплый взгляд, полный любопытства. Она в купальнике. Они хихикали, лежа на полотенце под палящим солнцем на фьорде. Как же его звали?

– Слушайте. Все, кроме меня, были против, говорили, что нам нужно выбрать другого. Гренли. Голи. Это был мой выбор. Я имею в виду, просить вас.

– Вау. Прекрасно. Какая честь, – с сарказмом отозвалась Миа.

– Я не то имел в виду. Я просто посчитал, что вы будете закономерной кандидатурой. Потому что вы уже замешаны.

– Что вы имеете в виду?

– Вас разве не проинформировали? О вашей сестре? – сказал Волд с неподдельной искренностью.

Желудок Мии страшно сжался.

– Нет, – сказала она.

В горле пересохло, и комната вдруг показалась меньше.

Шахматисты встали и ушли.

Художник за стойкой повернулся к ней.

Давай, Миа, приди в себя.

– Миа? С вами все нормально?

– Да, – буркнула Миа, осушив бутылку минералки.

– Хотите что-нибудь? Все в порядке?

– Все нормально.

– Вы не знали?

– О чем не знала?

– У нас есть причины полагать, что ваша сестра была одной из первых, – произнес Волд, сложив руки на столе.

– Из первых кого?

– Верблюдов, – сказал Волд. – Вот поэтому. Понимаете?

– Поэтому вы выбрали меня?

– Да.

– Я вам не верю, – отрезала Миа.

– Это, конечно, ваше право, – улыбнулся Волд. – Но подумайте сами.

Как умерла Сигрид? Неужели она действительно сама себе вколола передозировку?

Миа бросила взгляд на краны с пивом.

– Маркус Скуг, она ввозила вещества для него. Мы полагаем, что эти дела связаны. Я думал, вы знали. Что поэтому я пришел именно к вам.

Пиво.

– Нет. Я не знала.

Он бросил взгляд на ее запястье.

– Ничего? Ну, то есть...

«Егерь». Ей нужно что-нибудь выпить.

– Что? – спросила Миа.

– Этот браслет?

– И что? – тихо промолвила Миа, подняв руку со стола.

Она почувствовала, как браслет впивается в кожу.

Сердечко, якорь и буква.

Давай ты возьмешь мой, а я твой?

– Этот?

– Да.

– А что с ним?

– Ходят слухи, – серьезно сказал Волд, наклонившись к ней. – Про одну из прежних курьеров. Ее зовут Сесилие. Говорят, она там была.

– Где – там?

– Там, где умерла ваша сестра. Говорят, она ходит по городу с таким же браслетом, как у вас. Как вот этот.

Волд кивнул на ее запястье.

– Что-то ищет. Деньги, или я не знаю.

– Как там ее зовут, вы сказали? – спросила Миа, ощутив, что комната куда-то уплывает.

– Сесилие. Ее называют Сиссе. Большого мы не знаем. Наркоша. Ей ближе к сорока. Блондинка в красном пуховике – это все, что у нас есть, к сожалению. Я никак не могу поверить, что они вам не...

Таблетки.

Алкоголь.

Все что угодно.

Больше ничто не имеет значения.

Миа подняла руку, предупреждая улыбку.

– Все нормально. Спасибо. И если бы вы сейчас ушли, было бы отлично.

– Конечно, – кивнул Волд, поднимаясь. – Но вы с нами?

- Само собой.
 - У вас есть мой номер?
 - Есть.
 - Свяжетесь со мной?
 - Как только что-то выясню.
 - Хорошо, спасибо. Я очень ценю это. Рад, что вы в деле. Очень.
 - Супер, – сказала Миа, пожав его руку.
- Волд надел пальто, отдал честь и направился к выходу.
Миа подождала, пока он скроется из виду.
Затем нащупала телефон в кармане.
И нашла номер Чарли Бруна.

Приходской священник Пол Мэллей закончил утреннюю службу и не мог дожидаться, когда пойдет в исповедальную кабинку. Вчера он сделал то же самое, но просидел там в одиночестве два часа. Молодой человек не вернулся, но священник вовсе не думал сдаваться. Да, он немного разочарован, это так. Вторник был таким прекрасным. У него родилась эта идея, и возможностью исповедоваться не просто воспользовались, нет, пришел тот, *кто по-настоящему нуждался в священнике*. Новый в пастве. Кто до этого даже ни разу не исповедовался.

«Это касается моего брата».

Мэллей подготовился к разговору. Долго сидел прошлым вечером, просматривал Писание, перечитывал фрагменты, где речь шла о братьях. О любви к ближнему. О самопожертвовании в пользу другого. Пропитанный отчаянием молодой голос преследовал его во снах. Его разбудил бывший ему в лицо свет. Проснулся он со странным ощущением, что кто-то говорил с ним. Это был Господь? Не совсем ясно, но все-таки Господь похвалил его за то, что он сделал. Этому бедному агнцу нужна была помощь. Где-то вдалеке на облаке сидела Пресвятая Дева с арфой и улыбалась. Но, видимо, он все же не просыпался, потому что вскоре прозвенел будильник, и, лежа на белой подушке, он почувствовал себя словно заново рожденным. Он почти ничего не съел за завтраком, в таком возбуждении он пребывал.

Но никто не пришел.

«Я жду тебя каждое утро, ты должен знать это. Приходи ко мне, когда захочешь».

Почему он не пришел на следующий день?

Да, священник был разочарован, придется признать это.

Он превосходно провел сегодняшнюю утреннюю службу, хотя мыслями он был не совсем здесь.

Придет ли сегодня молодой человек?

И тут священнику пришла в голову не столь оптимистичная мысль: если он не придет сегодня, сколько еще придется ждать?

Он закатал рукав сутаны и взглянул на часы.

Наверное, это глупо – связать себя таким обещанием.

Мэллей вздохнул, слегка постучал пальцами по ноге. Деревянная лавка была жесткой и неудобной, к тому же он проголодался. Он сидел тут уже почти целый час. Сорокатрехлетний священник решил, что с него хватит,

но тут вдруг услышал приближающиеся шаги и увидел чью-то фигуру за решеткой кабинки.

– Отец, – произнес молодой человек, осторожно закрыв дверь за собой.

Душа его возликовала. Он все же вернулся.

– Сын мой, – сказал священник своим глубоким голосом. – Ты нашел дорогу назад?

На секунду тишина за решеткой.

– Меня терзали сомнения. Но, думаю, это будет правильно, отец. Хочу поблагодарить вас за то, что позвали меня сюда.

Поблагодарить?

Мэллей улыбнулся про себя и вновь ощутил тепло внутри.

– Благодарю Господа и Деву Марию, – мягко произнес он. – Мы все только слуги Господни. Кто я, только жду тебя.

– И все-таки спасибо. Я много думал. И решился.

– Так? – осторожно проговорил Мэллей.

– Я расскажу вам все.

– Можешь положиться на меня, – спокойно сказал Мэллей. – В этой комнате тебя судят только глаза Господа.

– Судят?

Мэллей чуть покашлял.

– Не судят, но увидят, я имел в виду, что здесь только Он видит нас.

– А что если Господу не понравится то, что он увидит?

– Послушай меня, – сказал священник, приблизившись к решетке. – Никто не судит. Я неверно выразился. Тут только ты и я. Больше никого. Так лучше?

Он отклонился назад и застыл в ожидании.

– Да, так хорошо, отец, – наконец промолвил голос незнакомца. – Думаю, мне необходимо рассказать все. Надеюсь, это не будет глупо. И никому не навредит.

– Господь рад, что ты захотел поделиться, – сказал Мэллей в надежде, что это не прозвучало слишком воодушевленно. – И Он хочет, чтобы ты знал: что бы ты ни носил в себе, Он примет это с любовью к ближнему и пониманием.

На другой стороне снова наступила тишина, но наконец сидящий там произнес:

– Простите меня, отец, я согрешил. Я знаю такие вещи, о которых боюсь говорить, но я больше не могу, на сердце так тяжело, я вынужден открыться.

Мэллей не был уверен наверняка, но ему показалось, что из-за решетки он услышал плач.

– Я рад, что ты пришел, – произнес он спокойно. – То, что ты расскажешь, услышит Бог. Темная ноша тяжела для светлого сердца.

Он не помнил, из Библии ли эта цитата, но прозвучала она к месту.

– Да, отец, у нас дома тьма. Но это же не моя вина?

Ну, тут уж явные слезы. Хныканье в дрожащих губах.

– Совсем нет, сын мой, – сказал Мэллей, снова придвинувшись к решетке.

Больше всего ему сейчас хотелось открыть люк, крепко обнять молодого человека, дать ему понять, что тот не один, но оставалось лишь надеяться, что тепло его голоса будет иметь ту же силу.

Бедный мальчик.

– Сколько у меня времени? – пробормотал плачущий голос.

– Столько, сколько потребуется, – спокойно проговорил Мэллей. – Я никуда не тороплюсь.

– Спасибо, – шмыгнул парень и снова умолк.

– Я даже не знаю, с чего начать, – наконец произнес он. – Это некрасиво с моей стороны.

– Что некрасиво?

– Рассказывать о моем брате. Я чувствую, будто я его предаю, но я больше не могу, все эти годы, понимаете, отец?

– Конечно.

– С чего мне начать?

– Как тебе кажется, с чего лучше?

И опять тишина за деревянной решеткой, но казалось, что незнакомец наконец взял себя в руки.

– Наверное, с пожара.

– Так? – сказал Мэллей, почувствовав, как сердце забилося в груди.

– Или с олененка, – осторожно произнес парень. – Не знаю...

– Не торопись, сын мой. О каком пожаре ты говоришь?

– В тот день мы все умерли, хотя некоторые из нас остались в живых, – спокойно сказал голос. – Я могу довериться вам, отец? Могу рассказать вам все?

– Конечно, сын мой, – кивнул Мэллей.

И придвинулся ближе к решетке.

Сначала он был дома. А потом оказалось, что все-таки нет. Сначала с девушкой в зеленой кепке. А потом она стала... обезьяной? Эрик Рённинг выключил телевизор, но, кажется, он держал не пульт, а... банан? Девушка в кепке превратилась в обезьяну и дала ему банан. Вдруг стены вокруг изменили цвет. Его квартира была диско-шаром. Нет, это не так. Он был не дома. Он был в другом месте. Хотя нет, он был дома, но *сейчас* это не был его дом. Это был дом *давным-давно*? Это было в 1999. Ему было всего четырнадцать. На стене висел плакат Backstreet boys. Ник, Кевин, Эй Джей, Хауи и Брайан. У него болели легкие. Должно быть, он заболел. Девушка в кепке исчезла. Она ушла из его квартиры, взмахнув волшебной палочкой, в облике Гермионы Грейнджер из «Гарри Поттера». Вингардиум Левиоса. Мама? Это мама крутилась на кухне? Это мама сидит в лыжной маске на голове у его постели? С охотничьим ножом? С тем, который подарил ему дядя Туре? *Quit playing games with my heart.*^[12] Это был пятничный вечер в Доме Молодежи в Аскере. Танцы. Почему его так тошнит? Почему вокруг все как в тумане? Как будто в фильме все крутилось с дикой скоростью, переворачиваясь с ног на голову? Поэтому мама крепко привязала его? Чтобы он не упал? Ведь кровать теперь на потолке? Он попытался что-то сказать, но его рот был накрепко заклеен большой яхтой с пристани около дома, куда он часто ходил нырять.

Эрик Рённинг распахнул глаза.

На краю постели сидел мужчина в лыжной маске.

– Очнулся?

– Что? – сказал Рённинг, но раздалось только мычание.

Рот заклеен.

Поначалу он не понял, что происходит.

Поэтому и не испугался.

Но постепенно... *до него дошло.*

– Очнулся? – повторил мужчина в лыжной маске и что-то воткнул ему в ступню.

О господи...

Эрик почти не ощутил боли.

Ему едва хватило силы воли не паниковать.

О господи...

Господи...

Кто-то крепко привязал его к его собственной кровати. За руки и за ноги. На нем не было одежды. Только боксеры. Рот заклеен. Ступни торчали. В направлении мужчины в лыжной маске с большим ножом в руке.

– Ты меня слышишь? – сказал тот, злобно взглянув на него, и еще раз пырнул его ножом.

Твою м...

Он так громко взвыл, что голова чуть не лопнула, но изо рта снова не донеслось ни звука.

– Ты очнулся?

Рённинг кивнул.

– Хорошо, – сказал глазастый спокойным голосом. – Любишь поговорить, да? Любишь внимание?

Мужчина, образовав рукой в перчатке куклу, стал говорить от ее лица:

– Смотрите на меня. Я в телевизоре. Я нахожу секреты. Я думаю, что я особенный.

Господи.

– А ты знаешь, что мы делали в Афганистане? С теми, кто слишком любит болтать?

Рённинг почувствовал кончик ножа на ступне. Его тело дернулось, комната опять начала крутиться.

Что за ад.

Должно быть, он снова на мгновение отключился, потому что, когда открыл глаза, мужчина в лыжной маске стоял, склонившись над ним.

Он почувствовал запах.

Запах перчатки, которой его ударили, чтобы он очнулся.

И чего-то кислого.

– Ты не должен сейчас отключаться, ок?

Лыжная маска снова села у постели.

В дырках на маске темные глаза.

– Кивни, если ты тут.

Рённинг кивнул. Так, как никогда еще не кивал.

– Хорошо. Больше не засыпай, ладно?

Рённинг лихорадочно закивал.

– Хорошо. Ты сука, да? Крутишь хвостом в красивой одежде на экране и крадешь внимание?

Рённинг рьяно закивал.

Он почувствовал, как от него воняет.

Страх, превратившийся в вонь из подмышек.

Господи.

Твою мать.

– Хорошо, – кивнул человек в маске. – Но теперь ты моя сучка. Понимаешь, я умею импровизировать. Я люблю планировать, в этом моя сила, но когда хочу, могу и импровизировать, правда?

Рённинг не знал, хотел ли тот, чтобы он ответил на последний вопрос, но на всякий случай кивнул. Свет от люстры бил в глаза. Такой чувствительности в теле Эрик никогда и близко не ощущал. Он словно чувствовал на ноге холодное лезвие, хотя мужчина и не касался его ножом.

– Ты моя сучка?

Рённинг неистово закивал, и тут его вонь усилилась, его затошнило.

– Хорошо. В обычной ситуации я бы просто тебя убил, но я подумал, почему бы не использовать эту сучку? Импровизировать? Умно, правда?

Нечто похожее на улыбку возникло в дырке в нижней части маски.

Рённинг закивал изо всех сил.

– Знаю. Я умен. Они думали, что им удастся избежать этого? А теперь, как тебе кажется, это так?

Мозг Эрика работал на последней передаче, но это было все равно что плыть против течения.

Афганистан?

Избежать?

Но чего?

Он на всякий случай помотал головой.

– Лашкаргах, – тихо произнес голос. – Знаешь, где это?

Рённинг лихорадочно покачал головой.

– Конечно же, нет, – сказал мужчина в лыжной маске, пожав плечами. – Вот так жертвуешь жизнью за родину, и где благодарность? Меня показывают в новостях? С медалями на груди? Ты видел какой-нибудь парад? Как дети машут флагами и играют на трубе? Нет. Они надеялись, что все просто забудется, не так ли? И что, спрятаться в подвале? Притвориться, как будто ничего не было?

Мужчина зажмурился и демонстративно сплюнул на пол.

– Нет. Теперь настало мое время.

Он засунул перчатку в карман чего-то похожего на военную куртку и достал листок бумаги.

– Видишь это?

Рённингу не было видно, что там написано, но он все равно закивал.

– Передашь им это от меня, ладно? И я имею в виду не тех, с кем ты работаешь. А высшие инстанции. Самые верха. Понял?

Рённинг снова кивнул и почувствовал, что весь вчерашний день вот-вот выйдет из его желудка.

– Хорошо, – усмехнулся рот в дырке и поднялся.

Он быстро повернулся к стене и ударил ножом по бумажке.

Эрик Рённинг увидел, как рукоятка задрожала на обоях. Мужчина в маске подошел к нему и развязал ему одну руку. Уши Эрика едва уловили, как где-то вдалеке захлопнулась входная дверь, как тут же он трясущейся рукой содрал скотч со рта и перегнулся через край постели.

И заблевал весь пол.

Габриэль сидел в маленькой переговорной вместе с Ильвой и Людвигом, впечатленный тем, как много пожилой следователь успел повесить на стену за такое короткое время. Множество фотографий. И под каждой – маленькая бумажка с именем. Развешаны согласно их связи друг с другом. В этом-то была серьезная проблема, над которой они работали со вчерашнего вечера, по-прежнему особенно никуда не продвинувшись.

Связь... *Непохоже, чтобы она здесь была.*

– Это, должно быть, просто случайные жертвы, – вздохнула Ильва, снимая очки.

Она потеряла глаза и зевнула.

– Я тоже не понимаю, – пробормотал Гренли, снова бросив взгляд на разноцветную стену. – Это по-прежнему единственное, что у нас есть?

Он указал на красную линию, связывающую Вивиан Берг и Реймонда Грегера.

– Я забыла, кто это вокруг Курта Ванга? – спросила Ильва.

– Его группа, – ответил Гренли. – Вокалистка Нина Уилкинс. И барабанщик, португалец Данило Коста.

– Сорри, – сказала Ильва, снова потирая глаза. – Просто я так долго смотрю на это, голову как будто пылью набили.

Никто из отдела не уходил домой. Ильва спала в своем кресле за компьютером. Сам Габриэль чуть прикорнул на диване в комнате отдыха. Он бы не стал называть это сном. Только беспокойные мысли, фотографии и события, которые никак не связывались между собой.

В комнату, держа чашку кофе, вошел взъерошенный Мунк. По его виду тоже нельзя было сказать, что ему удалось поспать.

– Как дела? – спросил он, упав на один из венских стульев. – Связь? Хоть в чем-нибудь? Ничего?

– Все еще ищем, – сказал Гренли, прикусив губу. – Но сложно что-то найти.

– Ладно, – сказал Мунк, почесав бороду. – Расскажите, что есть на данный момент.

– Убийства, места преступлений и все, кто имеет отношение к жертвам, – показал Гренли. – А там – линия времени. Здесь, на этой стене, собраны все данные о перемещениях, полученные от техники. Телефоны, компьютеры, места, где находились жертвы. То, что удалось отследить.

– Кстати, кто-нибудь видел Мию? – зевнул Мунк. – Или Карри?
– Со вчерашнего дня – нет, – ответил Гренли.
– Извини, продолжай, – сказал Мунк, сделав глоток кофе.
– Ни одного совпадения по телефонам и соцсетям, – показала Ильва. – У Вивиан Берг все оставалось дома, поэтому не было никаких сигналов с того вечера, как она вышла из своей квартиры. Телефон Курта Ванга отслежен от Грюннерлекки и до Гамлебюена, временные точки соответствуют периоду с тех пор, как он пропал, до тех, когда его нашли.
– С репетиции, да? – сказал Мунк, подавляя зевоту.
Ильва кивнула.
– Но он не пользовался им?
– С тех пор, как его последний раз видели, – нет.
– Что с Иверсеном?
– Запись из торгового центра Стуру опровергает, что он был там, во всяком случае, те пленки, которые у нас есть. Сообщения в его телефоне подтверждают, что он планировал ночевать у товарища, но пропал где-то по пути.
– Где именно? – спросил Мунк.
Гренли переместился к большой карте у двери.
– Последний сигнал его телефона был здесь. Грефсен.
– Значит, недалеко от дома?
– Вот его дом. А здесь живет товарищ, не помню, как его зовут.
– Мартин, – подсказал Габриэль.
– Ладно, значит, наша теория подтверждается?
– Насколько я вижу, да, – кивнул Гренли. – Похоже, что он просто собирался в гости с ночевкой, мы видим, как он на мопеде стоит на заправке «Statoil», а потом – да, видимо, его остановили по пути.
– На камере этого нет?
– Жилой район, – сказал Гренли, покачав головой. – Сомневаюсь, что мы найдем что-то.
– Значит, Берг забрали от дома. Ванга – с репетиции. Иверсена – с улицы. Никакого сходства. Никакой связи.
– Нет, – вздохнул Людвиг.
Вообще-то коллеги уже давно пришли к такому выводу, но Мунк никак не хотел сдаваться. Габриэль не так долго проработал в отделе, но, разумеется, понял почему. Случайные жертвы – ночной кошмар любого следователя.
– Социальные сети? По-прежнему ничего? – спросил Мунк, снова хлебнув кофе.

– Вивиан Берг, довольно скудный профиль, – сказал Габриэль. – Мало друзей. Мало постов. Курт Ванг чуть более активен, в том числе он был администратором группы, где довольно много подписчиков.

– А мальчик?

– Как большинство подростков, очень активен, в основном в «Снэпчате». На «Фейсбуке» и в «Инстаграме» – меньше, это, скорее, для возрастных групп постарше.

– Снэп?..

– Там делают фотку и кому-нибудь отправляют, ее недолго видно, потом она исчезает, – пояснила Ильва.

– Исчезает?

– Да.

– И в чем идея? Зачем фото?

Габриэль скрыл улыбку, Ильва принялась объяснять, но в конце концов Мунк только отмахнулся.

– Ладно-ладно, значит, снэп... как его там?

– «Снэпчат». Там он был очень активен, у него были стриксы со множеством людей.

Мунк хотел было спросить снова, но передумал.

– Но все еще нет никаких признаков, что кто-то из них был знаком друг с другом? Нигде не встречались? Ни в Сети, ни в реальности?

– Пока нет, увы, – сказал Гренли.

– Спорт? Хобби? Политическая активность? Закупались в одних интернет-магазинах? Что насчет истории поиска на компьютерах?

– Я тщательно проверил истории браузеров всех троих, – сказал Габриэль. – И все истории поиска в Гугле за последние недели, но единственное общее, что я смог найти, – это NRK^[13].

– Да? – оптимистично отреагировал Мунк.

– У Берг и Ванга – новости. У Иверсена – молодежная программа. Ничего ближе нет.

– Кстати, – сказал Людвиг. – Сегодня утром мне звонил дядя Рубена Иверсена.

– Так? И что он?

– Он спрашивал, не можем ли мы им помочь. Их дом круглосуточно осаждают журналисты. То же самое в школе, ученикам не дают покоя.

Мунк вздохнул.

– К сожалению, мы ничего не можем поделать.

– Знаю, – кивнул Гренли. – Я так и сказал.

– Бедные люди, – сказал Мунк, покачав головой, когда вдруг

распахнулась дверь и вбежала запыхавшаяся Анетте Голи.

– Почему не берешь трубку?

У обычно спокойной полицейского адвоката были выпученные глаза и бледное лицо.

– Телефон у меня в пиджаке, – сказал Мунк. – Что случилось?

Голи быстро оглядела собравшихся.

– В твой кабинет. Быстро.

– Но мы тут...

– Нет. Сейчас же. Срочно, – строго сказала Голи и побежала по коридору.

– Что происходит? – с любопытством спросил Мунк, когда Анетте закрыла за ними дверь.

– Мне только что позвонили сверху, – сказала Голи, чуть-чуть отдышавшись.

– Миккельсон?

Она покачала головой.

– С самого верха. Кабинет министра юстиции. Думаю, это был штаб обороны, но представились они так.

– Штаб обороны?

– Помнишь того журналиста? Рённинга?

– Да.

– Сегодня ночью его навестил наш преступник, как они считают.

– Что? – воскликнул Мунк, бросив взгляд на часы на стене – уже половина первого. – Сегодня ночью? И мы узнаем об этом только сейчас?

– Это последнее, о чем нам стоит беспокоиться, Холгер, – проговорила Анетте.

– Наш преступник, – раздраженно перебил ее Мунк. – Откуда они, черт побери, это знают?

– Холгер...

– Чертовы идиоты.

– Холгер, – повторила Анетте, протягивая к нему руки. – Есть список.

– Что еще за список?

Анетте на секунду замолчала, словно ей пришлось взять себя в руки, чтобы сообщить.

– Список имен.

– Каких имен?

– Список жертв.

– Какого?..

– Пятьдесят имен, – пробормотала Анетте. – Вивиан Берг. Курт Ванг. Рубен Иверсен. Как ты знаешь, мы не обнародовали никаких имен, но все они есть в этом списке. Мне только что звонили из министерства.

– Нет, это, должно быть, какая-то шутка. Это же... – начал Мунк, но Анетте опять перебила. Мунк никогда не видел у нее такого серьезного взгляда.

– Премьер-министр ввел пятый уровень. Уже идет речь о том, чтобы

обеспечить безопасность королевской семьи.

– Но какого хрена...

– Пятьдесят случайных людей, – сказала Голи, помотав головой.

– Список у нас?

– Нет, он засекречен.

– Но какого черта! Как же мы сможем?..

Мунк взглянул на Голи и понял, что она еще что-то не рассказала ему.

– Что? – спросил он, когда она отвела глаза. – Нас *отстранили*, да?

Они сами займутся этим делом?

– Нет-нет, – сказала Голи, прикусив губу. – Мы в деле, точнее...

– Что?

– Только ты и я, – наконец неохотно призналась Анетте. – Только наивысшая конфиденциальность. Сейчас они собирают группу лидеров. Должны перезвонить мне в течение часа.

– Но, черт возьми, Анетте. А как же... Миа?

– А ты бы как поступил на их месте? – сказала Анетте, пожимая плечами. – Ты же помнишь, как все было? Как ей было трудно? Они ей не доверяют. Ее не допустили. Послушай, пятьдесят человек. Случайные жертвы. Ты только представь, если это всплывет на поверхность.

– Так кто в деле?

– Ты и я.

– Да, но кто в этой группе лидеров?

– Как я уже сказала, штаб Обороны, я думаю, СБП^[14] и наверняка штаб из юстиции.

– Миккельсон?

– Понятия не имею, – сказала Голи, покачав головой. – Насколько я знаю, нет.

– И все же... Миа?

– Нет, совершенно точно нет, – сказала Анетте, когда зазвонил ее телефон. – Разберешься с этим? Или хочешь, чтобы я?..

– Нет-нет, я все улажу, – вздохнул Мунк.

У нее снова зазвонил телефон.

– Голи, слушаю, – сказала адвокат и вышла из комнаты.

Сорокадвухлетний Юн Ивар Салем по профессии был сантехником, но в тюрьме Уллерсму был известен вообще-то не этим. Ему присудили максимальное наказание – двадцать один год лишения свободы, и он был одним из заключенных, сидевших дольше всех. Это само по себе вызывало к нему достаточно уважения, чтобы другие арестанты не беспокоили его. До тех пор, пока не прибыла группа косовских албанцев. Эта чертова шушера не читала газет, не смотрела телевизор и думала, что может обойти порядки. Возомнить себя королями. Захватить кухню и телефон. Указывать, что кому делать. И Юн Ивар Салем решил, что пора положить этому конец.

На самом деле ему было насрать. Обычно он не вмешивался во внутренние разборки Уллерсму, по той простой причине, что никто из заключенных не смел и пальцем его тронуть или отказать ему в чем-то. Наверное, обычному человеку сложно понять, что взрослые мужики с головы до ног в татуировках могли драться за что-то настолько банальное, как пачка сосисок или доступ к душу, но здесь, в тюрьме, все было именно так. Салем отсидел уже семь лет, оставалось еще четырнадцать. Он имеет право подать на досрочное освобождение, отсидев две трети срока, но до этого ему еще семь лет, так что вести себя правильно нет причин.

Пока нет.

Скоро снова будет пожар, и он ждет не дождется.

Он был старше большинства сидящих здесь и считал себя кем-то вроде отца для них всех. Еда, которой тут кормили, была настолько ужасной, насколько только можно представить. Им везло, если готовили тушеное мясо или нечто похожее на рыбу. Но обычно им давали еду, по вкусу напоминавшую содержимое верблюжьей задницы. К счастью, у них была возможность заказывать отдельную еду, на свои деньги, конечно, и Салем взял на себя эту инициативу и обязанность. Собрал группу из приближенных, взял под контроль кухню и чувствовал себя словно повар с собственным рестораном. Подавал если не изысканные, то, по крайней мере, съедобные блюда каждый день, на деньги, которые ему отдавали почти добровольно.

Ах, языки пламени.

Словно человек в пустыне.

Много лет без воды.

Но скоро он снова утолит жажду.

Косовские албанцы. Их было трое, все осуждены за распространение кокаина и героина, а чокнутые, управлявшие этим дурдомом, конечно же, поместили их всех в один отсек. Детский сад. Двадцать с чем-то, крутые гангстерские морды и обязательные татуировки. Имени женщины на плече было недостаточно, нет, обязательно нужны черепа и слезы, желательно поперек лица, хотя бы на всю шею, и, естественно, что-нибудь на пальцах, LOVE-HATE, KILL-FUCK. Поначалу Салем просто игнорировал албанцев, так он поступал со всеми первоходками здесь, с теми, кто должен был сидеть меньше десяти. Но потом они сорвались на нескольких парней в кульверте. Избили их до полусмерти кулаками и банками с тунцом в носках, забрали под контроль душевые, кухню, и теперь они просто вынуждены поставить новичков на место.

Пламя.

Внутри все крутило.

Щекотало от пальцев ног и наверх к паху.

Он не спал уже много дней.

Эти идиоты могли бы от многого защитить себя, если бы просто в свое время смотрели телевизор. Если бы знали, кто он такой. Многого можно было бы избежать. Тогда, может, они бы и дожили до тридцати. Безусловно, они этого не делали. Во многом потому, что не знали норвежского, но в большей степени, вероятно, потому, что в 2006, когда случилось худшее для Салема, этой шпане было всего по тринадцать-четырнадцать лет. Он ощутил, как рот растягивается в улыбке, и ему пришлось приложить усилия, чтобы сохранить холодную голову.

О, как приятно это будет.

Языки пламени.

Наконец-то.

Ему стало трудно дышать.

Салема разбудил скрипучий звук почтовой тележки, и в коридоре появился улыбающийся Маффинс. Татуированный тренделагец^[15], сидевший, как и большинство молодежи здесь, за наркотики, насилие, а часто за то и другое вместе.

– Это мне? – удивленно сказал Салем, посмотрев на пакет, который передал ему Маффинс.

– Ага, – улыбнулся тренделагец, поковырявшись в зубах грязным пальцем. – Завел подружку?

– Что-то не припоминаю, – ухмыльнулся Салем в ответ и почувствовал нарастающее любопытство.

Сколько он помнил, он ни разу не получал ничего с воли.

Пакет был, естественно, вскрыт, но Салем не видел, что внутри. Его снова запечатали и надписали, как обычно, «ПРОВЕРЕНО», корявыми буквами на коричневой бумаге.

– Они там хорошенько почесали головы на охране, – усмехнулся Маффинс, оглядевшись вокруг.

– Да?

– Хе-хе, да, долго перетирали, отдавать ли посылку тебе.

– Вот как, а что же это?

– Ну, ты что, думаешь, они позволят мне посмотреть? Я только доставляю. Кстати, мы в деле?

Последнее он прошептал сжатыми губами, оглядываясь за плечо. Не то чтобы в этом была необходимость. В этой части охранники бывали редко: только чтобы что-то запереть, или отпереть, или выпустить кого-нибудь в сортир после отбоя. Ресурсы королевства использовались в других местах. Здесь все было свободно.

Это положение устроило Салема как нельзя лучше.

Они должны покончить с албанцами немедленно.

Время пришло.

Языки пламени лизнут кожу.

– Да, конечно, – кивнул Салем, не отводя глаз от пакета.

– После обеда? В кульверте?

– Ага, пацаны играют в баскетбол до часу. После этого возьмем их.

– Пам-парам, вот повеселимся! Насколько далеко зайдем? Придется в карцер?

Салем строго посмотрел на юного тренделагца.

– До конца, конечно.

– Черт, Юн, мне осталось всего шестнадцать месяцев, я не могу взять на себя убийство, ты же понимаешь?

– А кто сказал, что тебе придется?

Молодой наркоторговец выпучил глаза.

– Ты сделаешь?

– Вы следите, я делаю.

– Король, – усмехнулся Маффинс, подняв руку в жесте, напоминающем «дай пять» или другой идиотский молодежный жест, но Салем не ответил на него.

– Максимум попадете на пару дней в карцер.

– Это мы выдержим, не парься.

Издали раздались нетерпеливые выкрики:

– Твою мать, Маффинс, вы там что, женитесь? Хватит тормозить!

Большинство из второго отсека ждали скрипа тележки, как Рождества.
– Расслабьтесь, иду я, иду, боже мой.

Маффинс вздохнул, подмигнул и покатил дальше по коридорам.

Посылка?

Салем закрыл дверь в свою камеру и с нетерпением уселся на стул за маленький письменный стол. Осторожно развернул бумагу и удивился тому, что лежит внутри. Золотое кольцо и записка.

Дорогой Юн Ивар Салем.

Мы с вами незнакомы, но, тем не менее, я прошу вас оказать мне услугу. Позаботьтесь об этом кольце, скоро кое-кто придет и заберет его. Вы будете вознаграждены. Спасибо за помощь.

Без подписи.

Что это за хрень? Странно. Если бы не было указано его имя, он был бы уверен, что это ошибка. Салем достал кольцо из коробочки, при свете настольной лампы оно посверкивало. Он перевернул бумажку, но больше никаких надписей не нашел. Странно, ну и ладно. Почему бы не присмотреть за чертовым кольцом. Да еще и за вознаграждение? Без проблем.

Скоро будет жарко.

Завтра утром.

Юн Ивар Салем улыбнулся самому себе, засунул кольцо под подушку и лег на кровать передохнуть.

Мию разбудил хорошо знакомый певучий голос. Зевая, она встала с чужой кровати и прошла в кухню.

– Лунный Свет, – улыбнулся Чарли Брун и крепко обнял ее. – Смотри, вот ты и поспала. Позавтракаешь?

– Что за хрень ты мне дал? – зевнула Миа, ошалело плюхнувшись на стул.

Чарли был, как обычно, в ударе. Сегодня на нем большое развевающееся зеленое платье, а поверх него фартук с надписью «Kiss the Chef»^[16].

– Яйца? Бекон? – чарующе улыбнулся Чарли и взял сковороду с плиты.

– Нет, мне ничего не нужно, спасибо, – пробормотала Миа. – Сколько времени?

– Как так? Ты ничего не поешь? У тебя уже мяса на костях не осталось.

Чарли протанцевал по кухне и наполнил ей тарелку.

– Еще есть сосиски. Хочешь?

– На завтрак?

– Почему нет? Англичане это любят. Я говорил, что на прошлой неделе был в Лондоне? На мюзикле. «Король Лев». Его совершенно не перехвалили. Потрясающе. Боже, я так плакал. Не странно ли, что со мной такое произошло?

– Какое? – сказала Миа, отправив в рот кусочек бекона.

– Что взрослый мужчина плачет от детского мюзикла?

– В тебе меня ничего не удивляет, Чарли, – улыбнулась Миа, почувствовав, как медленно приходит в себя.

Что-нибудь, чтобы уснуть.

Она завалилась к Чарли в клуб, отчаянно жаждая опьянения, мечтая выпить хоть что-нибудь, но он успокоил и отговорил ее.

К счастью.

Ни капли алкоголя.

Только что-нибудь, чтобы уснуть.

Миа потянулась, оглядевшись в маленькой уютной квартирке.

– Ты сделал ремонт?

– Да, – сказал Чарли, широко улыбаясь. – Все новое. Ковер, мебель, новый цвет стен. Все по фен-шую. Нужно иногда менять обстановку, если

этого не делать, можно и застрелиться, правда?

Чарли приложил палец к виску, стоя у холодильника.

– Что будешь пить? Посмотрим, у меня есть сок, смузи...

– Просто воду, спасибо. Если только у тебя не найдется кофе.

– Кофе? Ну конечно, найдется. У меня новая кофемашинка. Суперсовременная. Только у меня и Джорджа Клуни. Вот *такой* мужчина может мне понравиться. Ты знала, что он любит одеваться, как я?

Чарли подмигнул и предложил ей поднос с капсулами.

– Арабика? Лацио? Казаар?

– Какой-нибудь темный, – пробормотала Миа.

– Ристретто, – кивнул Чарли. – Сочетание лучших южноамериканских зерен арабики и аромат робусты для большей насыщенности.

Он поднес к ней капсулу демонстративным жестом, слегка надув губы.

– Ты что, их продаешь? – улыбнулась Миа, причмокнув бутербродом с глазуньей.

– Новое лицо «Неспрессо», – кивнул Чарли, наклонив голову набок. – Как тебе?

– Идеально, – хохотнула Миа.

– Джордж и я, – сказал Чарли, обольстительно подняв брови.

– Ты же просто это придумал?

– Что?

– Что он тоже любит одеваться в женскую одежду.

– В моих снах, Миа, – подмигнул Чарли, нажав кнопку на кофемашине. – Да неважно, я охотно приму его таким, какой он есть. Воды?

– С удовольствием.

Во рту у Мии пересохло. Глаза заволокло пеленой, но это должно скоро пройти.

Чарли отговорил ее от выпивки.

Только снотворное.

Слава богу.

Чарли Брун – не кто иной, как ангел во плоти.

– И семейные фото повесил, как вижу? – сказала Миа, когда он подал ей кофе.

– Да, – с легкой горечью ответил Чарли, бросив взгляд на стену за ее спиной. – Знаешь, им было непросто все это принять. В детстве малыш Чарли подавал такие большие надежды. Ты знаешь, что я играл в хоккей?

– Ты?

– О да. В команде «Стурхамар». Форвард. Я был хорош.

Четыре фотографии в красивых рамочках. Улыбающиеся лица взрослых, между ними маленький круглый мальчик, в те времена, которых больше нет.

– Добрые воспоминания, – сказал Чарли немного грустно.

– Все еще не общаешься с ними?

– Недавно написал письмо отцу. Он уже старенький. Любит получать все по почте. Так мне кажется. Не то чтобы я знал точно, ведь уже много лет прошло...

– И?

– Увы, без ответа, – вздохнул Чарли. – Но попробовать стоило. Хороший кофе?

– Идеальный, – сказала Миа и тут заметила часы над плитой. – Вот черт.

– Что такое?

– Уже почти полвторого?

– Ну да.

– Я страшно опаздываю, – произнесла Миа, резко вскочив со стула.

Она похлопала себя по карманам штанов, но телефона там не оказалось.

– Ты не видел мой телефон?

– Он у меня, – проговорил Чарли и исчез.

Черт.

Неужели она спала так долго?

Миа стоя допила кофе. Чарли вернулся в кухню.

– Много работы?

– К сожалению.

Дюжина пропущенных.

Большинство от Мунка.

Она быстро набрала его номер.

– Миа? – донесся рык бородача с другого конца. – Где ты?

– Сорри. Я спала. Еду.

– Нет-нет. Я тебя встречу.

– Что?

– Я встречу тебя, – повторил Мунк странным тоном. – Где ты?

– Какой у тебя адрес? – сказала Миа, приложив ладонь к трубке.

– Тейенбаккен, 9.

– Тейенбаккен, 9, – повторила Миа.

– Около лагеря Гренланд?

– Да. Что-то случилось?

Мунк не ответил.

– Холгер?

– Я приеду к тебе, ладно?

– Ладно.

– Еду, – сказал Мунк, положив трубку.

– Уже уезжаешь? Но ты же почти не притронулась к еде.

– Мне надо бежать, – сообщила Миа, убирая телефон в карман.

– Тогда пообещай мне, что скоро увидимся.

Чарли мягко взял ее за плечи и поцеловал в обе щеки.

– Все нормально, Лунный Свет? Ты же знаешь, что я всегда здесь, если тебе что-нибудь нужно?

Он несколько обеспокоенно посмотрел на нее, не желая отпускать.

– Все нормально. Спасибо большое за все, Чарли. Ты золото, ты же в курсе?

– О, стараюсь изо всех сил.

– А где моя куртка?

– В коридоре. Позвони мне, ок? И будь осторожна там.

– Хорошо, мамочка, спасибо, – улыбнулась Миа, крепко обняла его, развернулась и сбежала вниз по лестнице.

Мунк чувствовал себя идиотом, но ничего не поделаешь. Он слегка покачал головой и прижался на своем «Ауди» к тротуару. Возбужденная Миа села в машину и пристегнулась.

– Куда едем?

Мунк вздохнул и решил, что лучше выпалить сразу.

– Что? – сказала Миа, сморщив нос.

Она явно все увидела по нему. Они ведь так долго работают вместе.

– Ты все еще хочешь в отпуск?

– Что-что?

– Извини, – пробормотал Мунк, проведя рукой по лицу. – Передали сверху.

– Что именно?

– К делу подключился штаб обороны. Они взяли все в свои руки.

– Взяли в свои руки? Ты о чем?

– Это больше не наше дело, – начал он, но Миа перебила:

– Что? Но какого хрена, Холгер?

– Я знаю. Я...

– Да это же, черт побери, невозможно, – прошипела Миа. – Ты сейчас шутишь? Оборона? Какое, нахрен, они имеют к этому отношение?

– Это долгая история, – пробормотал Мунк, почесав бороду. – Сегодня ночью кое-что случилось. Слушай, я пытался изо всех сил, но нет...

Он увидел, что до нее дошло, *что* он пытается сказать. Меньше чем за секунду ее взгляд из светло-вопросительного стал агрессивно-темным.

– Меня... *исключили*?

– Только на данный момент, – предупредительно сказал Мунк. – Пока мы не соберемся с мыслями.

– Но дьявол, – прорычала Миа. – А кто такие эти «мы», черт побери?

– Они сейчас собирают группу. СБП и оборона.

– От нас никого? Что происходит, Холгер?

– Допущены только я и Анетте, – быстро произнес Мунк. – Как я уже сказал, это пока, мы...

– Твою мать, Холгер, – сказала Миа, сокрушенно покачав головой. – Сколько времени прошло с тех пор, как ты меня втянул? Попросил меня взглянуть на дело? У меня, черт возьми, были билеты! Меня ждала яхта!

– Они еще действительны? – попытался Мунк, но тут же пожалел о

сказанном.

Миа отвернулась от него, чуть ли не с пеной на губах.

– Прости. Я только...

– А почему не я?

Бросив острый взгляд на Мунка и зная ответ на этот вопрос, Миа хотела заставить его произнести это вслух.

– Заявление о безопасности, – кашлянул Мунк.

– Потому что я нестабильная идиотка?

– Миа...

– Которой можно попользоваться, когда это выгодно, но не когда это действительно важно, ты это хочешь сказать?

– Слушай, Миа... если бы это от меня зависело, ты же понимаешь?

– Чертовы придурки, – пробурчала Миа, отстегнула ремень безопасности и раздраженно схватилась за ручку двери.

– Они нашли список, – быстро произнес Мунк, прежде чем она ее открыла.

– Какой еще список?

Что бы там ни говорили сверху, Мунк понял, что ему наплевать. Он, прежде всего, был в ответе за своих. Пусть это министерство идет в известном направлении, ему надоело. И надоело уже давно, честно говоря. Надоело, как они обращаются с Мией в последние годы. Выговоры, отстранения, а когда им выгодно, они тащат ее в самое пекло, нет, мать их, пусть будет так.

– Сегодня утром у Рённинга были гости, – быстро сказал он.

– У того журналиста?

– Да. Приходил бывший военный. В форме, думают, афганский ветеран.

– Куда?

– К нему домой. Я не знаю всех деталей, но предполагаю, Рённингу здорово досталось. Гость передал ему список жертв. Наверху работают над теорией, что это какая-то акция мести.

– За что?

– Этого они не знают, видимо, там что-то случилось. Ненависть к норвежскому государству, не знаю, но, послушай...

– Список?

– Список случайных жертв.

– Что? Сколько их? – ошарашенно произнесла Миа.

– Пятьдесят.

– Мать твою...

– Вот они и засекретили все, понимаешь?

– Он подходит под описание?

Она повернулась к нему, к счастью, уже менее раздраженная. Лицо просветлело, тяжелый взгляд смягчился.

– Возраст, вроде бы, совпадает.

– А цифры?

– Вивиан Берг номер четыре в списке, – кивнул Мунк. – Это все, что я пока знаю, они не раскрывают все карты.

– Значит, жертвы случайны? – сказала Миа, выглянув из окна машины.

– Случайно выбранные из пятидесяти в списке, похоже на то.

– Дьявол, – пробормотала Миа, производя подсчеты в голове.

Он делал то же самое.

Профиль убийцы. Цифры. Случайные жертвы.

– Ты видел его? Список?

Мунк покачал головой.

– Жду звонка. Анетте с ними общается. Там, очевидно, чрезвычайное положение. Речь идет об эвакуации правительства, может быть, и королевской семьи.

– Seriously?

– Как я уже сказал, они скупы на детали, но Анетте так сказала.

– Но они же не могут этого сделать! Как они это объяснят населению? Король ушел под прикрытием, но причин для беспокойства нет, просто живите нормальной жизнью. Идиоты.

– Не думаю, что до этого дойдет, но, как бы то ни было, Армия, Национальная гвардия, Гражданская оборона – готов спорить, они всех подняли на уши, хотя и стараются, чтобы никто не заметил, поэтому они...

– Держат подальше всех сумасшедших? – пробормотала Миа с таким видом, будто хотела плюнуть на пол.

– Слушай, Миа, – начал Мунк, но она остановила его.

– Куда тебя отвезти?

Миа покачала головой и решительно взялась за дверь.

– Я буду держать тебя в курсе, ладно? – крикнул он ей вслед, когда она уже была на тротуаре.

Миа посмотрела на него напоследок грустным взглядом, захлопнула дверь и ушла, ни разу не оглянувшись.

Черт возьми.

Холгер хотел было пойти за ней, но не успел, так как в его кармане зазвонил телефон.

– Да?

- Мы начали, – сказала Анетте.
- Где?
- Банкплассен, через двадцать минут.
- Еду, – сказал Мунк, повернув ключ в замке зажигания.

Миа шла и шла по улицам, куда ноги несли, раздраженная, ошарашенная, шокированная, она не знала, куда деваться от того, что чувствовала. Внутри все кипело. Она начала день с мысли: *Что если он просто дурит меня? Если он мешок дерьма?* Юн Волд в пабе вчерашним вечером. Он же видел скепсис в ее глазах, не так ли? Черт, да она же напрямую сказала: «Это не Карри. У меня нет ни малейшего намерения помогать вам с чем-либо». Умно же, не правда ли? Придумать какую-то чушь собачью. Заставить ее сомневаться. Заставить ее играть за его команду. «Там бродит наркоша. Твоя сестра как-то с этим связана». Сигрид. *Вот же подлая свинья.* И ведь это подействовало. Конечно же. Боль потери. Тоска. Он использовал ее глубинные чувства, ведь правда? Только чтобы она согласилась.

Миа тихо выругалась и перешла улицу. Насрать, куда идти, пусть только ноги двигаются. Именно это и случилось, да? Он надурил ее. Сиссе? Красный пуховик? Как-то это притянута за уши. Конечно же, она проглотила наживку, ведь она не была подготовлена. Она слегка погладила браслет на запястье и резко остановилась, когда такси загудело, коснувшись ее бедра.

Мать твою.

А как отлично начался день. Пробуждение в прекрасной постели у Чарли Бруна с удивительно ясной головой. Карри? Естественно, он не имеет к этому отношения. Миа уже десять лет знает этого беззлобного пуделька. Он, может, и похож на гангстера, но за грубой внешностью скрывалась душа, которая и мухи не обидит.

Нет-нет, это кто-то другой.

Полицейский.

Это может быть кто угодно.

А теперь вот это?

Новый перекресток, и вдруг чья-то рука схватила ее за куртку и, удерживая, указала на красный сигнал светофора, когда еще одна машина просвистела мимо. Миа благодарно кивнула дружелюбному прохожему и сунула руку в карман в поисках новой пастилки.

Пятьдесят человек?

Может, среди них есть кто-то из этих?

Вон та, в желтом пальто? Гуляющая с собакой?

Мальчик на скейтборде?

Твою мать.

Она чуть сбавила темп, когда загорелся зеленый и толпа людей спокойно двинулась через улицу. Они шли домой. На работу. Из школы. Улыбающиеся, довольные, уставшие. Несут сумки с едой, толкают коляски, совершенно обычный день в маленьком Осло, где весна уже у самого порога.

Чертova дьявольщина.

Миа остановилась на углу улицы и достала из кармана телефон.

Ладно. Надо вернуть голову на место.

Сиссе?

Сесилие?

Наркоманка в красном пуховике?

Простое дело.

Надо это опровергнуть.

Как чушь собачью.

Город не такой большой. Узкий круг осведомленных, и она точно знала, кому звонить.

– Центр приема Приндсен?

– Да, добрый день, меня зовут Миа Крюгер, я могу поговорить с Милдрид Линд?

– Одну секунду.

Ее перевели в режим ожидания.

Из здания перед ней на лестницу вышел молодой человек в татуировках, достал из потрепанного кармана штанов большую звенящую связку ключей и вставил один из них в дверь. Идет обедать. Совершенно обычный день.

– Она сейчас говорит по телефону, но, думаю, это не займет много времени, мне попросить ее перезвонить вам?

– Да, будьте добры, спасибо.

Миа убрала телефон обратно в карман и уже собиралась снова пуститься в путь, как вдруг увидела что-то в окне перед собой.

Но какого?..

Тату-салончик, ряды фотографий в грязной витрине.

Что за?..

Рекламные фотографии: логотип «Моторхед» на предплечье, большой орел на груди. Красно-желтое пламя на худой ноге.

А по центру...

Это же невозможно?..

Миа, подвинувшись ближе к витрине, встала как вкопанная, разинув рот.

Что? *Она?*

Голая бледная спина, и на ней, прямо между лопаток, – лицо, длинные темные волосы и голубые глаза.

Нет, это же невозможно...

Да, это она, черт побери. Среди сердец, нежных голубей и горящих черепов. Там была татуировка с ее лицом.

Какого?..

Где-то издали раздавался звук, вибрация в кармане.

– Это Милдрид Лунд. Вы мне звонили?

Слухи о новом суперсекретном штабе чрезвычайного режима ходили уже давно. Мир меняется. Картина врага уже больше не складывалась из противостояния Востока и Запада, из генералов, нажимающих на большие красные кнопки, – но из терактов, совершенных самопальными гвоздевыми бомбами, захваченных самолетов, угнанных грузовиков. Гражданские объекты, которые еще пару лет назад нельзя было и представить в качестве цели террористов и которые почти невозможно защитить. И хотя до недавних пор Норвегия была избавлена от преступлений на религиозной почве, нападение на правительственный квартал и не в меньшей мере трагедия, о которой Мунк не мог и говорить, заставила даже наивных политиков понять, насколько все серьезно. Мунк на самом деле не верил, что они что-то сделают. Все, как обычно, осталось бы просто болтовней, планами действий на бумаге в медленно работающих комитетах Стортинга. Но, когда они с Голи вышли из лифта и зашли в суперсовременный оперативный штаб, ему пришлось признать, что он ошибался.

Глубокий подвал здания Министерства обороны. Меры безопасности, доселе невиданные. Если бы не здравомыслие Мунка и скепсис по отношению к высшим чинам, он бы, возможно, даже впечатлился. Лифты с длинными кодами. Посты контроля с персональным досмотром. Двери с новейшими кодовыми замками, металлодетекторы, охраняемые молодыми солдатами в форме. Наконец они достигли большой металлической двери, где им приказали сдать мобильники, что разозлило Мунка, но ничего не оставалось, кроме как повиноваться. Хорошо одетый молодой человек ввел на панели новый пароль, она замигала зеленым, и наконец они оказались внутри.

Большой овальный стол. Мужчины с серьезными лицами, некоторые в форме, большинство в костюмах, нейтральных галстуках поверх белых и светло-голубых рубашек. Мунк быстро просканировал комнату в поисках знакомых лиц, но не нашел никого.

– Генерал Эдвардсен, – сказал высокий, аристократического вида мужчина с седой челкой, подойдя к ним.

К полицейским протянулась большая рука и последовало крепкое рукопожатие.

– Вы Мунк? И Голи?

Мунк кивнул. Анетте Голи тоже. Чувствовала ли она себя не в своей

тарелке, будучи здесь единственной женщиной, Мунк не знал. В этой стране женщины работали на всех высоких позициях, но до этого подвала на Мюнтгата, 1 равноправие явно не добралось. Генерал быстро кивнул и представил собравшихся, затем прошел обратно к гигантскому экрану, закрывавшему половину стены за его спиной. СБП. Штаб обороны. Представитель кабинета премьер-министра. Несколько генералов из разных ветвей вооруженных сил. Мунк вдруг почувствовал себя неряхой. На вельветовых штанах были пятна, а пальто знавало лучшие времена.

– Господа, – сказал Эдвардсен, когда в комнате приглушили свет. – Вы уже знаете, почему вы здесь. Кто-то знает больше других, и это так и останется. Вся информация в этом деле классифицирована по need-to-know. Если у вас есть вопросы, мы обсудим их в конце, сначала я хочу пройти по ходу событий, как они разворачивались в течение дня, а затем оглашу различные принятые нами меры.

Собравшиеся дружно закивали.

На огромном экране появилась фотография.

– Сегодня, чуть позже одиннадцати, мы получили предупреждение от этого человека, Эрика Рённинга из «Афтенпостен». К счастью для нас, у этого журналиста есть голова на плечах, мы тут же связались с министерством, и позднее, на допросе, он рассказал нам, что эта информация не дошла до его руководства в газете. Похоже, пока что мы все контролируем. Нет необходимости подчеркивать, что сейчас это особенно важно, как я уже говорил, это need-to-know, и мы сделаем все, что в наших силах, чтобы это не дошло до простого народа. Меньше знают – крепче спят. Последнее, что нам сейчас было бы нужно, – паника на улицах.

– Need-to-know? – прошептал Мунк, наклонившись к Голи.

– Принцип необходимого знания, – проговорила Анетте, не глядя на него.

– Есть причины полагать, что Рённинга навестил один из наших подозреваемых, который оставил журналисту список из пятидесяти имен.

На экране появилось новое фото, и за столом пошло движение, когда по кругу послали стопку бумаг. Мунк с любопытством взглянул на экран и посмотрел на бумагу перед собой. Он быстро поискал глазами знакомые имена, но, к счастью, не увидел их. Мириам Мунк. Марион Мунк. Может, это эгоистично и непрофессионально, но он сделал это автоматически.

– Как вы все понимаете, события последней недели подтверждают подлинность этого списка. Наши друзья с Марибуэсгате лучше, чем кто-либо, знают это, и, безусловно, поэтому они здесь, если кто-то интересуется, зачем нам присутствие полиции Осло.

На Мунка и Голи обратились краткие взгляды. Мунк вежливо кивнул в ответ.

– Вы могли бы вкратце разъяснить детали убийств для всех, кто не в курсе?

Эдвардсен быстро взглянул на полицейских.

– Да, – сказал Мунк, откашлявшись.

Он подумал, не встать ли, но остался сидеть. Генерал у экрана казался нетерпеливым.

– У нас было три жертвы, – сказал Мунк, прочистив горло. – Вивиан Берг. Двадцать два года, балерина. Найдена в горном озере в нескольких часах от города.

– Там была цифра, верно?

– Верно. Цифра четыре, процарапана на...

– Как мы видим, – перебил его Эдвардсен, – эта Берг – номер четыре в списке.

– Э-э, да, – продолжил Мунк. – Вторая жертва – Курт Ванг.

– Номер семь в списке, – кивнул Эдвардсен. – А последняя?

– Рубен Иверсен, четырнадцать лет. Найден в багажнике около лагеря Скар.

– С номером?

– Тринадцать.

– Что также соответствует списку, который передали Рённингу, – кивнул Эдвардсен на экран. – Вы нашли связь между жертвами?

– Нет, – сказала Анетте Голи. – Именно это и удивляло нас больше всего. Случайный выбор жертв. Пока мы... да...

Она кивнула на листок перед собой.

– Пятьдесят имен, – решительно сказал Эдвардсен. – Случайные гражданские, подданные Королевства Норвегия. Трое из них уже ликвидированы. Таким образом, нет никаких причин полагать, что эта угроза нереальна, и мы получили приказ из кабинета премьер-министра применить соответствующие меры.

Генерал сделал глоток воды из стакана на столе и продолжил.

– По словам Рённинга, преступник был частично одет в военное и упомянул Лашкаргах, Афганистан. Похоже, мотив ясен. Наиболее вероятным представляется акция мести, к причине такого предположения я вскоре вернусь, но я рад сообщить вам, что мы уже идентифицировали подозреваемого.

Эдвардсен повернулся, и на экране возникла новая фотография.

Подозреваемого?

Уже?

Мунк повернулся к Голи, она подняла брови. Ему не нравились эти люди, стоит признать это, но остается только снять перед ними шляпу. С тех пор, как Рённинг очнулся дома, прошло всего несколько часов.

– Я снова напоминаю, что речь идет об очень деликатной информации. Это высший уровень секретности, наивысший, ничто не должно быть обнародовано. Ни при каких обстоятельствах, я повторяю, *ни при каких обстоятельствах*, то, что вы сейчас услышите, не должно покинуть эти стены.

Эдвардсен не смотрел прямо на Мунка и Голи, но не было никаких сомнений, в чей адрес это было сказано.

– У нас есть активные силы в Афганистане? Официально – нет. Наши люди участвуют только в отдельных операциях по поддержке ООН. Неофициально? Конечно, есть. Мы не сидим сложа руки, когда воюют наши союзники. И еще раз, то, что вы сейчас услышите, не должно покинуть эту комнату, это ясно?

Эдвардсен поднял глаза на полицейских, словно чтобы удостовериться, что они поняли всю серьезность сказанного. Голи кивнула в ответ, и наконец Мунк нехотя сделал то же самое.

– Хорошо, – прорычал генерал, и на экране появилось новое фото.

Молодой человек в форме, слегка сощурившись, смотрит в камеру. Вооружен до зубов. На фоне – пустынный пейзаж.

– Мы думаем, что это наш преступник.

Новое фото. Тот же солдат, на этот раз архивное фото.

– Его зовут Иван Хоровиц, – сказал Эдвардсен, подняв глаза. – Родился в 1988 году в Йевике. Начал военную карьеру в батальоне Телемарка и позже был рекрутирован в Альфу. Для тех, кто не знает, что это, я объясню на пальцах. У американцев есть «Зеленые береты», у русских – спецназ, у нас – Альфа.

Генерал не смог скрыть гордость в голосе и кликнул дальше.

– Афганистан. Северный регион. Американцы начали грандиозную операцию под названием «Operation Endurance», и мы участвовали маленькой группой в шесть солдат, все из Альфы. Один из них – наш преступник, Иван Хоровиц. Не буду вдаваться в детали, как я уже сказал, это НТК, но, тем не менее, есть повод полагать, что произошедшее там – основа того, с чем мы столкнулись сейчас. Акция мести, какая-то ненависть к Норвегии, или как это называют, в любом случае, вы увидите, почему мы так уверены в том, что это наш преступник.

Эдвардсен сделал глоток воды.

Снова пустыня. Выжженные горные вершины.

– Весна 2010. Во время выполнения регулярного задания Альфа попала в засаду. Мы потеряли пятерых. Единственный выживший – Иван Хоровиц. Все еще не совсем ясно, что именно случилось, но, по словам Хоровица, он очнулся после взрыва, не в состоянии объяснить произошедшее. Осколочные ранения груди и живота, сломанная нога. Следующие десять дней он провел в горной пещере. Пил собственную мочу. Ел... ну, это неточно. Как бы то ни было, наконец он смог дотащить свое израненное тело до ближайшей дороги, где его подобрал патруль.

Эдвардсен серьезно посмотрел на собравшихся и продолжил:

– После отчета о выполнении задания и пребывания в полевом госпитале Хоровица отправили домой, в Норвегию, где его действительная военная карьера закончилась. Мы вручили ему медаль, пытались помочь адаптироваться, предложив офисную работу, но Хоровиц изменился. Он хотел связаться со СМИ, считая несправедливым, что он потерял всех своих товарищей, и полагая, что люди должны узнать, что произошло. Ну, вы, наверное, понимаете. В конце концов нам пришлось отпустить его. Мы вплотную следовали за ним – чтобы помочь, конечно, но также и чтобы приглядывать за ним.

Эдвардсен снова нажал на экран.

– 2011. Хоровица кладут в психиатрическое отделение Блэкстада. Его выписывают в начале 2012. И на этом обрываются все следы. Ни снятия денег со счета. Никаких зарегистрированных электронных действий. Словно Иван Хоровиц больше не существует. Были предположения, что он покончил жизнь самоубийством, но тело не было найдено. Мы закрыли дело. И вот теперь это.

– Новая личность?

Сухой голос человека в синем галстуке.

– Наиболее вероятно, – кивнул Эдвардсен.

– И эта ненависть реальна?

Новый спокойный голос, на этот раз от человека в сером галстуке.

– Я боюсь этого, – кивнул Эдвардсен. – Отчеты наших психологов показывают, что Хоровиц уже после возвращения домой проявлял признаки того, что мы называем тревожное отрицательное поведение.

– Часы тикают, – вдруг кашлянул пожилой мужчина на краю стола и почти незаметно кивнул Мунку и Голи.

– Да, – пробормотал Эдвардсен. – Мунк и Голи, верно?

Мунк кивнул.

– Естественно, мы запустили операцию поиска Ивана Хоровица, но

вам необходимо сделать следующее.

Его голос изменился, тон вдруг стал приказным. Мунку это не понравилось, но он промолчал.

– Мы выйдем с Хоровицем в СМИ, покажем фотографии. Мы добудем то, что вам нужно. Он – главный подозреваемый по делу. Но подробности сообщать не будем.

– Слушайте... – заговорил Мунк, но его перебили.

– Хорошо, – сказал еще один в другом галстуке. – Кто-то же должен был его видеть? Даже если он прячется? Никто не может быть абсолютно незаметным, может быть новая работа, друзья, соседи?

– Именно, – кивнул Эдвардсен. – На это вся надежда – что кто-то его узнает. Если нам повезет, это произойдет быстро, прежде чем он... выберет новое имя из списка.

– Мы предложим кому-то из них защиту? – сказал мужчина в очках, подняв бумагу.

– Разумеется, мы это обсуждали. Но, как видите, большинство имен довольно распространенные. Нильс Ульсен, Янне Андерсен – о скольких возможных жертвах идет речь? У нас нет ресурсов. К сожалению, это просто-напросто не получится реализовать.

Последнее было сказано с чувством, которое на первый взгляд могло напоминать человечность.

– Итак, – продолжил генерал, бросив взгляд на Мунка. – Полиция. Теперь Иван Хоровиц официальный подозреваемый. Это лучший угол зрения, с которого мы можем его представить, не вызвав панику. Подозреваемый в тройном убийстве. Поэтому мы ищем его. Мы думаем, этого достаточно. И надеемся, такая тактика даст нам то, что нам нужно, чтобы найти его. Конечно, мы пустим в ход все свои ресурсы, но к этому мы еще вернемся.

– Но... – начал было Мунк, но его снова перебили.

– Извините, Голи, верно?

Анетте кивнула.

– Мы пришлем то, что вам нужно. В остальном все как обычно, ок?

– Вы хотите сказать, чтобы я не посвящал в суть дела свою команду? – спросил Мунк.

– Сообщите только, что он подозреваемый.

– Но как я должен...

– Вы справитесь, – сказал Эдвардсен и, очевидно, собрался перейти к следующему пункту повестки дня.

Молодой человек, проводивший Мунка с Голи сюда, почти незаметно

появился в комнате.

– Я провожу вас, – вежливо улыбнулся он и кивнул на широко открытую дверь.

Миа стояла у кремово-желтого кирпичного здания на Стургате. Зайти внутрь она боялась. Она уже бывала здесь раньше, но это было давно, в былые времена. В другой жизни. Вид этого здания пробудил в ней нежелательные воспоминания. Центр приема Приндсен. Приют для наркоманов, управляемый коммуной Осло. Срочная ночевка. Комната для уколов. Лечащие врачи. Психологи. Медсестры. Дантист. Помощь в возвращении домой. Поэтому она и была здесь. Забирала отсюда Сигрид.

Черт, это было тяжело.

Сестра сидела на полу в углу, обхватив себя руками, и казалась такой крошечной.

«Прости, Миа».

«Господи, Сигрид, конечно, ты можешь звонить мне».

«Я не хотела тебе мешать».

«Ты мне не мешаешь, Сигрид, конечно, я помогу тебе. Что случилось?»

Милые, но сдержанные лица. Из одной холодной комнаты в другую. С бумагами на подпись.

«У меня все плохо, Миа».

«Хочешь поехать со мной? Ко мне домой?»

«А можно, Миа?»

«Конечно, Сигрид».

«Я тебе не помешаю, обещаю».

«Ты никогда не мешаешь, Сигрид».

Новые люди. Новые анкеты для заполнения. На переднем сиденье машины – почти прозрачное тело сестры, завернутое в плед.

Миа очнулась от мыслей, когда мимо прогрохотал трамвай. Она взяла себя в руки. Вошла в черные кованые ворота и нашла ресепшен.

– Добрый день, чем я могу вам помочь?

Приветливое, но усталое лицо в окошке.

– Миа Крюгер, у меня встреча с Милдрид Линд.

– Хорошо. Присаживайтесь, она скоро подойдет.

– Спасибо.

Миа едва успела сесть, как открылась дверь и показалась социальный куратор средних лет.

– Здравствуйте, Миа, давно не виделись, рада вас видеть снова.

– Спасибо, взаимно.

– Пройдем в мой кабинет? Думаю, лучше обсудить все там.

Миа проследовала за ней по коридору и на улицу через засыпанную гравием площадку. Скромный маленький кабинет со столом и плакатами на стенах. С предложениями помощи.

Милдрид надвинула очки на нос и села.

– Вы знаете, они тут скептически относятся к полиции, но с некоторыми мне удалось поговорить. Но описание слишком размыто.

– Я знаю, – извиняясь, кивнула Миа. – Но это все, что у меня есть. Сесилие. Сиссе. Красный пуховик. Возраст ближе к сорока.

– Я спрашивала по-быстрому, но, мне кажется, я нашла ту, кто вам поможет.

– Да? – удивленно сказала Миа. – Она существует?

– О чем вы?

– Нет, ни о чем, просто...

– Как я уже сказала, они тут скептически настроены к полиции. И это вполне понятно.

– Это абсолютно личное дело, – быстро кивнула Миа. – Не официальное. Никакого расследования. Никого ни в чем не обвиняют. Я только пытаюсь найти ее.

– Понимаю. Я так и поняла. Я и сама не очень люблю отделение полиции, честно говоря, но вас я ведь знаю.

– Спасибо вам. Я очень ценю это.

Линд подняла трубку телефона.

– Привет, это Милдрид, Сюнне у тебя? Отлично, спроси ее, пожалуйста, сможет ли она подойти ко мне на секунду. Насчет того, о чем мы говорили. Ок, спасибо.

Миа и Милдрид молча сидели в маленьком кабинете, пока наконец в дверь не постучали.

– Добрый день.

Молодая девушка, лет восемнадцати-девятнадцати, худая и долговязая, с нервным блуждающим взглядом, осторожно просунула голову в дверь.

– Привет, Сюнне, заходи. Все нормально?

– Ээ, да, – сказала девушка и посмотрела на Мию.

– Это Миа Крюгер, – сказала Линд.

К Миа протянулась худая ручка.

– Привет, Сюнне, – сказала Миа, поднимаясь. – Рада с тобой познакомиться.

– Ну да, и я, – сказала девушка и осталась стоять, не зная, куда себя

дочь.

– Садись сюда, – сказала Милдрид и встала. – Я должна бежать по делам. Хорошо? Вы же справитесь без меня?

– Конечно, – улыбнулась Миа. – Если это удобно.

– Она же ничего не сделала, да? – спросила девушка.

– Кто? – сказала Миа.

– Сиссе?

– О, нет, совершенно ничего. Это никак не связано с полицией. Она просто важна для меня. Я понятно объяснила?

Милдрид Линд улыбнулась и исчезла за дверью.

– Не знаю, – сказала худенькая девушка. – Почему вы ее ищете?

– Думаю, у нее есть кое-что мое.

Девушка села, все еще не до конца уверовав, что ее не хотят обмануть.

– Что именно?

– Вот это, – сказала Миа, протянув вперед руку. – Или похожее на это.

Сюнне взглянула на серебристый браслет и улыбнулась.

– У меня был такой.

– Да?

– Да, ну не прям такой, а с тремя лодками. Шхунами. Мне брат подарил перед тем, как уйти на войну.

– Твой брат ушел на войну?

Девушка плотнее укуталась в потертую шерстяную куртку и осторожно кивнула. Чуть поерзала на стуле. Бросила нервный взгляд в окно на двор.

– Уже давно.

– Что за война?

– Не знаю, он поехал на войну, как там это называется, Иностраннный легион? Мне кажется, он хотел быть крутым, но больше мы о нем не слышали. Мама пыталась звонить, чтобы кто-то помог, но узнать что-либо было непросто, если ты уезжаешь добровольно, понимаете? Вы когда-нибудь были на Лофотенах?

– Нет, к сожалению.

– У нас дома горы простираются от небес до самого моря, – сказала девушка, слегка улыбнувшись.

– Звучит очень красиво.

– Так и есть.

– Так ты ее знаешь? Сиссе?

– Да, – наконец сказала Сюнне. – Но она ушла.

– Что значит «ушла»?

– Умерла. Так говорят, – кивнула девушка. – Но я не знаю. Все так много разного говорят. Никогда не знаешь, кто в этом городе говорит правду.

– Ты уже давно ее не видела?

– Наверное, с прошлого Рождества.

– Ты хорошо ее знала?

– Довольно хорошо, да, мы зависали вместе. Она была доброй. Всегда делила дозу, никогда не жадничала. И деньги одалживала, если у нее самой были.

– Просто Сиссе? Ничего больше ты о ней не знаешь? Как ее звали? Или где она жила?

– Думаю, она нигде не жила. Не знаю, как точно ее звали, нет. А вы говорили с Кевином?

– С кем?

– С Кевином. Они всегда тусовались вместе. Сначала я думала, она его мама, но это оказалось не так, они были просто очень хорошими друзьями, ну, как бы то ни было, если найдете Кевина, он точно расскажет больше.

Сюнне покашляла и еще плотнее завернулась в тонкую куртку.

– А как мне найти этого Кевина?

– Нет, этого я не знаю. Он как бы повсюду и нигде. Как и все мы на самом деле. Ну, я не знаю.

– Не знаешь, где он чаще всего бывает? Есть ли у него телефон?

– Понятия не имею.

– А сколько ему лет? Как выглядит?

– Лет не очень много, – сказала Сюнне. – Наверное, чуть старше меня. Последний раз, когда я его видела, он был в своей желтой шапке, он всегда в ней ходит, но вряд ли это поможет, он же мог ее потерять, или там, ну, я не знаю.

– Да, конечно, и все-таки – желтая шапка, поищу ее, – сказала Миа.

В этот момент дверь за их спиной открылась и показалась голова Милдрид Линд.

– Сюнне, врач осмотрит тебя сейчас, хорошо?

– Да, хорошо, – кивнула девушка и встала.

Линд взглянула на Мию, и та кивнула в ответ.

– Да, кстати, – сказала Сюнне, дойдя до двери. – У него странные брови.

– У кого? У Кевина?

– Да. Они такие странные, как будто их и нет вовсе, понимаете, мне кажется, с ними что-то не так.

– У него нет бровей?

– Не совсем нет, но почти.

– Нам нужно идти, к нему сегодня большая очередь, – дружески улыбнулась Линд.

– Конечно, – сказала Миа, поднимаясь.

– Надеюсь, вы найдете то, что ищете.

– Спасибо за помощь, Сюнне.

Девушка кратко улыбнулась и подняла руку, осторожно прощаясь, затем обхватила руками свое худое тело и последовала за Линд вниз по коридору.

Кевин сидел в подсобке супермаркета на Хегдехаугсвейен с шишкой на лбу – не потому что кто-то его ударил, а потому что он был голоден. Обычно он мог не есть по несколько дней. Так было, когда он колосся героином, ничего другого не было нужно, может быть, только немного воды. Но сейчас он не употреблял наркотик уже несколько дней, и ему вдруг страшно захотелось «Сникерс».

– Наркоман хренов, постоянно тут ошивается, – сказал голос вдали.

Кевин попытался сфокусировать взгляд и увидеть, кто это говорит, но не смог.

Не лучшая идея.

Он же думал об этом, разве нет? Денег на нормальный укол не было, и добыть их он тоже не мог. Слишком устал. Был практически разбит. Ни на что не было сил. Они поставились бог знает чем вместо нормального, он и Джимми. Растопили таблетки, «Риталин» и «Рогипнол». То спад, то подъем. Джимми от кого-то услышал, что это хорошая замена качественному герычу, но, прямо перед тем как игла вошла в кожу, Кевина осенило:

Не лучшая идея.

И с тех пор он мало что помнил.

– Зомби? – сказал другой голос и ткнул его в плечо.

– А? – сказал Кевин, открыв глаза, не уверенный в том, что слово сошло с его губ.

– Ты спишь? – сказал мужчина, оказавшийся охранником, и вдруг сознание Кевина прояснилось, ему захотелось запрыгнуть на стул, но рубильник опять выключился, и Кевин снова стал сонным.

Плохая идея.

Ходили слухи, что Джимми – в прошлом профессор математики, который съехал с катушек и сторчался, но знал кучу всего, как все связано в мире и все такое, но сейчас это сработало чертовски плохо.

Когда это было?

Кевин постоянно блевал, из пустого желудка шла одна кислота. А то, что плюс на минус дают ноль – или что, черт возьми, хотел Джимми, сочетая стимулятор и седатив, – не сработало так, как предполагалось. В одно мгновение Кевин был в ясном сознании и чувствовал, что до луны добежит, а в следующее – полностью отсутствовал.

Начало отпустить.

Вот оно. Стало лучше. Скоро закончится. Осталось только выдержать до конца. Он вспомнил, что был голоден. Нашел супермаркет и увидел «Сникерс». Отличные новости. На бегу врезался в столб и потерял сознание, очнулся в этой комнате. Не очень хорошие новости, но кому какое дело. Сучья шоколадка. Главное, что скоро все закончится.

Сраная хрень.

– Посмотрите сюда, – сказала девушка, показывая на что-то на столе.

Кевин уже пришел в себя, но еще не понимал, о чем она.

– Он украл деньги? – спросил охранник.

– Из разменной кассы, – продолжила девушка. – Там было по меньшей мере двадцать тысяч, а осталась половина.

– Деньги у тебя? – спросил охранник, толкнув Кевина в плечо.

– «Сникерс», – пробормотал Кевин и почувствовал, что во рту пересохло, но хотя бы голос вернулся.

– Ты взял только шоколадку?

Кевин хотел кивнуть, но испугался, что голова отвалится, и остался тихо сидеть.

– Он лжет, сукин сын, – сказала девушка, снова указав на кассу. – Я поймала его с поличным. Он уже бывал здесь. Смотрите, почти все деньги исчезли.

Уже лучше. Кевин мог видеть и слышать происходящее. Облегчение. Вот черт. На секунду он даже испугался, что умрет, или это было раньше сегодня?

– Где деньги?

Охранник грубо схватил его за плечо.

– Если не отдашь, мы позвоним в полицию.

– Что за бабло? – озадаченно пробормотал Кевин.

– Из кассы, – сказала девушка в третий раз, словно первых двух было недостаточно. – Тут было не меньше двадцати тысяч, и смотрите, половины нет.

Все прошло. Слава богу. Нет, твою мать, опять накатывает. Кевин намертво прилип к краешку стула, испугавшись, что сейчас накроет, но это была ложная тревога. Он все еще был здесь. Больше приходов не было. Он улыбнулся про себя. Джимми – кретин. Чтоб он еще раз так сделал. Надо поговорить с Лотте. Серьезно поговорить. Они же встречаются. Надо все делать вместе и не иметь секретов друг от друга.

«Вернусь через неделю».

«Куда ты?»

«Не могу сказать».

«Почему не можешь?»

«Плиз, Кевин, не спрашивай. Доверься мне, ладно?»

«Да, но, блин, хотя бы намекни».

«Я должна кое-что забрать».

«Но что?»

«Не спрашивай больше. Я обещаю. Когда я вернусь, мы сбежим вместе, ок?»

«Сбежим? Куда это?»

«Подальше отсюда. Из этой сраной дыры. Ты и я. Разве не отлично звучит?»

Черт, конечно, звучало отлично. Кевин почувствовал, что проснулся. Пора двигаться дальше. Он потерял свой телефон. Ничего удивительного, что он ничего не слышал от Лотте. Надо раздобыть новый.

– Так где они? – спросил охранник, на этот раз более злобно.

– Кто они?

– Деньги? Из кассы!

– Я взял только «Сникерс», – осторожно сказал Кевин.

Охранник посмотрел на девушку, та покачала головой. Прошло несколько секунд, прежде чем Кевин понял, что происходит. Что-то было в глазах девушки в форме супермаркета. Твою мать. Вот же чертова сука. Она сама запустила руку в кубышку. Воспользовалась случаем, пока он тут сидел. Конечно. Наркоман в полуобморочном состоянии. Идеальный шанс взять деньги. И свалить на него.

– Тогда посидим здесь, пока не приедет полиция, – сказал охранник.

Вошел еще один охранник. Все они несостоявшиеся полицейские. Из тех, кто не смог поступить в школу полиции, но имел потребность властвовать. Спустя почти шесть лет, проведенных на улицах Осло, Кевин был знаком с большинством из них. В торговых центрах. На парковках. На лестничных клетках. Они были повсюду, где было тепло, где была крыша над головой.

– В полиции полный треш, что-то случилось, никто не может приехать, – сказал второй охранник первому.

– Господи, но мы должны заявить об этом, – сказала фрекен Растрата и сложила руки на груди.

Слушайте сюда, все вы. Алле? Неудивительно, что вы не поступили в Высшую школу полиции. Ящик с деньгами? Наркоман? Зачем мне оставлять половину, если это я их взял? Десять тысяч? Зачем мне оставлять еще десятку? Кевин улыбнулся собственной находчивости и

уже хотел было открыть рот, как вдруг на улице у киоска раздался безумный грохот. Визг металлического колеса, а за ним – человеческие вопли, словно из другого мира.

– Что за хрень?

Второй охранник высунул голову в дверной проем и выпучил глаза.

– Твою же мать.

– Трамвай сбил кого-то.

И сразу неразбериха. Кевин тут же оказался между первым и вторым охранниками, прилипнув лицом к окну, за которым на земле лежал пожилой мужчина. И вот он, момент, когда люди не знают, что именно нужно делать. Это не прописано в правилах. Ты идешь по улице. В своих мыслях. И вдруг удар. Перед тобой лежит и умирает человек. Кто-то падает в обморок. Кто-то хватается друг за друга. Кто-то плачет. Кто-то звонит в скорую. Кто-то достает телефон и снимает все на видео. Кто-то пытается помочь. Кладет руки на грудь пострадавшего. Делает ему искусственное дыхание. Пытается остановить кровотечение. Кевин ничего из этого не делал. Он спокойно вернулся в подсобку. Сунул оставшиеся десять тысяч в карман.

И помчался в сторону центра.

Хеге Аните было всего семь лет, но она понимала намного больше, чем думали взрослые. Например, Организация по охране детства – опасные люди. Они отнимают маленьких девочек у мам. Когда они приходят, нужно быть тихой, как мышка, и не открывать дверь, сколько бы раз они ни звонили. Если становится слишком страшно, а такое иногда случается, нужно заткнуть уши и думать о чем-нибудь хорошем. Например, о белом котике, обычно гулявшем на игровой площадке перед домом. Или можно спеть про себя песенку. Может быть, «Все птицы» или «Сидит в сарае домовой», хотя до Рождества еще далеко, и они поедут к бабушке, правда, мама и в прошлый раз так говорила, но ничего из этого не вышло.

Учитель опять задержал ее после школы сегодня. Он снова расспрашивал ее, но Хеге Анита выучила, что и как нужно отвечать, и на этот раз, к счастью, все обошлось. Учителя звали Туре, и у него была какая-то болезнь: волосы росли только за ушами, а на голове нет, но он очень классный. Хеге Аните не нравилось врать, но нельзя всегда получать только то, что хочешь, это она хорошо знала, нужно всего лишь пережить это.

«Можешь передать маме, что мы бы очень хотели поговорить с ней?»

Кивать, мило улыбаться и соглашаться.

«Понимаешь, она ни разу не была на родительских собраниях и не берет трубку».

Снова кивнуть, почесать ногу, подумать о чем-нибудь еще, может быть, о других детях, шедших домой за окнами класса, туда, где они жили вместе с мамами и папами, которые не отсутствовали постоянно или не спали посреди дня.

«Ты передала ей письмо, которое я тебе дал?»

Чуть поерзать на стуле, притвориться, что нужно пописать, обычно это помогало.

Хеге Анита достала ключ, висевший на шее, и открыла дверь в квартиру.

– Привет?..

Ни звука.

Но мамины туфли стояли, а ее куртка лежала на полу, поэтому девочка обрадовалась.

Мама дома.

Ей хотелось закричать «Ура», конечно, не слишком громко, маме не нравилось, когда ее будили, если она спала, что она делала довольно часто, если не была на работе. Ну как «на работе»? Может, это и не работа, но она делала что-то за деньги, в любом случае, поэтому она и была все время такой уставшей и почти никогда не бывала дома.

Недавно в школе был родительский день, и другие мамы рассказывали, кем работают. Одна – врач, спасающий жизни больных людей. Другая – дантист, лечащий детей с дырками в зубах. Еще одна работает с компьютерами. Одна работала дома, и тогда Хеге подумала, что она почти как ее мама. И что мама тоже вполне могла бы прийти в этот день, хоть она и отказалась и даже посмеялась над дочкой, когда та спросила.

– Привет? – прошептала девочка осторожно и стащила сапоги.

Пробежала по коридору и в гостиную, но там никого не было.

Дверь в спальню была закрыта.

Не беспокоить.

Она же знала это, но все-таки, сегодня... Может быть, сегодня можно, когда случилось столько хорошего?

Туре похвалил ее. Показал ее рисунок всему классу и говорил так красиво, что она даже покраснела от смущения. Она нарисовала дедушку в его машине, а рядом бабушку. И собачку, конечно. А сзади, в море, она нарисовала рыболовную лодку и чайку. На самом деле она даже не думала об этом, пока он не подошел к ее парте.

Золотая звездочка.

Она не могла поверить, что это правда.

Другие в классе тоже так сказали.

– Вау, какая ты молодец.

– Вау, как здорово.

– Вау, научишь меня так рисовать?

На перемене все хотели поиграть с ней, раньше такого совсем не бывало. Ей дали постоять первой во время игры в коробку и даже выбрали капитаном одной из команд в вышибалах.

Какой прекрасный день!

Рисунок лежал в рюкзаке.

Хеге Анита осторожно достала его и подошла к двери.

Это тебе, мама.

Но она передумала.

Так будет лучше.

Хеге Анита убрала рисунок обратно, пошла на кухню, улыбнулась, увидев, что на столе стоит коробка с хлопьями. А в холодильнике было

молоко. У мамы снова появились деньги, наверняка от мужчины в военной куртке, от того, который никогда не заходил в квартиру, только стоял в коридоре. Неудивительно, что мама устала. Довольная Хеге Анита отнесла и то и другое в гостиную и включила телевизор.

«NRK Супер» – она больше всего любила его. Но сейчас на третьей кнопке был другой канал.

«Экстренный выпуск новостей», – было написано вверху экрана.

Хеге Анита налила молоко в миску и прибавила звук.

– Сегодня полиция опубликовала фотографии главного подозреваемого в тройном убийстве...

И на экране появилась фотография мужчины.

Она больше всего любила сериал «Odd Squad». И тот мультик, где у всех девочек были свои лошадки.

На этот раз никаких лошадей не оказалось, только фото мужчины с ружьем и в шлеме.

Она открыла красную пачку и высыпала хлопья в молоко, так было веселее, ведь она могла утопить зернышки и представить, что это маленькие лодочки, а на них люди, которых она спасает своим ртом.

Хеге Анита опустила ложку в миску, когда на экране вдруг появилось новое фото, отчего у нее выпучились глаза.

– Также полиция разыскивает эту женщину...

Что?

На экране перед ней была...

Мама? Нет...

Одно фото. Еще одно.

Да, это она...

Выходит из магазина. На ней зеленая кепка.

Ведущая все еще говорила, но она уже не слышала ее слов.

Теперь рисунок.

И еще фотография.

Мама?

Но почему?..

Хеге Анита вскочила с дивана и побежала по скользкому полу так быстро, как только позволили ноги в носках. Она остановилась у порога на секунду, сердце колотилось, она решила и начала с силой стучать в закрытую дверь спальни.

Холгер Мунк сидел в баре «Фредди Фуэгос Буррито» на Хаусманнсгате и ел поздний завтрак. Он плохо спал и впервые за долгое время проснулся без аппетита, он был раздражен. Настроению никак не способствовало то, что лавки тут были узкие и твердые, как камень, но, по крайней мере, он немного поел. Холгер хотел в «Старбакс», тот был ближе, но он не мог выдержать толпы людей там. Не сегодня. Он покинул встречу с гражданской обороной с тяжелым сердцем, и это ощущение только разрослось к вечеру. Всезнайки напыщенные, это ясное дело, но неужели они могут быть так уверены, что нашли преступника? Всю ночь это грызло его, он несколько раз вставал, курил сигареты одну за другой в окно, как паровоз, проснулся от тошноты и в очень плохом настроении.

Мунк скомкал упаковку и допил остатки колы, когда в помещение вошла Анетте Голи. Он не говорил с ней со вчерашнего вечера, и ему нужна была ее помощь, чтобы разложить мысли по полочкам. Обычно в этой роли выступала Миа, но она не брала трубку. Что вполне понятно.

– Привет, – сказала Анетте, в замешательстве оглядевшись по сторонам.

– Знаю, – сказал Мунк, вытирая рот салфеткой. – Мне нужно было сбежать куда-нибудь. Мне вдруг пришло в голову, что они могут слышать и видеть все, что мы говорим в офисе.

– Кто? – сказала Голи, садясь.

– Ну, ты знаешь. Генералы.

Анетте слегка улыбнулась и убрала волосы за ухо. Он знал, во что вылилась для нее вчерашняя встреча, но если она и была уставшей, то хорошо это скрывала.

– Кофе? Буррито?

– Нет, спасибо. Мне нужно вернуться как можно скорее.

Полиция организовала специальный центр приема звонков в Гренланде. Двадцать телефонных линий с сотрудниками. Обнародовать подозреваемого? Естественно, реакция не заставила себя ждать.

– Как там дела?

– О, ну, ты знаешь, – вздохнула Анетте. – Люди постоянно звонят. Нелегко управляться со всем этим, но мы сортируем изо всех сил.

– Есть что-нибудь стоящее?

– Трудно сказать. У нас нет ресурсов, чтобы проверить даже половину.

Кто-то видел его в доме по соседству. Кто-то – на Гран-Канарии. Только что в метро. На роликовых лыжах около Согнсванн. Один даже считал нашего подозреваемого тренером по футболу у его дочери, говоря, что, вообще-то, тот не похож на фотографии, но вел себя очень *по-военному*.

– Вот как.

– О чем ты хотел поговорить? – спросила Анетте, проигнорировав свой телефон.

– Вот об этом, – буркнул Мунк, открыв папку перед собой.

Он достал нарисованные портреты Карла Эйна и положил их рядом с фотографией Ивана Хоровица.

– И что ты хочешь сказать? – спросила Анетте.

– Мы всерьез полагаем, что это один и тот же человек?

Голи бросила беглый взгляд на листочки.

– Холгер...

– Но я серьезно. Посмотри сюда, тут же...

– Я знаю, что тебе это не нравится. Что они вот так запросто взяли все под свой контроль. Мне и самой это не особенно нравится, но что нам остается делать?

– Нет, я серьезно, – повторил Мунк. – Я вижу, что сходство есть, но достаточно ли оно? Чтобы бросить все силы на это? Бежать по их приказу, как свора собак?

– Да, но ведь эти два тоже непохожи.

Она указала пальцем на два рисунка.

– Мы ведь уже решили, что он маскируется, переодевается, или что там еще можно делать.

У Голи снова зазвонил телефон. Она бросила краткий взгляд на дисплей.

– Миккельсон. Я должна ответить.

– Подождет, – прорычал Мунк. – То есть ты считаешь, что этого сходства достаточно, чтобы мы с легкостью позволили им управлять всем?

– Ведь это всего лишь наброски...

– Я знаю. Но я отправил Карри.

– Куда?

– К тем, кто действительно видел его. Вживую.

– В отель в Гамлебюене?

– И в клининговую службу Сагене.

– Отличная идея. Хотя я бы хотела иметь его под рукой в участке.

– Только чтобы подтвердить.

– Что это один и тот же парень?

– Да.
Анетте улыбнулась.
– Конечно, Холгер. Это тебе решать, хоть я и...
– Ты им доверяешь?
– Не вижу причин не доверять. Зачем им указывать нам на неверного человека? Выдавать секретную информацию, если на это нет оснований? Ну, ты же сам видел, чем они располагают? У нас нет и десятой доли их ресурсов. У меня было такое чувство, что за окнами там находится ЦРУ. Сколько времени им потребовалось, чтобы выйти на Хоровица? Двадцать минут?
– Да-да.
– Решать, конечно, тебе, Холгер. Но если ты спрашиваешь меня, мы идем по правильному следу. Не забывай, что фотографии Хоровица трехлетней давности. И опять же...
– Наброски, я знаю. Я просто хочу быть уверен.
– Само собой, – сказала Анетте, поднимаясь.
– Еще кое-что, – сказал Мунк, жестом показывая ей сесть обратно. – Ты заметила, что они не дали нам тот список из пятидесяти имен?
– Засекреченный, – кивнула Анетте. – Как там, НТК?
– НТК, пусть поцелуют меня в зад, – пробурчал Мунк и достал еще один листок из папки.
– Ты взял его с собой? – удивилась Анетте.
– Конечно. Нужно же было узнать. И посмотри сюда. Он быстро указал на несколько имен в списке.
– О чем ты?
– Анн-Хелен Ундергорд?
– И?
– Том-Эрик Вангсетер?
– Я не понимаю тебя.
– Они сказали, что у нас нет ресурсов, помнишь? Чтобы присмотреть за этими несчастными людьми. Предупредить их хотя бы.
– Холгер... – сказала Анетте, покачав головой.
– Я серьезно. У скольких человек такие имена? Антон Биргер Лундамо? Я вижу, что большинство имен из списка могут принадлежать многим людям. Но эти? Почему бы не сделать что-нибудь?
– Холгер...
– Нет, ну, я не шучу. Я думал поручить это нашим людям.
– Связаться с ними?
– Да.

– Нет, нет.

– Почему нет?

Голи склонилась над столом к нему, украдкой оглянувшись по сторонам, и прошептала.

– И что им сказать? У нас на свободе бегает чокнутый, убивает случайных людей, и ваше имя в списке? Как думаешь, сколько времени пройдет, прежде чем ты увидишь *это* в новостях? Будет ад, которому нет равных.

– Да, но, черт же, Анетте, а если бы там был кто-то из твоих родных?

– И кого мы отправим на дело? Габриэля? Ильву? Крипос уже переориентирован. Весь участок в Гренланде тоже. Каждая чертова машина дорожного патруля занята слежкой. Все это намного больше нас, Холгер. Благо нации. Спокойствие населения и все такое. Не говоря уже о том, что они избавятся от тебя за считанные секунды. Не успеешь оглянуться – и ты уже считаешь белых медведей на Шпицбергене.

– Да я срать хотел на это.

– Делай, как хочешь, – сказала Анетте, в то время как ее ужасно раздражающий телефон начал вибрировать снова. – Я верю, что они делают правильный выбор. Кабинет премьер-министра. Юстиция. Не просто так они едят свой хлеб. Иван Хоровиц. Я убеждена, что кто-то что-то знает, нужно только отсеять всех сумасшедших. Мы близки. Скоро что-то найдется. Я чувствую это. Мне пора возвращаться, ладно?

Анетте встала и взяла сумку со стола.

– Надеюсь, ты права, – пробормотал Мунк, засунув бумаги в папку. – Ты мне сообщишь немедленно, если что-то случится?

– Ты первый в списке, Холгер, – улыбнулась Анетте и побежала к выходу, когда ее телефон вновь зазвонил.

Карри вошел в дверь клининговой службы Сагене и вздрогнул, когда маленький колокольчик доложил о его приходе. *Черт*. Нервы ни к черту. Всего лишь три пива и стаканчик виски вчера вечером. Он даже немного гордился собой, но его организм, видимо, был не согласен.

– Да? – сказала пожилая вьетнамская женщина, взглянув на него из-за стойки ресепшена, не откладывая вязание.

– Полиция, – сказал Карри, показав ей удостоверение. – Отдел по расследованию убийств. Директор?

– Уже, – сказала женщина, не собираясь вставать.

– Что?

– Уже были здесь, – кивнула женщина, когда из задней комнатки появился молодой человек.

– Она говорит, что вы уже были здесь, – улыбнулся хорошо одетый мужчина, положив руки на стойку. – Чем я могу вам помочь?

– Юн Ларсен, отдел по расследованию убийств, – сказал Карри, еще раз показав свое удостоверение. – Верно ли, что у вас был сотрудник по имени Карл Эйон?

Вьетнамка закатила глаза и что-то пробубнила.

– Не сотрудник, нет, – сказал молодой человек. – Разовый работник. А по какому поводу на этот раз?

– Вот, – сказал Карри, засунув руку в карман куртки.

Всего лишь три.

Или все-таки четыре?

Нет, три, он был спокоен, разве нет?

Три пива и всего один, может, два виски?

Он не мог вспомнить, как забрался под одеяло к Луне, но она, по крайней мере, улыбнулась ему, когда он проснулся.

Все под контролем.

– Вот этот рисунок сделан с ваших слов, так ведь?

Он расправил скомканный листок и положил на стойку.

– Да, верно, – кивнул молодой человек. – А что такое? Случилось еще что-то?

– А как насчет этого? – пробурчал Карри, пошарил в карманах и вытащил фотографию солдата Хоровица.

– А это кто? – спросил вьетнамец, прищурившись.

– Это тот человек, который работал у вас?

– Ну...

Он нахмурился и мгновение разглядывал снимок. Женщина с вязанием снова покачала головой и произнесла что-то непонятное.

– Что она говорит?

Молодой человек улыбнулся, извиняясь.

– Говорит, он располнел.

– Да? Значит, это один и тот же человек? Тот, что... что тут работал?

– Разовый работник, – повторил вьетнамец, поближе рассмотрев снимок. – Тут он выглядит моложе, но да, я бы сказал, что это Карл Эйон.

– Уверены?

Женщина опять покачала головой и что-то пробурчала.

– Один человек, да, насколько я вижу.

– Отлично, спасибо, – сказал Карри, засунув бумаги обратно в карман.

Ланч-бар Сагене. Он, кажется, где-то поблизости?

Стаканчик пива?

Просто чтобы привести в порядок голову?

– Сообщите, если мы можем что-то сделать. Рад помочь.

– Вы сделали более чем достаточно. Еще раз спасибо, – проговорил Карри и открыл входную дверь, на этот раз осторожно, чтобы не звенел колокольчик.

Иван Хоровиц.

Карл Эйон.

Один и тот же человек.

Мунк с самого утра был в жутком настроении, давно уже Карри не видел его таким, но, по крайней мере, хоть с этим разобрались.

Солдат.

Афганский ветеран.

Карри понятия не имел, откуда появился этот подозреваемый, но, как бы то ни было, он подтвердил, что это один и тот же человек. В последнее время Карри сидел как на иголках и чувствовал, что это точно должно помочь. Снова показать себя Мунку с лучшей стороны. Ему это было необходимо. Карри было трудно объяснить ссадину на лбу и почему его не было на работе.

Ланч-бар Сагене? Только заглянуть между делом?

Сначала позвонить Мунку. Сообщить хорошие новости.

Он достал телефон из кармана и уже собирался найти номер, когда тот вдруг зазвонил.

Он застыл на тротуаре, ошарашенно глядя на имя на дисплее, и чуть не

забыл нажать, чтобы ответить.

– Миа? – пробормотал Карри, когда наконец попал пальцем по дисплею. – Ты где? Тебя все ищут.

– Справа. Пятьдесят метров. Прямо у церкви. Серый «Субару». Видишь его?

– Чего? – переспросил Карри, обернувшись.

– Синяя куртка. Видишь?

– Э, ну да.

– Через дорогу. Около супермаркета. Женщина говорит по телефону. Серое пальто. Коричневые сапоги. Видишь?

– О чем ты говоришь? – сказал Карри, развернувшись.

– Притворись, как будто ничего не происходит. Иди.

– О чем ты?

– Иди. Не дай им увидеть, что ты заметил их. Иди к парку.

Заметил их?

Карри ничего не понял, но послушался. Переставлял ступни по тротуару.

– Что такое?

– Две красных телефонных будки, видишь их?

– Эм... да.

– Лавочку видишь?

Карри вообще ничего не понимал. Он бросил взгляд на женщину в сером пальто около супермаркета и вдруг заметил, что она смотрит на него. Недолго.

Всего секунда, и она быстро отвернулась к витрине.

– Миа? Что вообще творится?

– Просто слушай меня, Юн. Делай, как я говорю.

– Ок, – проговорил Карри и пошел дальше.

– Лавочка. Видишь ее?

– Садись на ту сторону, которая обращена к церкви.

– Э, ладно.

Карри снова бросил взгляд на женщину в сером пальто. Она повернулась к нему и проводила его взглядом.

– Ты на месте, садись.

«Субару» у тротуара. Мужчина в синей куртке выходит из машины.

– Пощупай под скамейкой.

Машинально. Рука под деревянные рейки, там что-то приклеено. Листок бумаги.

– Через час, ладно?

– Не понимаю... – начал Карри, когда женщина в сером пальто спокойно перешла дорогу и встала около другой витрины, прямо перед ним.

– Заходи в супермаркет.

– Хорошо, и?

– Покажи свое удостоверение. У них есть задняя дверь. Нашел бумажку?

Мужчина в синей куртке пошел в сторону парка.

– Да.

– Выключи телефон. Увидимся через час, – сказала Миа.

И отключилась.

Долорес Ди Санти была уверена, что в ее жизни поселился дьявол. Она выросла на Сардинии в маленьком портовом городке Портоскузо в семье городского мясника и очень богобоязненной женщины. Мать каждый день начинала с того, что крестилась и бормотала: «*Non oggi ne Dio*». *Не сегодня, Господи*. Маленькой девочкой Долорес всегда отмахивалась от этого, от чрезмерной веры матери в небеса и ад, но теперь она и сама верила в это, сидя на холодной скамейке в соборе Святого Олава на Акерсгате. *Non oggi ne Dio*. Несмотря на то, что она была уверена, что уже слишком поздно.

В молодости у нее была мечта стать архитектором, но этого так и не случилось. Он появился на яхте и взял ее штурмом. Сальваторе Ди Санти, сын богатых людей из Милана. И годы пролетели, она и не знала, куда они подевались. Сначала дочка, потом сын. Ее мать была домохозяйкой, и Долорес пообещала себе, что с ней такого никогда не будет, и все-таки пришла к тому же самому.

Но в общем благополучная жизнь, грех жаловаться. И дочь и сын получили хорошее образование, она сейчас врач, он – инженер. Сальваторе Ди Санти всегда был политически амбициозен, и вскоре его амбиции были вознаграждены. Они провели пять лет в Южной Африке, он в качестве посла Италии, а она – жены посла, и здесь все и случилось, то, из-за чего она была уверена, что дьявол правит ее жизнью. На самом деле невинная интрижка. Он был молод. Намного моложе нее. Сотрудник посольства.

L'introduzione del diavolo.

Вступление дьявола.

Долорес перекрестилась еще раз, когда собравшиеся встали. Обеденная служба закончилась. Она высматривала отца Мэллея, но нигде его не видела. Сегодня службу вел другой, к ее разочарованию, ведь она пришла поговорить к отцу Мэллею. Она должна исповедаться в своих грехах. Это единственный выход. Пора покончить с этим кошмаром, она просто больше не могла так.

В Южной Африке было жарко. Красочно. Живо. Этот форпост, куда их перевели, был полной противоположностью. Посольство Италии в Норвегии. Она так мерзла зимой, как и представить себе раньше не могла. Света никогда не было. Вечная тьма. На календаре вроде как весна, но она никак не раскроется и не даст ей столь необходимого тепла. *Il diavolo*. Он

был повсюду вокруг нее, и она должна раз и навсегда исповедаться в своих грехах. И домой в Италию. В этой ледяной стране она больше жить не могла.

Долорес осторожно подошла к ризнице и кивнула священнику.

– Pater Malley?

– Вы знаете, мы уже давно его не видели, – сказал молодой человек на этом ломаном языке, которого она не понимала. – Наверное, он заболел, мы не можем с ним связаться, увы.

– Pater Malley? – повторила она, но, кажется, он не понял, что она имела в виду.

– Наверняка он скоро объявится, – улыбнулся священник, и она по-прежнему не поняла ни слова.

Поэтому она и должна поговорить с отцом Мэллеем. Он немного говорил по-итальянски. Учился когда-то в Италии. Она – немного по-английски. Вместе этого было бы достаточно. Мэллей объяснил ей, что продлил часы исповеди. Можно и утром, и в обед, да когда угодно.

Она медленно пошла к коричневого цвета исповедальной кабинке в глубине церкви, наверное, этот новый молодой священник имел в виду, чтобы она шла туда и села на скамейку в ожидании. Через двадцать минут ей надоело ждать. Кажется, он не появится. Она подняла сумку с холодного пола и собиралась встать, как вдруг заметила маленькую щелку в коричневой двери.

Или он все же там?

Так сказал ей священник? «Просто заходи»?

Долорес сделала несколько осторожных шагов к кабинке с орнаментом.

– Scusa? Pater Malley?^[17]

Карри вошел в кафе «Мистраль» на Майорстуа и нашел там сидевшую за столиком в углу Мию.

– Какого черта творится? – прорычал бульдог и тяжело плюхнулся на стул напротив.

– Ты избавился от них? – сказала Миа, одарив его не совсем понятным взглядом.

Голубоглазая индианка казалась удивительно возбужденной. Ей было трудно держать руки в покое, она нервно стучала ногтями по кофейной чашке и постоянно оглядывалась. Если бы он не знал, то подумал бы, что она что-то приняла.

– Думаю, да, – пробурчал Карри. – Что за хрень происходит? У тебя случаем не съехала крыша?

– Ты выключил телефон?

– Да.

– Хорошо. Они отслеживают нас, вот что. GPS. Они знают, где мы, в каждое мгновение. И мне пришло в голову, что именно через телефон они это и делают. Держат тебя под контролем.

– Меня? Что за чертовщина?

– Сорри, – сказала Миа, быстро накрыв его руку своей. – Мне надо было раньше прийти к тебе. Но теперь я тут, ладно?

Пожилтому мужчине у стойки подали пиво. У Карри слюнки потекли, но он сдержался.

– Кто, мать их, эти люди?

– Специальный отдел, это долгая история, – сказала Миа, быстро убрав волосы за ухо. – В любом случае, надо было обсудить все с тобой сразу же, извини меня, ладно?

– Специальный отдел? Полиции? Почему они садятся на хвост *мне*? Что я, блин, такого сделал?

– Слушай, – сказала Миа, нагнувшись ближе. – Пару дней назад меня навестил агент по имени Волд. Помнишь того адвоката? Лорентцена?

– Нет.

– Это его машину тогда украли. «Мерседес», на котором отвезли Вивиан Берг на гору. В общем, Волд хотел знать, находится ли Лорентцен в поле нашего внимания.

– Адвокат? Но почему?

– Героин, – сказала Миа, сделав глоток кофе, – Они думают, что нашли главную артерию ввоза. И что он замешан.

– Наркотики? – Карри грустно покачал головой. – И какое это имеет отношение ко мне?

– Они считают, что у этих ребят есть крот, – тихо сказала Миа.

– Крот?

– Их сообщник у нас в полиции. Один из наших. И они хотели, чтобы я помогла им это подтвердить.

До него медленно начало доходить, о чем она. Ярость вскипела в нем.

– Я? – прошипел он так громко, что пожилой мужчина у стойки обернулся.

– Тссс.

– Я? – прошипел Карри, на этот раз тише.

Миа кивнула.

– Но какого хрена?!

– Знаю.

– Откуда, черт побери, они это взяли?

– Долгая история, – снова сказала Миа, пытаясь его успокоить, но ярость овладела всем его существом.

– Что, черт возьми, я сделал?

Он ударил ладонью по столу так сильно, что чашка Мии зазвенела. Бармен за стойкой проснулся и обеспокоенно посмотрел на них.

– Успокойся. Это же не имеет значения, правда? Я говорила, что это не ты. Много раз. Это же не ты, да, Юн?

Она чуть наклонила голову набок и посмотрела на него. И он увидел, какая она уставшая.

– Нет, конечно, – вскипел он. – С какого перепугу мне этим заниматься?

– Вот видишь, – улыбнулась Миа. – Так что тебе не о чем беспокоиться.

– Но какого черта, – пробормотал Карри и больше не смог ничего сказать.

Героин? Он?

– Мне нужна помощь, – сказала Миа, наклонившись ближе.

– Что за?.. – пробурчал Карри, все еще не понимая, как все это увязано.

Крот?

Хренова наркота?

Как, сука, кто-то мог подумать?..

– Ты тут? – проговорила Миа, вернув его внимание к себе.

Теперь он ясно увидел.

Вот дерьмо.

Он по ошибке принял ее состояние за бодрость. Это не так. Все наоборот. Хрупкая коллега была такой уставшей, что едва могла сидеть на стуле прямо.

– Все нормально? Миа?

Она вздохнула, на секунду прикрыла глаза и как будто не собиралась возвращаться.

– Миа?

– Все нормально. Я только...

– Вообще не спала?

Она покачала головой.

– Сколько уже?

– Почти сутки, ничего страшного, – произнесла она, отмахнувшись.

– Какого хрена происходит? – сказал Карри, перегнувшись через стол. – Специальный отдел думает, что я чертов предатель? А ты выглядишь, как будто привидение увидела. Почему ты не спала? Что ты делала?

– Прочесывала улицы, – пробормотала Миа и потерла глаза. – Весь город.

– Зачем это?

– Слушай, – сказала Миа, взяв себя в руки. – Мне нужна твоя помощь, ладно? Не представляю, кого еще попросить.

– Конечно, Миа, все что угодно.

Он увидел благодарность в ее взгляде, она вновь убрала волосы за ухо и устало улыбнулась.

Черт, она действительно не в себе.

– Это насчет Сигрид, – наконец произнесла Миа.

– Твоей сестры?

– Да. Я...

– Но она же?..

Девушка снова прикрыла глаза, и на секунду Карри испугался, что она исчезнет совсем и просто рухнет прямо у него на глазах.

– Ты должен помочь мне найти кое-кого.

– Конечно, Миа. Кого?

– Ты же знаешь эту среду, да? Долго работал в нарко?

– Само собой. Кого именно ты ищешь?

– Его зовут Кевин, – тихо сказала Миа. – Я ночью все обошла, но только...

– Торчок?

Миа кивнула.

– В городе?

Она снова опустила голову вниз, на этот раз ей с трудом удалось оторвать ее от груди.

– Конечно, я помогу тебе, Миа, – быстро сказал Карри и мягко положил свою руку на ее. – Ты знаешь что-нибудь об этом чуваке? Или только имя?

– Сиссе, – пробормотала Миа.

– Сиссе?

– Кевин и Сиссе. Одного, а лучше всего обоих. Поможешь?

– Само собой. Могу я у тебя спросить, зачем, или?..

Миа моргнула и провела рукой по усталому лицу.

– У нее есть кое-что, что принадлежит мне.

– У второй наркоманки? Сиссе?

– Да.

– Я в деле. Черт, Миа, ну конечно. Если пообещаешь мне кое-что.

– Что же?

– Что ты немного поспишь, ок?

Миа удрученно улыбнулась.

– Нет, это...

– Я серьезно, Миа. Кевин и Сиссе? Я займусь этим. Нет проблем. А ты немного поспи, ладно?

Воцарилась тишина.

– Ладно, – наконец кивнула Миа.

– Вот и хорошо, – сказал Карри, доставая из кармана телефон.

Мунк миновал ограждения, поднялся по лестнице собора Святого Олава, и его встретил ответственный за место преступления знакомый полицейский, Тургейр Бекк. Они с ним играли в шахматы пару раз. После партий Мунку пришлось признаться, что ему еще есть чему поучиться.

– Судмедэксперты уже на месте, – сказал Бекк.

– А техники?

– Едут. Есть идеи, что у нас вообще происходит?

– Ты о чем? – сказал Мунк, потушив сигарету.

– Повсюду полный хаос, никого не достать, – сказал Бекк, почесав затылок.

– Иван Хоровиц, – кивнул Мунк.

– Да, но все же? Вся полиция?

Мунк проигнорировал последний вопрос и вошел в широкие двери. Церковь была тускло освещена. Шаги отдавались эхом в величественном зале. Он издали видел, как Лиллиан Лунд с командой уже работают у исповедальной кабины.

– Кто его нашел?

– Итальянка.

– Да?

– Она сидит в кабинете священника. Совершенно не в себе. Не может перестать плакать. Атташе из посольства тоже с ней. Она, судя по всему, жена посла Италии.

– Вот как.

– Нам нужно ее держать?

– Ты ее допросил?

– Немного. Она пришла исповедаться. Подумала, что там кто-то сидит. И так, в общем-то, и оказалось, – сказал Бекк, подняв брови.

– Возьми у нее личные данные и отпусти, – бросил Мунк и пошел к Лиллиан Лунд.

– Привет, Холгер, – улыбнулась Лунд и сняла маску.

– Что у нас тут?

Какой-то очень поверхностный вопрос. Он мог бы сам заглянуть прямо в кабинку, где в одной ее части сидел священник, откинувшись назад, с застывшим выражением страха в глазах.

– Там внутри фотоаппарат, – показала Лунд.

– В другой части?

Лунд кивнула.

– Похоже, что преступник исповедовался в своих грехах. И, скорее всего, каким-то образом одурманил священника через решетку. Затем вошел в другую часть кабинки и сделал то, за чем пришел.

– Вы смотрели в объектив?

– Не удержалась.

– И?

– Двадцать девять, – тихо кивнула она.

– Дьявол.

– Похоже на то, – сказала Лунд, без тени иронии в голосе.

– Раны вокруг рта?

– Я не заметила, но они необязательно должны быть. У людей разные реакции на одни и те же вещества.

– А след от укола?

– В том же месте, – кивнула Лунд и снова надела маску, когда к ним спешно подошла Анетте Голи.

– Что у нас? – спросила она, овладев дыханием.

– Номер двадцать девять, – тихо сказал Мунк.

Он достал список из кармана пальто.

– Пол Мэллей. Приходской священник.

– Черт, – пробормотала Анетте, взяв листок.

– Все еще не согласна? – спросил Мунк и посмотрел на нее.

– С чем?

– Пол? Мэллей? Может, пора уже начать предупреждать людей?

Анетте Голи прикусила губу, но не ответила. Мунк раздраженно покачал головой, засунул руки в карманы и пошел к группе людей, собравшихся у алтаря.

Ответ не заставил себя ждать. Луна несколько раз вопросительно смотрела на Карри, но тот стоял на своем.

– Даже пива не выпьешь?

– Нет, только кофе.

Он увидел по ее улыбке, что она не имела ничего против. В помещении бара было тихо, только пара старых любителей музыки толклись около музыкального автомата, но Карри все равно чувствовал легкую паранойю.

Они смотрят на него?

Они что?..

Нет, конечно, это не полицейские. Он уже видел их тут несколько раз, пьяных до беспамятства, так что они были едва в состоянии объясниться. *Черт возьми*. Он тут ни при чем. Чувство собственного достоинства. Подозрение жгло его немного, даже сильно, честно говоря. Как вообще кто-то мог подумать, что он нечестен? Что, черт возьми, он такого сделал? И у скольких были такие мысли? У его знакомых? И как долго это вообще происходит? А ведь его подозрения не были лишены оснований. Он понял это сейчас, когда успокоился и подумал. Парни в спортивных куртках у бара тем вечером, когда ему не повезло, когда он перепил, не поев. Они выглядели, будто не на своем месте, ему пришло это в голову тогда, правда? Чертова система.

На телефоне перед Карри неизвестный номер.

Не брать трубку, подождать несколько минут и перезвонить на другой номер.

Джимбо.

Карри понятия не имел зачем, но так хотел Джимбо. У Карри не было и сомнений, кому звонить, когда он понял, что ищет Миа.

Джимбо Мунсен.

Карри знал этого грамотного полицейского еще с учебы в Высшей школе полиции. Они вместе работали в нарко, но потом Джимбо ушел в «подполье» и так и остался там. Пока остальные сокурсники продвигались в звании, Джимбо выбрал для себя «остаться на улице». Несколько лет назад Карри спросил его за стаканом пива, почему так, но не получил четкого ответа.

– Мне нравится, – сказал Джимбо, пожав плечами, и больше они об

этом не говорили.

Джимбо Мунсен.

Конечно.

И вот ответ уже здесь.

Карри подождал, как ему показалось, достаточно и набрал номер, присланный ему Джимбо чуть раньше.

– Карри? – сказал мрачный голос.

– Как все прошло? – напряженно спросил Карри.

– Бинго, – кратко произнес Джимбо. – Кевин, да? Молодой парень? Со странными бровями?

– Да. И Сиссе.

– Ее я не нашел. Я знаю, о ком идет речь, но говорят, ее нет. Что она отбросила коньки.

Годы в «подполье» изменили не только его внешность, но и язык. В последний раз, когда они встречались, Карри с трудом его узнал, приняв за бездомного, чуть не отмахнулся от него.

– Да? Умерла?

– Не стопудово, но говорят, что да.

– А этот Кевин? Ты знаешь, где он?

– Я же так и сказал. Хочешь встретиться с чуваком?

– Да, конечно. Это же возможно?

– Все возможно, – покашлял Джимбо. – Филки есть?

– Филки?

– Я устрою встречу. Но я сомневаюсь, что он пойдет на это без прибавки в коробочку, если понимаешь, о чем я. Говоря с мусором, можно быстро получить дурную репутацию.

– Да-да, конечно, о какой сумме речь?

– Одной дозы будет достаточно.

– Косарь?

– Скажем, два, и чувак не будет бегать пару дней. Надо помочь, чем сможем, правильно?

– Отлично. Как мы это сделаем?

– Я тебе сообщу, – кратко сказал Джимбо и исчез.

– Еще кофе?

Улыбающаяся Луна подошла с кофейником в руке. Карри кивнул и подумал, не позвонить ли Мии сразу же. Нет. Лучше чуть подождать. Пусть поспит. Давно он не видел ее такой уставшей.

Чертова система.

Что вообще произошло? Почему он все пропустил?

Это все алкоголь, сволочь. Он виноват.

Нет, так дело не пойдет, черт побери.

Коррупцированный мудака?

Да ни за что.

Хороший полицейский, вот кто он.

Чертовски хороший.

Настали новые времена.

Так и будет.

Карри тихо выругался, поднес чашку к губам и долго сидел, глядя в грязное окно.

Габриэль Мерк сидел в маленькой переговорной с ноутбуком на коленях и пытался собрать мысли в кучу. Стена перед ним была завешана почти полностью. Своего рода произведение искусства Людвиг Гренли. Фотографии, бумаги, маленькие бумажки всех цветов. И на небольшой стене у двери, в полном одиночестве:

Иван Хоровиц.

Речь Мунка была туманна, Голи тоже увилвала от расспросов. Утреннее собрание оказалось странным мероприятием, но Габриэль все же посвятил день тому, что ему поручили. Новый подозреваемый, Иван Хоровиц. Бесследно исчез в 2012, но вдруг где-нибудь в Интернете остался его след?

Габриэль нашел не много. Ничего на самом деле, ничего более-менее нового. Только старую страничку на «Фейсбуке». Несколько фотографий Хоровица в форме, щурящегося на солнце с автоматической винтовкой в руках. Последняя запись весной 2011. «Скоро буду дома в отпуске, улыбающийся смайлик. До встречи, Иван!» Всего один комментарий, какая-то Каролине, которую Мерк даже прозвонил, но, кажется, она такая же бесполезная, как и весь остальной мир. Не видела его. К сожалению. Понятия не имеет. Габриэлю показалось, что ей, в общем-то, все равно, разве только любопытно, ей наверняка не терпелось все рассказать подружкам. «Я знаю Ивана, мы были друзьями на фейсе. Знаете, они ищут того серийного убийцу? Мне звонили из полиции. Я для них важный свидетель».

Габриэль быстро почувствовал неприязнь и положил трубку.

Иван Хоровиц.

Родился: Йевик, 21.11.1988.

Его ровесник. Габриэль чуть покачал головой и перевел взгляд на дальнейшие записи.

Мать: Эва Хоровиц, умерла в 2007 (автомобильная авария).

Отец: Анатолий Хоровиц, умер в 2007 (автомобильная авария).

Братья и сестры: нет.

Старшая школа Йевика, 2006–2008.

Армия, батальон Телемарка, 2008 —?

Комиссован из Вооруженных сил, 2010.

Положен в психиатрическую клинику Блэкстад, 2011 —?

И тут Мерка осенило. Клиника Блэкстад? Пациент? Габриэль вспомнил, как нервничал и в каком напряжении он находился в офисном здании около стадиона Уллевол, и теперь просто оставить добытый материал валяться без дела?

Нужно признать, Габриэль был немного разочарован, что все это оказалось бессмысленным. Хоть он так и не придумал способ поиска по материалу. И все же – просто выбросить это? Он хотел спросить Мию, не стоит ли им покопаться там. Сесть вместе, может быть, там все же что-нибудь найдется, но этого не случилось. Он не видел Мию уже некоторое время. Ни на собраниях, нигде. Миа вдруг пропала, и ни Мунк, ни другие не особенно беспокоились. Странно, но в офисе все стало странно с тех пор, как объявился главный подозреваемый. Как из ниоткуда. Ни Мунк, ни Анетте не дали им никаких объяснений, они знали только, что теперь должны искать этого человека. Стопроцентный фокус на нем. Источник – службы разведки Вооруженных сил, вот и все. Не задавайте вопросов.

СМИ пестрят охотой на Хоровица.

Солдат. Серийный убийца. Все еще разгуливает на свободе по улицам Осло.

Днем Габриэль ненадолго забежал домой и видел все по лицам прохожих, спешащих от пункта А к пункту Б, обнимая и оберегая своих детей. Его соседи во Франккрикегордене, с которыми он обычно обменивался парой слов, торопились изо всех сил, чтобы оказаться в безопасности за своими красными дверями.

И он их отлично понимал.

Он сам отправил Туве и Эмилие к ее матери в Хаделанд.

«Серьезно, Габриэль?»

«Все хорошо, просто ради меня, ладно?»

«Да-да, она будет рада нас видеть».

Габриэль быстро поцеловал их и проводил из дома, почувствовав облегчение, глядя, как исчезают фонари «Вольво».

* * *

– Да, это было потрясающе.

Иронически усмехаясь, Ильва вошла в комнату со своим компьютером и опустилась на кресло рядом с Мерком.

– Еще что-нибудь слышал?

– Нет, с тех пор ничего.

– Должно же быть хоть что-то, что мы можем сделать, а не просто сидеть тут?

Исландка вздохнула и потерла глаза. Габриэль покивал, отлично понимая, о чем она. Офис, обычно полный жизни, с постоянно трезвонящими телефонами и бегающими по коридорам людьми, превратился в мертвое царство. Остались только они вдвоем. Людвиг в Гренланде. Мунк с Анетте в церкви, новая жертва, на этот раз священник. Габриэль надеялся, что начальство заедет в офис, проведет новый брифинг, даст обновленную информацию, но нет, видимо, у них были другие дела. И, как уже было сказано, Мии и след простыл уже давно.

– Так когда ты расскажешь мне? – сказала Ильва, слегка толкнув его в плечо.

– Ты о чем?

– О, ты меня не проведешь, – улыбнулась симпатичная исландка.

– Что?

– Твое маленькое задание, – дразняще сказала Ильва. – Ну, давай уже! Ты прозрачный, как стекло. Это для Мии?

– О чем ты говоришь? – удивился Габриэль, чувствуя, как покраснели щеки.

– Ладно, значит, так у нас теперь будет, – сказала Ильва обиженным тоном. – Тайные задания? И ты ничего мне не расскажешь? Давай же! Что ты сделал?

Габриэль Мерк вздохнул. И подумал: ну и пусть. Мунку уже все равно. И они все равно не собирались использовать это в каких бы то ни было целях.

– Я хакнул базу данных Вольфганга Риттера, – быстро проговорил он.

– Ты шутишь? – улыбнулась Ильва. – Без разрешения?

– Ну, какое разрешение. По заданию Мии.

– Твою мать, – хохотнула Ильва. – Что ты сделал? Поехал в его офис? Зашел прямо в его компьютер?

– Сидел в приемной, – сказал Габриэль, чуть съжившись в кресле. – Думаешь, не стоило этого делать?

– Господи, ну конечно, стоило. Да плевать на это. Что ты нашел? Она у тебя тут?

Ильва подвинула свое кресло поближе и с нетерпением посмотрела на его монитор.

– Я не могу ею воспользоваться, – кратко сказал Габриэль. – Но, странно, я как раз сейчас думал об этом. Знаешь про Хоровица?

Он кивнул на заметки Людвига.

– Блакстад? Его клали в больницу?

– Почему ты не можешь ею воспользоваться? – заинтересовалась Ильва. – Что если Хоровиц был одним из пациентов Риттера? Может, мы найдем там что-нибудь?

– Я уже искал, – сказал Габриэль, покачав головой. – Его там нет.

– Откуда ты знаешь?

– Я ее проверил, – повторил Габриэль.

– Ты же только что сказал, что не можешь ею пользоваться?

– Это рукописные заметки психиатра, отсканированные в pdf, понимаешь? Искать по ним не выйдет. В самих документах.

– И что?

– Рукописные и отсканированные, ну же?

Ильва по-прежнему не понимала, что он имеет в виду.

– Например, я хочу поискать слово «пожар». Или «Братья Львиное сердце». Но машина никак не может выполнить поиск. Что-то должно распознавать символы, правильно?

– Так.

– Если я хочу искать по всей рукописи, сначала нужно обучить машину его почерку. «А» выглядит так, «Б» – так, и так далее, но этого все равно недостаточно. Как буквы соединяются между собой, «Л» с «К», «М» с «Н» и так далее, понимаешь?

– О-о, – отреагировала Ильва, наконец поняв, о чем он.

– Ну, то есть, это наверняка возможно. Но, блин, это займет недели...

– Но как?.. – начала Ильва, надвинув очки на нос.

– Что – «как»?

– Откуда ты так уверен, что Хоровица там *нет*?

– По названиям.

– Каким?

– Смотри сюда, – продолжил Габриэль и открыл один из документов. – Риттер же их как-то назвал. Видишь? Имя и дата рождения. И по названию я, конечно, искать могу. Как и любые другие файлы.

– А что если?.. – сказала Ильва и немного задумалась.

– Что?

– Мы же можем искать по дате рождения? Можем? Она же там указана?

– Да, но я уже знаю, что его нет среди пациентов. Его имени там нет.

– А что насчет Карла Эйна?

– Тоже нет, я проверял.

– Ок, но посмотри же сюда.

Ильва указала на стену перед ними.

– Рисунки?

– Да.

– Ты ведь видишь, что они непохожи?

– К чему ты клонишь?..

– Наш убийца явно... ну, я не знаю, но поведение выглядит очень продуманным, правда? Ничего здесь не случайно. То есть тут он в очках, тут с другой прической. Что если Хоровиц все-таки есть в файлах? Под другим именем, ну, я не знаю.

– Но в этом же нет никакого смысла. Зачем ему идти к психиатру под другим именем? И, вообще, возможно ли это? Разве не нужны документы, нет, ведь это так не работает, да?

– Да, ты прав, – сказала Ильва, сняв очки. – Зачем ему это?

– Нет, зачем ему так делать.

Она потеряла глаза и опять надела очки на нос.

– Да...

Они замолчали и какое-то время сидели, упершись взглядом в пеструю доску.

– Если только не... – сказала Ильва.

– «Только не» – что?

– Нет, в этом нет смысла, – сказала исландка, опустив голову на руки. – Вот черт. Было бы так круто что-нибудь дать нашим старикам, ну, не сидеть же тут, как статисты. Ненавижу, когда ничем не могу помочь.

– Отлично понимаю, о чем ты.

– Но Блэкстад? Психиатрия? Ты же сам так подумал? Должен же он был где-то общаться с жертвами? Ну послушай, что, *совершенно* случайно? Что-то же его спровоцировало? А Вивиан Берг? Она ведь была первой?

– И?..

– Вивиан Берг, первая жертва. Пациентка Риттера, да? Ты же знаешь Мию, – сказала Ильва, воодушевленно поднимаясь со стула.

– Почему она хотела, чтобы ты взломал базу, если у нее не было какого-то предчувствия? Она сказала, о чем они говорили в больнице?

– Когда?

– Когда допрашивали Риттера.

– Нет.

– Черт, Габриэль. Что-то же должно было быть, да?

– Да, но что же?

– Нет, черт его знает, но мы же знаем возраст, да?

– Хоровица?
– Да.
– Двадцать пять, – кивнул Габриэль.
– Давай прибавим или убавим ему пару лет?
– Зачем?
– Ну, посмотри на фото. На рисунки. Описания от тех, кто его реально видел, скажем... от двадцати трех до... да, двадцати семи, примерно так.
– Не понимаю, к чему ты клонишь.
– Ты же видел дату рождения, да?
Ильва подбежала и ткнула пальцем в экран.
– Что тогда получится? 19... 86 по 1990? Попробуй.
Габриэль так и не понял, к чему это, но вбил даты.
– Сколько совпадений?
– Двести семьдесят пять.
– Вот видишь, – улыбнулась Ильва и довольно толкнула его в плечо.
– Хочешь сказать, прочтем все? Ты представляешь, сколько времени это займет?
– А почему нет? У тебя есть другие дела?
Во всем офисе висела тишина. До Габриэля доносился гул машин на улице вдали и жужжание вентилятора, о существовании которого он даже не знал.
– Нет-нет, давай попробуем, – наконец пробормотал он.
– Хорошо, – улыбнулась Ильва и снова толкнула его в плечо. – Я возьму с «А» по... что там получится?
– «Н».
– Хорошо. А ты возьми остальное. Пришлешь мне файлы, ок?
Ильва снова встала. Сейчас она больше всего напоминала маленькую школьницу, когда всплеснула руками и улыбнулась от уха до уха.
– Встретимся здесь, когда закончим? Или если что-то обнаружится?
– Это может занять несколько дней, – вздохнул Габриэль.
– Значит, так. Ну, так пришлешь?
– Уже отправляю, – пробормотал Габриэль и перетащил файлы в письмо на ее адрес.

Миа лежала в прострации между сном и явью, не в силах найти себе место. Тело было измождено, но голова продолжала работать на полной скорости. На этот раз она отказалась от магического снотворного Чарли, не стала рисковать и исчезать полностью. Карри мог позвонить в любую минуту, она должна бодрствовать, быть здесь, все выяснить. Мунк звонил ей неоднократно, пока она ехала в Тейена, но она не отвечала. Они не могут так с ней обращаться. Пусть катятся к чертям, всей компанией. Она мельком взглянула на сообщение от него. «Новая жертва, Пол Мэллей. Еще один фотоаппарат, номер двадцать девять». Эти слова последовали за ней на мягкую подушку, смешавшись с потребностью тела в отдыхе.

Числа. Четыре, семь, тринадцать, двадцать девять. Список жертв? Разве это не слишком просто? Зачем тогда делать это с фотоаппаратом, процарапывать цифры на объективе? Новое на каждом месте преступления? Есть же сотни других способов. Обозначить число? Написать на стене. На теле. Разве это не было бы в каком-то смысле *правильнее*? Зачем нужен этот фотоаппарат? Она упустила что-то важное, да? Цифры... на фотоаппарате. Ок. Нет-нет-нет, *сфокусируйся*. Цифры *внутри* камеры. Большая разница. На *объективе*. Не где-то еще. Забудь про камеру. *Фотография*. Держись за эту мысль, Миа, не исчезай. Это важно. Если нажать на кнопку, цифра станет... частью картинки?

Видимо, она все-таки уснула, потому что вдруг перед ней оказалась Сигрид на улицах Осло. Всего лишь тенью, без лица, но это была она, браслет громко звенел на тоненьком запястье. Сестра медленно махала ей, стоя на темном мокром асфальте. *Пойдем, Миа, пойдем*. Парень в желтой шапке вдруг склонился над женщиной в красном пуховике, но они тут же исчезли в тумане. Миа потеряла Сигрид на мгновение. Сердце выпрыгивало из груди, а голос не хотел выходить наружу. Вдруг тень мамы, потом папы. У могилы на кладбище. Плачущие, скорбящие, только тени, и вдруг Сигрид снова оказалась перед Мией, и до нее дошло, где она. Подвал. Матрас на полу. Та грязная дыра, где нашли Сигрид. Сестра осторожно легла и затянула резиновый жгут на худой руке. Миа отчаянно рвалась подбежать к ней. Закрыть ее руками, защитить, но тело не слушалось. Ноги прилипли к полу. Она не могла сдвинуться с места. Сестра подняла иглу с пола и посмотрела на Мию. Миа хотела закричать, завывать, завопить, но голос пропал. Кто-то у нее за спиной, в комнате теперь много народу. Мию

кто-то схватил, крепко держал, рукой ей закрыли глаза. Ее охватила паника, когда сестра воткнула иглу под кожу и печально улыбнулась в тумане.

Смерть не страшна, Миа.

Ты идешь?

Миа резко села в кровати, хватая ртом воздух. С лица лился пот. Она на ощупь поднялась с постели и босиком, шатаясь, пошла на кухню. Сон еще глубоко сидел в теле. *Черт.* Будто в бреду, она открыла шкафчик, налила стакан воды и залпом осушила его. Налила еще один и, дрожа, стояла у раковины, пока реальность постепенно возвращалась к ней. Она медленно опустилась на стул и наконец открыла глаза.

Кухня Чарли Бруна. Ладно. Хорошо. Надежное место. Она слишком устала. Не стоило позволять телу уснуть. *Цифры.* Фотоаппарат. *Направленный на жертву.* Нацарапаны на объективе. Посмотри же, Миа, черт побери, ну посмотри. Посмотри в камеру. Что ты видишь, Миа?

Теперь ты понимаешь?

Она бросила взгляд на семейные фотографии, висевшие на стене над кухонным столом. Бедный Чарли. Воспоминания о непростой жизни.

Но какого черта?..

Она чуть не уронила стакан на пол.

Не может быть?..

Твою мать...

Четыре. Балерина.

Семь. Джазист.

Тринадцать. Подросток в плавках.

Двадцать девять...

Нет, святые угодники, нет...

Миа вскочила так резко, что ударилась коленом о твердый стол, но, даже не заметив пронизывающей боли, она вбежала обратно в спальню и лихорадочно оделась. Она забыла, куда положила ключи Чарли, да и черт бы с ними. Сбегая по лестнице, она накинула куртку, оставив за собой открытую дверь.

На улице.

Люди.

Такси?..

Вот оно.

Она бросилась на заднее сиденье, так и не успев застегнуть один сапог.

– Софиеспласс, 3.

– Это же Бишлетт, да?

– Езжайте. Это... важно.

– Спешите?

– Езжайте... ладно? Быстрее.

– Ок, – сказал водитель.

И наконец отъехал от края тротуара.

Карри бросил взгляд наверх, на квартиру, когда по лобовому стеклу забарабанил дождь. Дрянная погода. Зима была суровой и темной, а теперь еще и весна никак не наступит нормально. В кармане куртки он нашел новый пакетик жевательного табака, положил его под губу и еще раз посмотрел в окно. Улица Кюрре Греппа. Он уже бывал здесь раньше, да? Но сразу он этого не понял. Когда пришло сообщение от Джимбо. «Встречаетесь с Кевином на улице Кюрре Греппа, 15. Третий этаж, квартира С, в шесть часов. Возьми филки». Карри забежал в офис на Марибуэсгате, ожидая многочисленных вопросов от Мунка, в том числе зачем ему машина, но, к счастью, офис был почти пуст. Только Ильва с Габриэлем склонились над компьютером в маленькой комнате для брифинга. Он снял со стены одну из связок ключей, а они даже не заметили, что он заходил. Ну и отлично. Объяснять все сейчас было бы для него чересчур. Он вновь бросил взгляд на квартиру на третьем этаже. Именно здесь он сидел недавно, в машине с Аланом Далом, когда пришло радостное известие, что отдел восстановили. Лотте? Вроде бы так ее звали, ту наркошу? Он еще тогда не понимал, зачем тратить на нее время. Карри вытащил телефон из кармана и попытался снова набрать Мию, но она так и не отвечала. Часы на приборной панели угрожающе быстро приближались к шести. Просто подняться туда одному?

Нет, надо ее дожидаться. Так ведь? Он же, черт возьми, даже не знает, о чем спрашивать этого Кевина. Ну да, о том браслете, можно начать с этого. Он опять набрал номер, но на другом конце по-прежнему никого. Блин. Хм. Что же делать, как быть? Дождь еще сильнее застучал по лобовому стеклу, дворники с трудом смахивали струи, время перевалило за шесть. Кратковременное окно, да? Встретиться с этим парнем ровно в шесть? Если Карри не придет, тот просто наплюет на все и поплывет дальше на каком-нибудь облаке. Карри попробовал еще раз, но по-прежнему не дозвонился. Одно и то же сообщение на автоответчике: «Вы позвонили по номеру...»

Он убрал телефон в карман и решился. Быстро открыл дверь, натянул куртку на голову и перебежал улицу, пока дождь тяжелыми каплями падал на асфальт вокруг.

Чертova погода.

Стряхнув с себя воду, Карри посмотрел на ряды звонков.

Третий этаж.

Позвонить ей еще раз?

Нет, пусть потом поблагодарит его.

Он слегка улыбнулся и приложил палец к кнопке «ЗС».

Миа отдала таксисту все деньги, что у нее были, ей было плевать на его изумленный взгляд, с которым он остался сидеть в машине. Трясущимися руками она отперла дверь подъезда и взбежала вверх по лестнице. К счастью, в коридоре никого, хотя сейчас это не имело никакого значения, и снова ключ в замок. Она толкнула дверь, вбежала в спальню и, тяжело дыша, остановилась у одной из коробок.

Разрезав ключом скотч, она достала из коробки альбом и тяжело опустилась на пол.

Альбом Мии.

Ее затрясло, когда она осторожно открыла его и начала считать.

Страница один.

Страница два.

Страница три.

И она уже знала, что сейчас увидит.

Вот.

На странице четыре.

Сигрид в своем балетном костюме. Ей тут лет пять. И тут же робкая Миа щурится в камеру.

Между сестрами, в центре.

Педагог по балету.

Молоденькая девушка, чуть за двадцать. Полностью в балетной одежде, в пуантах, с жемчужными сережками в ушах. Она обнимала их обеих, с улыбкой глядя на фотографа.

Но какого хрена...

Пальцы не перестают дрожать, но Мии удастся перелистнуть дальше.

Страница семь.

Папа. Она сидит у него на коленях. На уличном концерте. Папа улыбается в камеру, подняв вверх большой палец. На фоне – сцена, джазовый саксофонист. Внизу кучерявым маминым почерком написано: «Папина любимая песня, My Funny Valentine».

Этого не может быть...

Она заставила себя продолжить.

Страница тринадцать.

Скала в Осгордстранде. Лето. Она в купальнике щурится на солнце, ей, наверное, четырнадцать. С ними молодой соседский парнишка. В

плавках. На худеньком теле капельки воды. На дальнем плане завернутая в полотенце Сигрид машет рукой.

«Наконец-то вышло солнце. Молодежь веселится».

Миа механически пролистывала дальше.

Страница двадцать девять.

В церкви. Близнецы в одинаковых платьях. Сигрид широко улыбается. А у Мии рот закрыт, не хотела показывать перед фотографом брекеты. Посередине – священник.

«Гордые после конфирмации!»

Четыре.

Семь.

Тринадцать.

Двадцать девять.

На штативе фотоаппарат. На объективе процарапано число. *Смотри, Миа. Смотри в камеру.*

Что за чертовщина?

Тошнота подступила к горлу. Шатаясь, Миа дошла до ванной, нагнулась к унитазу, но желудок был пуст. Она опустила руки в раковину и плеснула холодной водой в лицо.

Она.

Нет никакого списка жертв.

Альбом Мии.

Все дело в ней.

Она провела рукой по лицу и побежала обратно в спальню, села, поджав под себя ноги, пытаясь заставить голову работать.

Дьявол.

ОК.

Фотографии. В моем собственном альбоме.

Миа осторожно перелистнула страницы назад к первой.

И тут она заметила. Кто-то переместил фото. Вынул его и приклеил заново. Края не совпадали. Пальцы все еще не слушались, но ей наконец удалось оторвать фотографию, и она перевернула ее.

Кто-то написал на обороте синей ручкой волнистыми буквами: «Поздравляю».

Она взяла себя в руки и пролиستала дальше.

Следующее фото. Страница семь.

«Какая ты молодец».

Уже машинально, дальше, ребята на скале, отрывает фотографии, на этот раз быстрее.

«Дать тебе последнюю подсказку?»

Теперь руки тряслись уже всерьез. Она с трудом открыла страницу, где священник улыбался в камеру, а они с Сигрид в одинаковых платьях.

Тот же почерк. Синей ручкой на шершавом обороте написано одно слово: «Салем».

Конечно.

Твою мать.

Миа оставила альбом открытым на полу, встала, словно в бреду, пробежала через гостиную в коридор в поисках куртки, пока не поняла, что куртка на ней.

Салем.

Юн Ивар Салем.

«Братя Львиное Сердце».

Горящий дом.

Она вытащила телефон из кармана и набрала номер Людвиг Гренли.

– Миа? Где ты? Мунк тебя...

– Пироман, – быстро сказала Миа, почувствовав, что комната вокруг качается из стороны в сторону.

– Кто?

– Юн Ивар Салем. Помнишь его?

– Да, конечно, – сказал Гренли откуда-то издалека.

– Можешь проверить, Людвиг? Где он сидит? Сейчас. В какой тюрьме?

– У тебя все нормально, Миа?

– Найди его для меня, Людвиг, сможешь? Пожалуйста!

– Конечно, подожди чуть-чуть...

Она слышала, как его пальцы стучали по клавиатуре где-то далеко.

– Уллерсму, – сказал Гренли.

– Точно?

– Да-да. Что такое, Миа?

Она не стала утруждать себя ответом, отключилась и выбежала в коридор.

Ключи от «Ягуара».

Черт.

Вот они.

Она схватила ключи с крючка у двери, не придавала значения, что оставила дверь открытой, и побежала со всех ног вниз по лестнице.

Карри только успел нажать на кнопку звонка в квартиру на третьем этаже, как ему вдруг пришло в голову: что-то не сходится. Медленно, издали, до него дошло. На другой стороне улицы стояла машина. Он уже раньше ее где-то видел, правда? А та же квартира, не слишком ли много случайных совпадений? Он с Аланом Далом? На каком-то, прямо скажем, не слишком обязательном наблюдении? И где он видел эту машину?

Дверь открылась, и в проеме показалось опасливое лицо с бегающими глазами.

– Да?

– Кевин?

– Да?

– Я Юн Ларсен. Мы договорились о встрече. Через Джимбо.

– М-м-м, ага, ладно, – сказал парень едва старше двадцати.

Парень снял цепочку с двери и впустил Карри.

Странные брови. Как будто их нет.

Да, это тот парень. Не хватало только желтой шапки, в остальном он точно, как описывала Миа.

– Принес филки? – пробормотал нарик, обхватив рукой свое тощее тело.

– Ага.

Карри бегло оглядел квартиру – его ожидания подтвердились. Обычные люди не назвали бы это домом. Мусор, от коридора и до матрасов на полу. Зеленая лампа из семидесятых у окна, на котором прибита грязная простыня.

– Две тысячи, мы так договаривались? – спросил Карри, засовывая руку в карман.

– Ну да, точняк, – сказал Кевин, украдкой бросив взгляд через плечо.

Машина на улице.

Черт подери, какой же он тормоз.

Эту же машину он видел в окно бара у Луны. Когда упал мордой об пол. Он тогда еще испугался, что кто-то из своих увидит его.

Карри протянул деньги в худые, синюшные, выставленные вперед руки. Тело само это сделало до того, как голова подсказала, что не стоило.

Алан Дал.

Все еще медленно, но до Карри начало доходить.

Полицейский? Изнутри?

Человек за рулем. Карри же знал, что уже видел это лицо раньше.

Адвокат. Лорентцен.

Черт. Ну конечно.

Карри все понял по глазам нарика, когда тот неторопливо взял деньги и перевел нервный взгляд на того, кто внезапно появился за его спиной.

Мать твою...

Карри закрыл голову руками, в попытке защититься от того, что должно было неотвратимо произойти, но было слишком поздно.

Человек из тени.

Металл на виске.

Карри отключился еще до того, как его тело упало на пол.

Ледяной ливень дочиста вымыл парковку, но Миа даже не заметила, что он закончился, ошалело входя в большие ворота тюрьмы Уллерсму. Юн Ивар Салем. Он выглядел таким же удивленным, как и она. Его привели из карцера, его посадили туда из-за какого-то нападения на других заключенных, она не вдавалась в подробности. *Черт*. О чем она вообще думала? Разве не так было всю дорогу? Повсюду ложные следы. Реймонд Греггер. Клаус Хеминг. В маленькой комнате она, находясь на эмоциях, сразу набросилась на Салема. Непрофессионально, но адреналин зашкаливал: «Ты кому-то заплатил за убийства? Потому что я тебя посадила? Поэтому, да? Мои фотографии? Мой альбом? Кто был у меня в квартире?» Салем смотрел на нее удивленными глазами. Словно она пациент, а он здоров.

Вот же мать твою.

Самый известный пироман в Норвегии. Юн Ивар Салем. Этот ужасный человек бесчинствовал на востоке страны целых пятнадцать лет, сжигая дом за домом. И все выглядело совершенно неумышленно. Он поджигал их ночью. Не канистрой бензина и зажигалкой, нет-нет, он делал это цинично, продуманно. Он сантехник и знаком с электрикой. В суде выяснилось, что во все эти дома он приходил по какому-нибудь делу. Прорыв трубы. Сломавшийся туалет. Водонагреватель. И ведь он был само терпение. Ждал, пока не будет уверен в том, что он не окажется в списке подозреваемых, если кто-то что-то обнаружит. И вот тогда – взлом ночью. Неправильное соединение проводов, зачастую при помощи старой одежды или тряпья, которые он находил в подвалах домов. А потом он садился в свою машину и наблюдал за пламенем. Двадцать четыре частных дома. Двадцать четыре семьи. Тринадцать погибших. И никто не увидел связи, пока однажды на это дело не назначили молодую неопытную Мию Крюгер.

Она еще тогда в зале суда что-то увидела в его лице. Скорее любопытство, чем ненависть, он постоянно оборачивался на нее. Что это за человек, который сумел поймать его спустя пятнадцать лет?

Юн Ивар Салем.

Пожар.

Конечно.

И все-таки?..

Это же не укладывается...

Юн Ивар Салем понятия не имел о происходящем.

– Мне прислали кольцо, – пробормотал он наконец. – Обещали вознаграждение.

И масляная улыбка на лице, когда служитель сходил к нему в камеру и принес кольцо.

– Кто прислал?

– Слушайте, не знаю я. Знаю только, что должен что-то получить за это. Оно у вас? То, что я должен получить?

Золотое кольцо.

Она просто засунула его в карман, несмотря на его протесты, но служитель позаботился об этом. Надел Салему наручники и отвел обратно в карцер.

Золотое кольцо?

Вечернее солнце выбралось из-за облака и отразилось в воде на парковке. Миа достала из кармана пастилку, пытаясь освежить голову.

Ладно. Вдох, Миа, выдох.

Фотографии. В альбоме. В альбоме Миа. В нем все убийства. Реконструкции.

Поздравляю!

Какая ты молодец.

Салем.

Миа стояла, погруженная в свои мысли, и даже не заметила, как кто-то подошел к ней сзади. Боковым зрением она увидела – охранник, конечно. Тюрьма Уллерсму. Самые опасные преступники страны, строгие меры безопасности как внутри, так и снаружи.

– Извините? – сказал голос, подойдя ближе.

Зазвенела связка ключей. Большой карманный фонарь, пока выключенный, до темноты еще несколько часов.

– Извините, я из полиции, – пробормотала Миа, нашла свое удостоверение во внутреннем кармане и показала ему.

Салем?

Юн Ивар Салем.

Что еще это могло означать?

Охранник взял ее карточку, изучил и вернул.

– Какая ты молодец.

– Что за?..

Она повернулась, все еще в своих мыслях, и вдруг ее встретил дождь, прямо в лицо.

– Какая ты молодец, Миа.

Какого черта?..

Она открыла глаза и посмотрела в молодое лицо с широкой улыбкой на губах. К ней была протянута рука в униформе, и в ней все же не фонарь, а *кувшин с водой*.

Ноги хотели бежать, пальцы сжались в ладонях, когда Миа вдруг поняла, чем была вода, но было слишком поздно.

– Возьмем твою машину. Такая красивая.

Ключ в зажигание, и ее руки где-то вдалеке, безуспешная попытка контролировать собственные движения, и последнее, что она успела понять, – что дождь вновь вернулся.

Робкие прозрачные капли стекали по лобовому стеклу, когда машина медленно съехала с парковки.

Как только Мунк припарковался в подземном гараже на Марибуэсгате и вышел из машины, у него зазвонил телефон. Он надеялся, что это Миа, он пытался связаться с ней несколько раз, но она упорно не брала трубку.

– Это Анетте, – сказала Голи. – Мы нашли его.

– Кого?

– Ивана Хоровица.

– Seriously?

– Три сообщения от разных людей об одном и том же, – сказала запыхавшаяся Голи. – Я передала их Эдвардсену. Они уже едут.

– Едут? Кто? Куда?

– У него есть домик. Не так далеко от того места, где нашли Вивиан Берг. Час езды в лес, в противоположном направлении.

– У Хоровица?

– Да, три человека позвонили и сказали одно и то же. Он осел там уже давно. Сказал, что устал от людей. Хотел жить один на природе. И с тех пор никто его не видел.

– Дьявол, – сказал Мунк и поспешил обратно к машине. – Кто туда едет?

– Военные. Они послали те силы, о которых говорили. Альфу. Эдвардсен хочет нас к себе.

– В штаб чрезвычайной готовности?

– Да.

– Зачем?

– Не спрашивай, – вздохнула Анетте. – Похвалиться? Показать, что они лучше нас? Я не знаю. Как бы то ни было, мы нашли его. Скоро все закончится. Слава богу.

Мунк услышал облегчение в уставшем голосе Голи.

– Ты едешь?

– Еду, – сказал Мунк, быстро сядя в машину.

Миа Крюгер проснулась, не понимая, где находится. Как будто она все еще во сне. Погружалась в размытые картинки и выныривала обратно. Не в силах определить, что реально. Она была в лесном домике. Различала сосновую вагонку. Маленькое окошко, которое кто-то прикрыл. Бабушка сидит на краю ее постели. Она улыбнулась и накрыла Мию пледом. Бабушка исчезла. Рука Мии крепко привязана к маленькой постели. И одна нога тоже. Пахло деревьями. Щебетали птицы. Лоб был горячим. Мама сидит на краю постели. Мама держит поднос с соком и холодным компрессом. Мама исчезла. Папа стоит во дворе. Он только что пришел домой с работы. Он чинит машину. Старый нефритово-зеленый дедушкин «Ягуар». Тот, что Миа однажды унаследует. Сигрид сидит на краю ее постели. Она держит в руках фотоальбом. Миа хотела потянуться к ней. Схватить ее крепко. Так крепко, чтобы она никогда больше не исчезла.

Смерть не страшна.

Вернулась бабушка.

Сигрид улыбнулась ей.

Ты идешь, Миа?

Миа открыла глаза, хватая ртом воздух.

Что за чертовщина?

Она попыталась встать, но ничего не вышло. Почувствовала, как изнутри поднимается паника, но не поддалась ей.

Спокойно, Миа. Спокойно.

Рука привязана к постели. И нога тоже. Рот не заклеен. Она осмотрелась, все еще в тумане, но теперь она могла отличить реальность. Вагонка. Дверь, очевидно, в другую комнату. На стене шкафчик старомодного дизайна. Домик. Завешенное окно. Люстра-плафон на потолке. Миа сделала глубокий вдох и попробовала освободить руку. Нет. Ногу тоже не получилось. Ладно.

Не паникуй, Миа.

Он взял тебя в плен, но не убил.

Это должно что-то означать, так ведь?

К горлу подкатывала нарастающая тошнота, по мере того как она постепенно вспоминала ход событий. Фотоаппарат. Фотографии. Надо было смотреть на изображения, а не на сам фотоаппарат. Фотографии на стене у Чарли Бруна дома. Цифры. Альбом Мии. Убийства связаны с ней.

Салем. Уллерсму. Кольцо.

Дальше она не помнила.

Вдруг открылась небольшая дверка, и показался улыбающийся человек, в руках он что-то держал.

Что-то горело.

Свеча?

Торт?

– С днем рождения, любимая. Конечно, я знаю, что он не сегодня. Но я подумал, что обязательно нужно его отпраздновать. Мне задуть свечи? Или хочешь задуть их сама?

Карри никогда не думал о том, как умрет. Просто даже не приходило в голову. От старости, наверное. Где-то в далеком будущем, на какой-нибудь веранде с видом на море. Уж точно не так. Не в грязной квартирке, плененный и привязанный к стулу, с капюшоном на голове.

Он снова дернулся и понял, что все еще был крепко привязан к жесткому стулу. Веревка с силой врезалась в кожу вокруг запястья. Ему хотелось завывать, но он сжал губы. Голова болела. На шее запеклась кровь. Они отшибли ему мозги. Голова больше не работала.

Джимбо?

Нет, это не Джимбо, мать его.

Джимбо устроил им встречу с торчком Кевином. Который был в отношениях с этой Лотте, курьершей Аллана Дала. Вот как все связано. Вот почему Карри и Дал там сидели тем утром. Дал находился там, чтобы присмотреть за своей девочкой. За героином. За деньгами.

Привязан к стулу.

С капюшоном на башке.

Преданный дьяволом, который должен был быть на его стороне.

Вот дерьмо.

Нет, такого конца он точно не мог себе представить.

Сейчас ничего не было слышно. Некоторое время назад там была бурная активность. Громкие голоса на ломаном английском. Промелькнула пара слов по-норвежски. Карри услышал, кто их произнес.

Сволочь Дал.

– What to do with him?

Что будем с ним делать?

И Дал что-то ответил.

Kill him?

Убьем?

Или он сказал «*we leave*»?

Уходим?

Карри не расслышал.

Он еще раз потянул веревки, но не добился ничего, кроме нового приступа боли в запястьях. Карри выпрямился на стуле и почувствовал, как сердце колотится под пропотевшей окровавленной рубашкой.

Вот черт.

Шаги.

Кто-то идет.

Ручка двери повернулась.

Ох, черт.

В лицо Карри ударила резкая вспышка света, он даже увидел кое-что сквозь капюшон. Большой темный силуэт. Услышал звук оружия. Звук снятия бойка с предохранителя.

Вот черт.

Он инстинктивно пригнул голову.

Ладно.

Значит, так тому и быть.

Карри закрыл глаза, заметил, что дрожит, и сухими губами тихо прошептал последние слова.

Простите меня все.

Спасибо.

Прощайте.

Мунк сидел на краю овального стола и практически чувствовал кожей наэлектризованную атмосферу в зале. Генерал пытался скрыть улыбку, но Мунк все же увидел ее на его губах. Голи была права. Их сюда пригласили только в качестве зрителей. Он же заметил это еще в тот раз. Снисходительность во взглядах. Полиция. Гражданские. Теперь-то они узнают, кто на самом деле управляет этой страной. Кто действительно берет на себя ответственность, когда на кону национальная безопасность.

– Каждая картинка напрямую показывает вид из камеры в шлеме солдата.

Эдвардсен был похож на маленького ребенка с пультом в руке.

– Мы будем перемещать картинки на главный экран так, как нам удобно.

Маленький мальчик играет в видеоигру. Вероятно, стоимостью не один миллиард крон. Мунка начало подташнивать, но все-таки есть главное. Иван Хоровиц. Серийный убийца. В лесном домике, и скоро все закончится.

Полиция могла отправить Дельту. Отряд-летучку. Но Эдвардсен, естественно, выбрал своих. Надо же показать политикам, что налоги идут на нужное дело. Может быть, даже удастся добавить пару миллионов в бюджет следующего года. Да к черту их. Пора заканчивать. Самое главное – чтобы взяли этого чокнутого, и покончить с этим раз и навсегда. Мунк долгое время был скептически настроен, но убийство священника его переубедило. Пол Мэллей. Номер двадцать девять в списке.

Шуршащий звук на экране.

– Первый, третий, вижу цель, прием.

– Третий, первый, ожидайте, прием.

Камеры углублялись в лес, как в игре. Первый солдат. Легкий туман между деревьев. Солдат два. Домик мельком, похож на хижину вдалеке. Ствол автомата. Третий солдат. Бежит через вереск, присел за пнем, домик уже ближе.

– Первый, четвертый, готовы к штурму, прием.

– Четвертый, первый, ждите команды, прием.

Электронная война. Прямо из глубин леса. Мунк не отрываясь смотрел на экран, когда солдаты приблизились к посеревшей от времени двери.

– Это первый, тишина, ждите команды.

В комнате наступила абсолютная тишина. Еще стволы винтовок над вереском. Палец, поднятый вверх перед одной из камер у двери.

Жестикуляция. Солдат в маске поменялся местами с другим. Теперь уже двое у двери, остальные прикрывают окна. Хижина глубоко в лесу. Иван Хоровиц.

Скоро все закончится.

Наконец-то.

– Пошел!

И тут изображение на экране вдруг взорвалось. Дымовые гранаты. От двери полетели щепки. Стекла разбились. Первый солдат вбежал в хижину, камера отчаянно искала вокруг. Другой через окно. Дым. Хаос. Уже не было видно происходящего. Вдруг тишина в рации прервалась, и дым опустился.

– Он здесь.

– Твою мать.

Перчатка, указывающая на безжизненное тело, свисающее с потолка.

– Первый, третий, мы взяли его. Но он давно здесь.

– Третий, первый, идентифицируйте.

Та же перчатка на горле почти сгнившего трупа. Показался военный жетон.

– Первый, третий, это он. Хоровиц. Но как вы видите. Ни черта он не мог сделать. Он давно мертв.

Одна из камер переместилась на пол, когда солдата скрутило от стоявшего в хижине запаха.

– Это Орел, – серьезно произнес Эдвардсен.

– Орел, слушаю.

– Вы уверены?

– Орел, повтори.

– Вы уверены, что это Хоровиц? – сказал Эдвардсен, явно нервничая.

– Второй, первый, перепроверьте личность.

Новый солдат, прикрыв нос рукой, подошел к трупу и посмотрел на жетон на шее.

– Хоровиц, – доложил солдат.

– Орел, первый, мы нашли его. Но это не тот, кого вы ищете.

– Вашу мать, – сказал Эдвардсен с красным лицом и повернулся к собравшимся.

– Верните нам телефоны, – прорычал Мунк раздраженно, встал и вышел из комнаты.

– Я думал, ты уже никогда не проснешься, – сказала улыбающееся лицо. – Я так долго ждал, и вот этот день наконец настал, разве ты не рада?

Миа просто не верила своим глазам.

Александр?

Сосед?

Какого черта?..

Светловолосый парень привстал с края постели и взял что-то с прикроватного столика.

– Смотри сюда.

Его рука за ее головой. Он прислонил стакан к ее губам, содержимое устремилось вниз по горлу и частично по ее свитеру, но то, что попало внутрь, имело божественный вкус.

– Зачем... – закашлялась Миа, но ее голос был слишком слаб.

– Ты наверняка сгораешь от любопытства, а я так долго ждал, чтобы все тебе рассказать, – сказал парень с большими улыбающимися глазами. – Начнем, да? У нас не так много времени до нашего путешествия.

Александр мягко провел рукой по ее щеке. Миа машинально дернулась и почувствовала боль в запястье, где врезался в кожу узел веревки.

– Или хочешь сама угадать? Ты же почти справились, но, наверное, не поняла зачем?

– Ты убил всех этих людей из-за... меня?

Ее голос звучал, словно с другой планеты.

– А фотографии в альбоме? Изящно, не правда ли?

Александр слегка улыбнулся и поднес стакан воды к ее губам.

Миа изучила комнату взглядом.

Дверь. Открыта. Ведет в гостиную. Оттуда звуки. Потрескивание.

Рация. Нет, полицейская рация. Нет, несколько.

Никого на каналах.

Черт.

Они далеко от людей.

Очень далеко.

– Следить за тобой было так забавно, – улыбнулся парень. – Необычайно интересно. Твой телефон я прослушиваю уже давно. А ты знаешь, какая ты милая, когда спишь?

Он воодушевленно встал, исчез в глубине хижины и вернулся с

пастилками Миа. Запихнул одну ей между губ.

– Вот, соль, это поможет, бедняжка, дружок, тебе не стало лучше?

Он провел пальцем по ее щеке и на мгновение задержал его на ее губах.

– Это судьба, не правда ли? Сколько лет мы знакомы, Миа? И вдруг, ни с того ни с сего... Квартира напротив твоей по коридору... продается? И догадайся, кто ее купил. Подумать только, Миа, мы соседи. Представляешь, как я обрадовался? Но потом...

Он слегка покачал головой.

– Ты даже не поздоровалась. После всех этих лет... Я разочарован, Миа. Очень эгоистично с твоей стороны. Если бы нам не было суждено быть вместе навек, я бы сказал, что... да...

Парень улыбнулся и приложил к ее лбу мокрый компресс.

– Ты был у меня дома? – кашлянула Миа.

Она снова обвела взглядом комнату, но видела только тени. Ее глаза плавно закрывались, но Александр растолкал ее.

– Нет-нет, милая, не спать. Не забудь, у нас не так много времени.

Он слегка взял ее за челюсть и потряс.

– Великий следователь Миа Крюгер, – вдруг вскрикнул парень, встав. – Но видит ли она великую любовь перед собой? Нет! Как же бедному, презренному поклоннику завоевать ее расположение? Чем же занят этот великий детектив? Ах да, конечно!

Он поднял палец и широко улыбнулся. Мии показалось, что она стала свидетелем циркового представления в дурдоме.

Глаза.

Улыбка.

Он был не здесь.

Этот парень явно был в другом месте.

– Ты же видишь меня сейчас, Миа?

Сосед улыбнулся, демонстративно выставив руки вперед.

– Теперь я больше не невидимка, правда? Что? Да? Видишь меня, ведь видишь?

Вдруг он расхохотался.

– Гениально? Не правда ли? Ну, признай же это. Я все прочел. Все увидел. Я знаю все о тебе, Миа. Фотографии. Твой дневник. Иногда я делал это, пока ты спала. Разве не удивительно, как полезно бывает проникнуть в такое?

Он опять улыбнулся и вернулся к постели. Вновь приложил руку к ее щеке.

– Насколько хорошо можно узнать человека? Даже ни разу не поговорив с ним?

– Почему... – пробормотала Миа, и тьма снова застлала ей глаза.

– Ты спасла мне жизнь, – вдруг посерьезнел парень. – Или нет, не так, но все-таки. Ты поймала его, да? Салема? Пиромана?

Миа покачала головой. Или покивала. Она уже ни в чем не была уверена. И не чувствовала ни рук, ни ног.

– Дым в доме, – сказал парень, снова поднимаясь.

Очередной цирковой номер, на этот раз чуть более серьезный.

– В моей комнате. Последнее, что я помню. Когда я очнулся, они были мертвы. Папа. Кюрре, мой брат. Оба. Их сожрало пламя. Наш дом во Фредрикстаде сгорел, и, словно бы мне мало досталось, она думала, что это я. Я, Миа? Она думала, что это моя вина!

Пожар.

Братя Львиное сердце.

Погибший старший брат.

– Я играл со спичками, Миа, это правда. И что?

Юноша немного склонил голову набок, на губах заиграла улыбка, но глаза были совсем не здесь, хотя он и смотрел на Мию.

– Прошлым летом она поймала меня с поличным в саду. Но ведь это были всего лишь хомячок и кошка. А она подумала, что это я, что я поджег дом.

Миа хотела что-то сказать, но была не в силах.

– После этого, – продолжил Александр, словно он давно ждал, когда произнесет отрепетированную речь, – она не хотела иметь со мной дела. Будто у меня метка на лбу. Словно я дьявольское отродье. Не желала видеть меня. Запирала в подвале. Выпускала только в школу, но не более. Телевизор и старый видеомэгафон. С одним фильмом. Снова и снова. Бэмби на льду. Только я. И этот фильм. Как думаешь, что после такого произойдет с ребенком, а, Миа?

Его взгляд посуровел, губы сжались, но глаза уже смотрели не на Миа, а куда-то вдаль.

– И тут однажды, Миа. «Хочешь поехать на дачу, Александр?» Ты можешь представить, как я обрадовался? Куда-то поехать? С мамой? Помню, как было здорово сидеть в машине с включенным радио. Огонь в камине. Чувствовать запах еды с кухни. Посреди зимы. А затем мама сняла что-то со стены и крепко привязала к моей голове. Рога оленя. Из окна показала на озеро. На зеркально-блестящий лед. «Там, на льду, Бэмби». Она так сказала, Миа. «Там, на льду, Бэмби, Александр, и, если ты пойдешь

туда с этими рогами на голове, он придет к тебе...»

Миа медленно притянула к себе ногу и почувствовала, что есть от чего оттолкнуться. Если бы только высвободить руку...

– Ты слушаешь, Миа? – сказал печальный взгляд.

– Слушаю, – покашляла Миа, пытаюсь улыбнуться. – Ты пошел по льду, чтобы посмотреть...

– На Бэмби. Мне было десять, и я хотел увидеть Бэмби, понимаешь? Я же любил Бэмби! И я сидел на льду. Много часов. Пока совсем не посинел. Но Бэмби так и не пришел. И тогда я наконец сдался и по снегу добрался до домика, но там уже никого не было.

– Что?!

– Мама. Уехала.

На мгновение парень замолчал.

– Но потом пришла ты. Миа Крюгер. Появилась как из ниоткуда. Это пироман, мама. А не я. Пироман. О, Миа, видела бы ты ее глаза, когда она лежала на больничной койке и я принес ей газету. Помнишь их? Те первые полосы.

Смутное воспоминание.

«ВГ» и «Дагбладет». Выпуски сразу после того, как она поймала Салема.

– Она поняла это, Миа. Она смотрела на меня любящими глазами, Миа, понимаешь? После всех тех лет? Прямо перед своей смертью. Ее глаза. Она погладила меня по руке, Миа. И *поняла*, понимаешь?

Александр улыбнулся и погладил себя по щеке.

– Мама...

Миа опять стала аккуратно притягивать к себе ногу, но не успела ничего предпринять, как он вернулся в реальность.

– Тогда все и свершилось, конечно. Миа Крюгер. Судьба. Моя вечная любовь. Мы вдвоем навсегда. Это же не случайно, да, Миа? Что именно ты спасла меня?

– Поздравляю, – попыталась сказать Миа, наконец выдавив подобие улыбки.

– А теперь мы уедем вместе, – кивнул молодой человек, к счастью, казавшийся успокоившимся. – Но сначала...

Он выбежал из комнаты и вернулся, сияя, неся что-то.

Платье... Свадебное платье?

– Как ты думаешь, подойдет? Ты и я, любимая. Перед тем, как мы уедем?

Он показал ей платье, смущенно улыбувшись.

- Куда мы... поедем? – улыбнулась Миа.
- Ты о чем? – слегка удивился парень.
- Ты сказал «путешествие»? Куда мы... поедем?

Он странно взглянул на нее.

– Конечно же, к Кюрре! И к Сигрид. Разве не этого ты хочешь? Оставить все это? Мы вместе – в Нангиялу^[18]?

И тут в голове у Мии просветлело, и до нее дошло, о чем он. Дневники в коробках. Заметки, сделанные ею после нескончаемых визитов к психологу.

Мысли о самоубийстве.

Сестра-близняшка, как в замедленной съемке, бежит по золотистому полю.

Пойдем, Миа, пойдем.

– О, чуть не забыл, – просиял Александр, всплеснув руками.

Он резво вбежал в гостиную и вернулся в комнату, спрятав руки за спину.

– Смотри, – он расплылся в улыбке и показал ей блестящее украшение. Миа увидела букву, но голова отказывалась понимать.

М.

М – Миа.

Это что... браслет Сигрид?

Что за?..

– Это тебе, милая, – улыбнулся Александр и осторожно положил браслет рядом с ней на край постели.

– Здесь чисто.

Карри вдруг пришел в себя, когда кто-то снял с него капюшон. Свет стал ярче и обжигал глаза.

Послышался топот сапог по полу.

– Здесь чисто, они ушли.

Кто-то приподнял лицо Карри за подбородок.

– Меня зовут Юн Волд. Вы Ларсен? Карри?

Карри едва смог открыть рот.

– Дал? Адвокат? Лорентцен? Они были здесь?

Карри медленно кивнул.

– Давно они ушли?

Где-то вдалеке работает полицейская рация.

– Я... – начал Карри, но голос подвел его.

– Их нет, – сказал Волд, обращаясь к кому-то, кого Карри не мог видеть. – Организуйте погоню. Они не могли уйти далеко.

Бог мой.

Карри все еще трясло. Он никак не мог унять дрожь в теле.

– Развяжите его, – раздался другой голос.

Кто-то развязал ему ноги. Потом руки. Карри почувствовал, что кровь прилила к пальцам.

– Здесь никого?

– Никого, только этот парень.

Еще одни сапоги по твердому полу.

– Черт. Ок.

Потрескивание рации вдалеке.

– Распространи сообщение по всем постам. Перекрой все дороги.

Опять этот Волд, где-то из тумана.

– Все нормально? Стоять можете?

Чьи-то руки помогли Карри встать, но он не смог удержаться на ногах.

С этого момента Карри ничего не помнил.

Миа снова проснулась, на этот раз она сидела перед зеркалом. Опять она отключилась, и он переместил ее с кровати. Он чем-то продолжает накачивать ее? Она на стуле. В гостиной. В наручниках. Ноги свободны.

– Оно тебе так идет, милая.

В зеркальном отражении появилась улыбка, и Миа почувствовала что-то в своих волосах.

Расческа.

Он причесывал ее.

Она увидела свое лицо.

Он покрасил ее.

Что-то на пальце.

Золотое кольцо.

И что-то странное на теле.

Свадебное платье.

Он одел ее.

Нарядил.

Черт.

Мии инстинктивно захотелось встать, сорвать с себя все это, но не смогла сдвинуться с места. Его лицо все четче вырисовывалось в зеркале, вместе с постепенно возвращавшимся сознанием.

– Как тебе больше нравится, милая?

Она ощутила его мерзкие пальцы в волосах.

– Убрать наверх?

В отражении парень улыбнулся и прижался своим лицом к ее.

– Или оставить распущенными? Мне кажется, тебе больше идут распущенные, но, может быть, ради такого дня убрать их наверх? Как думаешь?

Надо выиграть время.

Она смогла собраться с мыслями.

– Наверное, убрать, – пробормотала Миа, изобразив подобие улыбки.

– Да, давай так, – заулыбался парень и сделал шаг назад.

Надо его заговорить.

– Как... – начал ее пересохший рот.

– Что, дорогая?

Он притронулся пальцем к ее щеке.

– Браслет? Откуда он у тебя?

– О, совершенно случайно. Он предназначался тебе. Подруга твоей сестры, Сиссе, повесила его на дверь нашего дома, но ты его не заметила. А я нашел. Она часто крутилась около нашего дома. На стадионе. Шпионила за тобой.

Он издал смешок и снова провел расческой по ее волосам.

– Кстати, ты была права.

Вдруг прямо у ее уха раздался его голос.

– Маркус Скуг. Тот, которого ты пристрелила. Это он ее убил. Сигрид. Я пригласил эту Сиссе к себе домой. Ну, ты знаешь, какие они, эти наркоманы. Дал ей денег, чтобы она немного повеселилась. И она рассказала мне все, что случилось.

– Почему?..

Миа ощутила, что сознание опять уходит.

– О, мне кажется, все было очень тривиально, – сказал Александр, проведя расческой по ее волосам. – Сигрид была курьером, ввозила героин, а после того как прошла реабилитацию, больше не хотела этого делать.

Миа больше была не в состоянии отвечать.

– О да, вернулась в город здоровой, готовой к новой жизни. Намекнула даже, что если они не оставят ее в покое, она все расскажет. А Маркус Скуг и этот второй, адвокат, не могли с этим смириться.

Мию окутала тьма.

– Эта наркоманка Сиссе была там. Обдолбанная валялась на одном из диванов, но все же смогла понять, что произошло. Укол в руку, и Сигрид не стало. Они отнесли ее в подвал неподалеку, мертвую наркоманку, разве кто-то что-нибудь заподозрил бы, не правда ли?

Александр улыбнулся и приник своей щекой к ее.

– Уверена, что хочешь убрать волосы? Может, пусть будут распущенные? Как можно естественнее?

Миа почувствовала, что вот-вот потеряет сознание.

Нет.

Нет.

Она взяла себя в руки.

– А как же, – проговорила она, – Иван... Хоровиц?

Миа из последних сил подняла голову и посмотрела в зеркало в глаза Александра.

– О, классно я придумал, да?

Он улыбнулся и отложил расческу.

– Мы вместе лежали в Блакстаде. Шесть месяцев. Очень многое

узнали друг о друге. Он был на войне. И был полной развалиной. Ну а я – я был собой.

Он посмеялся.

– Не мог же я позволить всем путаться под ногами, да? Только ты и я, в этом весь смысл. Гениальный план, не правда ли? Пустить всех по ложному следу, список жертв, пятьдесят случайных человек.

Парень расхохотался, чуть наклонил голову набок и взял расческу.

– Нет, уберем волосы наверх, правильно? У нас же великий день.

Те силы, что Мии удалось выжать из себя, закончились. Она едва удерживала голову.

Сигрид?

Твою мать...

Она больше не может.

Путешествие.

Почему бы и нет?

Мир полон зла.

Сестра в поле.

Эта картина, видимо, никогда ее не покинет.

Пойдем, Миа, пойдем.

Смерть.

В Нангиялу.

– Или хочешь с распущенными?

К черту все это.

С нее хватит.

– Делай как хочешь.

И медленно закрыла глаза.

Едва Мунк и Анетте успели выйти на улицу, как их телефоны одновременно зазвонили. Они ответили каждый на свой.

– Ты где был, Холгер?

Габриэль Мерк.

– Слушай, Габриэль, я тут немного занят, – сказал Мунк. – У нас тут форс-мажор, я тебе перезвоню.

– Ты что, не слышал? – выдохнул Габриэль.

– Что?

– Это не он.

– Кто?

– Хоровиц. Это не он. Мы нашли его. Это ее сосед. Его зовут Александр Серли.

– Но какого черта?..

– Мы проверили файлы, – возбужденно продолжил юный хакер. – Мы с Ильвой. И кое-что нашли. Он был пациентом. У Риттера. Психиатра. Одержим Мией. Потерял брата при пожаре. Видимо, в клинике он и встретил свою первую жертву. Вивиан Берг.

– Спокойно, спокойно, – сказал Мунк, забыв зажечь сигарету. – Что ты такое говоришь? Какие файлы?

– Сосед Мии, – крикнул Габриэль. – Мы уже отправили людей в квартиру. Где ты был?

– Что... вы сделали?

Анетте закончила говорить по телефону и жестом показала Мунку положить трубку.

– Людвиг все организовал, мы послали туда людей, вы скоро?

– Организовал что?

– Соседняя квартира. Александр Серли. Это он. Мы обнаружили фотографии на стенах. Снимки разных костюмов. Вставные зубы. Парики. Очки. У него повсюду ее фотографии, даже у кровати, ну, вы скоро там?

– Фотографии... чьи? – недоумевал Мунк, когда Анетте снова помахала ему.

– Миа, – выдохнул Габриэль. – Все это связано с Мией...

Анетте подошла и изо всех сил закивала головой.

– Они нашли девушку.

– Какую? – спросил Мунк, прикрыв рукой микрофон.

– В зеленой кепке. Ее дочь позвонила. Увидела маму по телевизору. Сейчас ее допрашивают в Гренланде. Мы жестко сбились с курса, Холгер. Его зовут Серли. Александр Серли.

Твою мать.

Мунк снова переключился на Габриэля.

– Вы там были?

– Мы сейчас здесь. Ты должен видеть его квартиру, тут... а дверь Мии открыта...

– Оставайся там, Габриэль, я еду, – проговорил Мунк и бросил сигарету на асфальт.

Волосы убраны наверх. Пышное белое платье. Золотое кольцо на пальце. Босиком, но Миа этого даже не замечала. Она уже почти ничего не чувствовала, когда он вел ее из хижины через лес, приставив к спине пистолет. Два пистолета.

Два глока.

«Ты такие любишь, Миа. У тебя есть такие же, верно?»

Слабый ветер коснулся ее лица, когда Александр приподнял ветку, ведя Мию к воде.

Пусть будет так.

Она держалась молодцом, верно?

Не пила.

Никаких таблеток.

Хорошая девочка.

Во всем позитив.

А сейчас нужно все отпустить.

Таблетки на столе.

На берегу Тренделага.

Остров Хитра.

Дом, который она купила, чтобы исчезнуть.

Он ей помешал.

Мунк.

Появился с папкой.

Мертвая девочка.

Шести лет.

Повешена на дереве с табличкой вокруг шеи.

«Я путешествую одна».

Старое дело. Тогда она отложила свои планы. И позволила им себя использовать, как они обычно это делали.

Черт бы их всех побрал.

Парень толкал ее дальше через лес к воде.

Эта тьма.

Это чертово зло.

Она больше не может.

Пойдем, Миа, пойдем.

Александр пошел вперед и ступил в воду, держа пистолеты перед

собой.

– Вот здесь это было, Миа.

Она уже почти не слышала его голос.

– Вот это озеро. Тогда оно было во льду, конечно.

Юное лицо светилось улыбкой.

– Вот тут я сидел. С рогами оленя на голове. Ждал Бэмби, но он так и не пришел.

Миа приоткрыла глаза, когда Александр направил пистолеты на нее.

– Поехали?

Ветер меж деревьев.

Замедленное дыхание.

– Вместе? В Нангиялу?

Птицы.

Хлопанье крыльев над водой.

Пойдем, Миа, пойдем.

Миа Крюгер вдруг распахнула глаза, внезапно почувствовав себя удивительно бодрой. Лицо у края воды продолжало улыбаться.

Сталкер. Сталкер хренов. Возомнивший ее ангелом. Убивавший во имя нее. Она видела много таких раньше. Тихие детишки, которых никто не замечает. А они прячут зло за маской невинности. Умереть вот так?!

Да ни хрена подобного, Миа.

Уж точно не так.

– Нет.

– Что? – удивился юноша, чуть наклонив голову. – Ты не хочешь?

– Нет, – серьезно произнесла Миа.

– Уверена? – сказал он, сделав еще один шаг в воду.

– Да.

– Не хочешь поехать со мной?

– Нет.

Ветер меж деревьев.

– Ты хочешь жить?

Она не спеша кивнула человеку в воде.

– Ок, – улыбнулся парень и протянул ей руку.

С глоком.

С одним из двух.

– Я рад, Миа, – мерзкий рот растянулся в улыбке, и Александр еще на несколько шагов отошел в холодную воду. – Но ты же окажешь мне услугу?

– Какую?

– Убей меня.

Снова улыбка.
– Ты же сделаешь это для меня, правда?
Она не была готова к звуку выстрела.
Птицы взлетели с деревьев.
– Убей меня, – улыбнулся парень, снова нажав на курок.
Но на этот раз Мию пронзила боль.
В ноге вспыхнуло, и глухой звук пули о камни за ее спиной.
И еще раз.
А сейчас пуля пронзила платье, около бедра, Миа увидела кровь, проступившую на платье.
– Убей меня, Миа.
Парень сделал еще один шаг в озеро и снова нажал на курок.
Пуля задела ее ногу.
Миа направила Glock на не перестающего улыбаться парня.
– Александр, – осторожно произнесла она.
– Ты или я?
По темной воде побежала рябь.
– Я люблю тебя, Миа, – улыбаясь, Александр снова поднял пистолет и на этот раз направил дуло прямо Мии в лицо, не снимая пальца с курка.
Миа мгновенно решилась.
Она подняла Glock.
И выстрелила ему прямо промеж глаз.

7

Июнь, 2013

Солнце стояло высоко в небе, излучая столь желанное тепло, которого Мунк давно не ощущал. Стоя с сигаретой в зубах под зелеными кронами деревьев в саду в Реа, он увидел улыбку Марианне, спешащей к нему.

– Не пора ли уже закончить это?

– Ты о чем?

Бывшая жена подошла близко и крепко обняла его.

– Курить, Холгер!

– Да-да, бросаю сегодня, – улыбнулся Мунк и выбросил окурочек, в то время как очередная празднично одетая пара вошла в ворота.

– Добрый день, – улыбнулась девушка и подала ему руку. – Кэти, мы друзья Зигги.

– Добро пожаловать, – улыбнулся Мунк. – Напитки в доме. Церемония начнется через пару минут.

Парочка кивнула и вошла в дом по лестнице в лучах солнца.

– Наша девочка выросла, – сказала Марианне, осторожно взяв его за руку.

– Это точно.

– Ты рад? У тебя все хорошо, Холгер?

Мунк сжал ее руку и улыбнулся.

– Да, Марианне, у меня все отлично.

– Хорошо, – сказала бывшая жена, и новая пара показалась на гравиевой дорожке.

– Сюда. Напитки на столе, – улыбнулся Мунк новоприбывшим гостям, как вдруг в воротах появилась Миа.

– Поздравляю, – заулыбалась голубоглазая индианка и обняла Марианне. – Куда положить подарок?

– Но подарков же не должно быть, – пробубнил Мунк.

– Да, так всегда, – улыбнулась Миа. – Она в доме?

– Они в гостиной.

– Ладно, я должна поздороваться. Поговорим позже.

Миа быстро обняла Марианне и исчезла в доме.

– Дедушка!

По гравию застучали ножки, и на Мунка набросилась нарядная Марион.

– Привет, дружок, у тебя все нормально? Помнишь все, что должна

сделать?

– О, дедушка, – сказала малышка, сделав серьезное лицо. – Мне же не пять лет. Неужели ты думаешь, это так сложно? У меня корзинка с цветами. Я выгляжу мило и бросаю цветы на землю, пока они идут. Эй! Дедушка, ты же то же самое спрашивал вчера.

– Хорошо, Марион, я только хотел проверить.

Марианне улыбнулась и снова пожала его руку.

– Но дедушка? – сказала Марион, взглянув на него.

– Что?

– Барби не совсем довольна лошадкой.

– Правда?

Малышка приподняла розовое платье и почесала ногу.

– Ну, не то чтобы совсем недовольна, но ей одиноко...

– Лошадке?

– Да, дедушка. Она совсем одна. Бедняжка. Стоит, ест сено, прыгает через препятствия, но да, она совсем одна.

Марианне посмотрела на Мунка и покачала головой.

– Ты хочешь сказать, что ей нужен друг?

– Да! Дедушка, ей нужен друг. Может быть, мы найдем еще одну лошадку, дедушка? На этот раз черную, пусть ее будут звать Пил и она бегаёт быстро-быстро, чтобы моя лошадка очень радовалась?

– Посмотрим, Марион.

– Ура, дедушка! Сегодня?

– Нет, Марион, сегодня мама выходит замуж.

– Тогда завтра?

– Скоро, – улыбнулся Мунк, и ворота снова открылись.

– Добро пожаловать, – улыбнулась Марианне.

– Привет, – проговорил Карри, казавшийся не в своей тарелке в костюме. – Это Луна.

– Добро пожаловать, Луна, – кивнул Мунк, пожав протянутую руку. – Напитки в доме. Церемония начнется на заднем дворе через... совсем скоро.

– Спасибо за приглашение, – вежливо кивнул Карри и провёл свою спутницу вверх по лестнице.

Мунк извлек сигарету из кармана, когда у него запищал телефон.

Сообщение от Лиллиан:

«Поздравляю с прекрасным днем, Холгер! И большое спасибо за свидание в субботу. Повторим? У меня есть билеты в концертный зал на четверг, может, перед этим пообедаем?»

Мунк быстро набрал ответ.

«Непременно, Лиллиан. Жду не дождусь».

И тут на лестнице появился человек со слегка взволнованным лицом, один из друзей Мириам, ответственный за все происходящее.

– Начинаем. Группа играет. Жених спустится к центральному проходу. Уже сейчас. Вы идете?

– Конечно, – кивнул Мунк.

– Идем, – улыбнулась Марианне, снова пожала ему руку и взбежала вперед него по лестнице в белый дом.

Миа Крюгер вышла из машины и пошла по кладбищу, неся в руках цветы. Встала на колени и убрала старые увядшие цветы с могилы. Поставила новый букет в вазу и погладила буквы на камне.

Сигрид Крюгер.

Сестра, подруга и дочь.

Родилась 11 ноября 1979. Умерла 18 апреля 2002.

Помним, любим, скорбим.

Сестра-близнец на золотом поле.

Машет ей.

Пойдем, Миа, пойдем.

– Нет, Сигрид.

Миа сунула руку в карман куртки. На секунду подержала в руке серебристый браслет, затем сняла с руки свой.

М – Миа.

С – Сигрид.

Она выкопала ямку в коричневой земле, и оба браслета исчезли. Откуда-то издали донесся умоляющий голос сестры.

– Нет, Сигрид, – сказала Миа. – Я должна попробовать. Быть собой. Жить. Я хочу этого. Понимаешь?

Миа поднялась на ноги перед белым камнем в ответ на молчание.

– Ладно?

Ни звука.

Только ветер.

– Я уволилась с работы, я ухожу, хорошо?

Миа стояла у могилы.

Сестра на ярко-желтом поле.

Размытое лицо на секунду обернулось к ней.

И она исчезла.

Миа плотнее укуталась в куртку и пошла по гравиевой дорожке. Бросив последний взгляд на белый камень, она села в нефритово-зеленый «Ягуар».

И выехала на дорогу.

Примечания

1

Управление уголовной полиции Норвегии.

2

Вечное лето (*англ.*)

3

Кампус Университета Осло.

4

Большие данные. Большой брат следит за тобой. (англ.)

5

Ну что, перешел на другую сторону? *(англ.)*

6

Пер. Беяковой Нины.

7

Мой смешной Валентин (*англ.*)

8

Отдел, занимающийся внутренними расследованиями в полиции.

9

Союз критической и исследовательской прессы.

10

Рад помочь. *(англ.)*

11

У меня рот на замке (*англ.*)

12

Прекрати играть с моим сердцем. *(англ.)*

13

Норвежская государственная телерадиовещательная корпорация.

14

Служба безопасности полиции.

15

Житель губернии Тренделаг в Норвегии.

16

Поцелуй повара. (*англ.*)

17

Извините? Отец Мэллей? (*итал.*)

Загробный мир, сказочная страна из повести Астрид Линдгрен «Братья Львиное сердце».

Table of Contents

Самюэль Бьорк Мальчик в свете фар

I Апрель, 2013

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

2

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

3

30

31

[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)

[4](#)

[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)

[5](#)

[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)

6

69

70

71

72

73

74

75

75

77

7 Июнь, 2013

78

79

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18